

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

Полное
собрание
сочинений

астрид
линдгрэн

Черсти и я

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

Черстин и я

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"

2002

УДК 82-93
ББК 84.4 Шв
Л 59

Автор проекта Л. Ю. Брауде

© Lindgren Astrid.
Britt-Mari lättar sitt hjärta 1944,
Kerstin och jag 1945.
First published by Rabén & Sjögren, Stockholm

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (KERSTIN KVINT)
за помощь в приобретении прав
на произведения А. Линдгрэн

Оформление Вадима Пожидаева

Художник Виктор Боковня

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Линдгрэн А.

Л 59 **Собрание сочинений: В 10 т. Черстин и я / Пер. со шв. Л. Брауде. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 352 с.**

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00137-7

В настоящий том вошли две ранних повести Астрид Линдгрэн: «Бритт Мари изливает душу», послужившая для великой шведской писательницы пропуском в мир литературы, и «Черстин и я» — повесть о первой любви и не только о ней.

ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00137-7

© Л. Брауде, перевод, 1959, 1960
© Л. Брауде, статья, примечания, 2002
© «Азбука-классика», 2002

Бритт Мари, Черстин и Барбру

Кто из детей нашей страны не знаком с Пиппи Длинныйчулок, с Малышом и Карлссоном, с Эмилем из Лённеберги и Калле Блумквистом, с Роньей, дочерью разбойника, и братьями Львиное Сердце, с Малышкой Чёрвен, с детьми с улицы Бузотеров и многими другими! И все российские дети, конечно же, знают их создательницу, знаменитую на весь мир писательницу Астрид Линдгрэн.

Но почти никому не известно, что одновременно с «Пиппи Длинныйчулок» Линдгрэн писала и книгу для девочек «Бритт Мари изливает душу», которая стала ее первым опубликованным произведением (1944).

За ней последовала другая повесть для девочек, «Черстин и я» (1945), а затем трилогия о Кати (1945, 1952, 1954). Эти книги были переведены на многие языки мира, но в России впервые их издали в 1999 году.

В 1930-е годы в Швеции вышло 14 книг для девочек. И, как пишет одна из крупнейших специалистов по детской литературе Швеции, профессор Виви Эдстрём, почти во всех без исключения повестях проявилось «крепко сцементированное сопротивление всяческим изменениям». Цель их героинь, по словам другой исследовательницы, Гуниллы Доммеллёв, «„надежная

гавань“ замужества и приспособления». Но даже в этих узких рамках книги для девочек давали пищу для размышлений о морали и ответственности, в них все же намечалась возможность развития жанра в дальнейшем.

Новую жизнь в книги для девочек вдохнула в 1940-е годы Астрид Линдгрен. В одном из эссе писательница, рисуя круг своего чтения в детстве и юношестве, наряду с произведениями мировой литературы и некоторыми знаменитыми творениями шведских писателей, заметила: «И еще эти изумительные книги для девочек...» Самой любимой среди них была повесть канадской писательницы Люси Мод Монтгомери «Аня из Зеленой Долины»; Линдгрен и ее сестры нередко разыгрывали целые сцены из этой книги. «О ты, незабвенная моя!» — обращалась писательница к героине своего детства. «И неудивительно, — замечает Эдстрём, — что Линдгрен в значительной степени примыкает к этой литературной традиции, когда пишет о девочках-подростках».

В первой же ее книге «Бритт Мари изливает душу» мы встречаем девочку Аннастину, которая, в отличие от ее более современно мыслящих подруг и друзей, не собирается после окончания гимназии учиться дальше, а хочет лишь удачно выйти замуж. Бритт Мари, которая, хотя и мечтает стать журналисткой, тоже планирует «иметь собственный дом и целую кучу маленьких мягких детенышей». А девочки-близнецы Черстин и Барбру из повести «Черстин и я», когда их родители переезжают в разоренную родовую усадьбу, без колебаний решают покончить с учебой и поселиться вдали от города.

Книга «Бритт Мари изливает душу» в 1944 году заняла второе место на конкурсе детского издательства «Рабён—Шёгрэн». Конкурс для будущей писательницы стал пропуском в мир детской и юношеской литературы, подтверждавшим, что она умеет писать. «Я никогда раньше не испытывала большей радости, чем поздней осенью 1944 года, когда получила это извес-

тие», — говорила впоследствии Линдгрэн. От счастья она танцевала по комнате. Однако члены жюри и сам владелец издательства «Рабен—Шёгрэн» Ханс Рабен скорее всего не разделяли ее радости. Когда вскрывали конверт с именами авторов представленных на конкурс произведений, все члены жюри застыли в ожидании. Если бы автором повести «Бритт Мари изливает душу» оказался знаменитый писатель, это помогло бы быстрее распродать книгу и спасти издательство, дела которого шли неблестяще. Разочарование было огромное. Ханс Рабен произнес тогда: «Обыкновенная домохозяйка с улицы Далагатан в Стокгольме. А жаль!»

«Откуда ему было знать, — пишет Эдстрём, — что у этой домохозяйки бомба в кармане!» Этой бомбой оказалась «Пиппи Длинныйчулок» (1945), поправившая через год финансовые дела издательства и прославившая Линдгрэн на весь мир. А тогда она стала просто автором первой и пока еще единственной опубликованной книги «Бритт Мари изливает душу». И хотя у этой повести действительно были предшественники, например знаменитая книга «Дядюшка Длинные Ноги» американской писательницы Джин Уэбстер, героини Линдгрэн гораздо самостоятельнее и откровеннее. Правда, они слегка иронически относятся к родителям, братьям и сестрам, но они любят свой дом, порядочны и честны. Одним словом, книга о Бритт Мари вполне соответствовала тем требованиям, которые предъявляла конкурсная комиссия: воспитывать «любовь к своему дому и семье, а также серьезность и чувство ответственности в отношениях с противоположным полом».

«Бритт Мари изливает душу» — повесть о тех, кто вступает в жизнь. В ней поднимаются проблемы любви, смысла существования, семьи, идеал которой Бритт Мари видит в собственной семье, где главное — дети и книги. По словам девочки, будущий ее муж тоже должен любить детей и книги. В своих письмах Бритт

Мари рассказывает обо всем, что происходит в их провинциальном городке Смостаде, в ее семье, в школе. Тихий уютный Смостад резко противопоставлен шумной и «опасной» столице Стокгольму. Впоследствии картины жизни маленького городка, которые потом ярко предстанут в книгах о Калле Блумквисте и о Мадикен.

Описание дома и чуточку богемной семьи у Линдгрена полностью отвечает всем требованиям жюри. Как отмечает шведский биограф писательницы Маргарета Стрёмsted, «семья в книге „Бритт Мари изливает душу“ — это очаровательная богемная семья, характерная для американских кинокомедий 1940-х годов».

В описании интеллигентной семьи Хагстрём из провинциального городка, безусловно несколько идеализированном, выделяются основные персонажи. Тут и строгий, но справедливый отец Бритт Мари, ректор; его бесхозяйственная и добродушная оптимистка-жена; старшая дочь, ангел-хранитель семьи Майкен (предвестие образа Малин в книге «Мы — на острове Сальткрока»); острый на язык младший сын Сванте и прелестная четырехлетняя Моника, проливающая слезы оттого, что ей приснился сон, который «детям до 16 лет смотреть не разрешается».

Удачнее всего — детские образы, особенно Сванте, предшественник героя книги «Расмус, Понтус и Глупыш», шаловливый проказник, но очень остроумный и верный рыцарь, помогающий сестре в трудную минуту. Большой интерес представляют картина отношений в семье, народные и семейные праздники, портреты сверстников Бритт Мари.

В центре повествования — оригинальная, добросердечная, веселая и остроумная девушка — характерный типаж 1930—1940-х годов, со всеми ее добродетелями и маленькими слабостями. Бритт Мари — сильный и серьезный человек, она видит и подлость, встречающуюся в жизни, и неблагополучие других людей.

Линдгрэн вспоминала: «Когда я писала повесть „Бритт Мари изливает душу“, я подарила Бритт Мари все те качества, которыми сама хотела бы обладать в ее возрасте. Она стала сильной...» И не случайно подруга Бритт Мари Марианн хочет быть похожей на нее. Ведь Бритт Мари всегда имеет собственное мнение, может противостоять почти целому классу, а когда попадает в экстремальные условия, не теряется. Она спасает Марианн из проруби и находит младшего брата, когда тот убегает в цыганский табор. Линдгрэн включает в книгу некоторые эпизоды из своей жизни (например, как она искала работу «опытной машинистки»). Об этом она рассказала в интервью 1953 года. Но еще раньше подарила этот случай Бритт Мари.

В книге не обошлось и без шаблонного «соблазнителя» Стига Хеннингсона, который, естественно, явился из столицы. И без его полной противоположности — идеального, замечательного юноши Бертиля, собирающегося стать инженером. Между Бертилем и Бритт Мари возникает недоразумение, которое разрешается благодаря Сванте, в сущности благородного и порядочного мальчика.

Несмотря на свои любовные переживания, Бритт Мари не оторвана от окружающего мира.

Уже в этой ранней книге, как позднее в повестях «Мы — на острове Сальткрока», «Расмус-бродяга» и «Кати в Америке», Линдгрэн делает попытку обратиться к историческому прошлому Швеции, поднять тему разорения торпарских семей, эмиграции их в Америку. В заброшенном домике Бритт Мари читает письмо торпарской девушки из Америки, датированное 1885 годом. Та много работает в чужой стране и мало зарабатывает. Пытаясь понять человека, покинувшего родину, Бритт Мари предполагает, что девушка была так бедна, что отъезд в Америку представлялся ей единственным выходом из положения.

Семья героини, 16-летней школьницы, не слишком зажиточна. Бритт Мари пишет подруге, что не так-то легко прокормить пятерых детей, одеть и обуть их. И в мире, по мнению героини, тоже не все так благополучно, как кажется на первый взгляд.

Бритт Мари пишет подруге о приезде к ним в дом еврейской семьи (напомним, что действие происходит во время Второй мировой войны), преследуемых, лишенных родного дома, гонимых за свое происхождение людей — женщины со взглядом затравленного зверя и истощенных детей. Судя по всему, они бежали со своей родины и направляются неизвестно куда. С той же подкупающей пылкостью, с какой Бритт Мари вступает за обиженных в школе и возмущается бессловесностью слуг в богатой семье ее подруги («Будь я рабыней в этом доме, в одно прекрасное утро я ринулась бы... на господ... со знаменем мятежа»), она заявляет: «Ни у одного человека на свете не должно быть таких смертельно печальных глаз, как у этой мамы. Ни у одного ребенка — такого бледного, преждевременно состарившегося личика».

Хотя Бритт Мари переживает невзгоды семьи изгнанников и плачет по ночам, создается впечатление, что письмо, посвященное беженцам, служит скорее, как пишет Эдстрём, цели усилить картину благополучия и надежности счастливой семьи Хагстрём.

«Бритт Мари изливает душу» — в какой-то степени школьная повесть, хотя то, что связано с учебой, не очень занимает главную героиню. Школа рисуется в книге скорее с отрицательной стороны. Бритт Мари описывает скуку, которая царит на уроках биологии и арифметики, а когда из-за болезни остается дома, то при одном воспоминании о том, что в школе в это время идет урок математики, у нее поднимается настроение.

«Бритт Мари изливает душу», как и упомянутая выше книга Уэбстер, — это повесть в письмах, что чрез-

вычайно редко встречается в современной литературе, особенно детской. Можно сказать, что у Линдгрэн это исповедальная проза, почти дневник, так как там мы читаем лишь письма самой Бритт Мари. Переписка — обычно диалог. Тут же скорее монолог. И намек на ответы стокгольмской подруги Кайсы Хультин является скорее всего литературным приемом, позволяющим Бритт Мари излить душу. Читатель ничего не узнает о Кайсе, но зато подробно знакомится с духовной жизнью Бритт Мари. Это лирическая исповедь девушки, подчас серьезная и слишком взрослая, подчас веселая и остроумная. Причем почти каждое письмо имеет свой сюжет. Иногда это маленькая новелла. Письма открывают читателю внутренний мир Бритт Мари, показывают достаточно высокий уровень ее знаний, широкий круг чтения: от детских книг — сказок и Диккенса — до произведений греческого философа Эпиктета, с творчеством которого ее знакомит отец.

Особое место в книге принадлежит юмору и иронии. Теплое любовное чувство смягчает легкий юмор и иронию Бритт Мари по отношению к семье и подругам. Ирония становится убийственной, когда речь заходит о комиксах и сериях в еженедельных газетах, а иногда и об учителях. Этот замечательный юмор и бурная ирония окрашивают все произведение, а великолепные описания природы придают ему особую привлекательность.

В более широком плане подняты проблемы воспитания, философские вопросы, нетипичные для молодой девушки, в другой повести Линдгрэн — «Черстин и я», повести о юности и первой любви. Причем методы школьного образования подвергаются здесь еще большей критике и высмеиванию, чем в книге о Бритт Мари.

Сестрам-близнецам Черстин и Барбру весьма досадили грамматика, всеобщая история, биология и прочие

предметы, которые учителя, по мнению девочек, с большой самоотверженностью пустили в ход, дабы отравить жизнь невинным молодым людям, не сделавшим им ничего дурного. Родители девочек, решив переехать в заброшенную родовую усадьбу, думают, что им делать с дальнейшим обучением дочерей, но Барбру и Черстин в один голос насмешливо заявляют: они усвоили уже почти все, что нужно знать о наречии и о том, как случилось, что эллинская культура трагически погибла. Но, ознакомившись с живописными окрестностями имения, Барбру удивляется, что биология может быть такой интересной.

«Только тот, кто работает и учится любить работу, может стать счастливым», — заявляет мать Черстин с Барбру, и те вполне согласны с нею. Они бросают школу и работают в усадьбе, моют, чистят, скребут дом и ничуть не жалеют о школьных уроках. Они занимаются огородом, прореживают свеклу, возят молоко на молокозавод и рожь на гумно. Запущенное имение вскоре начинает процветать. Описания природы, животных придают книге, по мнению Стрёмстед, характер чуть ли не пособия по земледелию и скотоводству.

«Одного труда мало, чтобы быть счастливой», — говорит Барбру матери. Да, ей и Черстин нужны еще дружба и любовь. Надо сказать, что страницы, посвященные теме любви, наиболее слабы в художественном отношении. Черстин знакомится с соседским юношей Эриком, а Барбру, оказавшаяся в одиночестве, очень скоро знакомится с молодым человеком по имени Бьёрн, и жизнь обретает невиданные краски. Правда, тут не обошлось без мимолетного увлечения будущим летчиком Кристером, вернее, его формой и легковой машиной. Но истинная любовь торжествует: Барбру снова возвращается к любящему ее Бьёрну.

В книге находят отражение литературные вкусы самой Линдгрэн. Так, Барбру рассказывает детям люби-

мые сказки писательницы: «Дюймовочку» Х. К. Андерсена и «Сампо-Лопаренка» С. Топелиуса, который привлекает Линдгрэн своим «ясным, простым языком, представляющим нечто уникальное для XIX века с его сложным способом выражения».

Линдгрэн рассказывает о патриархальной Швеции, еще сохранившей кое-где уголки с идеальными отношениями между слугами и господами, с народными праздниками и т. д. Здесь, как впоследствии в повестях об Эмиле и детях из Буллербю, Линдгрэн выступает продолжательницей традиций Сельмы Лагерлёф. Окрестные крестьяне охотно помогают майору, а Барбру берет на попечение пятерых детей скотника Ферма, когда его жена попадает в больницу.

Но Линдгрэн, с присущей ей объективностью, пишет о том, как современность приходит в старые патриархальные усадьбы, как некогда богатые владельцы разоряются, сдают свои «родовые гнезда» в аренду и как роскошное в прошлом поместье оказывается самым жалким среди окружающих его крепких крестьянских усадеб. На поля приходит современная техника, тракторы, и отец близнецов вместе с преданным Юханом мечтает, какая великолепная техника будет в деревне в будущем.

В повести нет ни слова о бедности. Все прекрасно и идеально. В окружающей девушек жизни зло принимает облик некоего крестьянина из Лёвхульты, который неизвестно почему радуется хозяйственным неудачам жителей усадьбы Лильхамра.

Книга написана в мягких лирических тонах, с многочисленными чудесными описаниями шведской природы, с сентиментальной обрисовкой отношений в семье, с юмористическими диалогами. Прекрасно, как всегда, даны образы детей: маленького «гангстера», избалованного братца подруг Черстин и Барбру, и детей скотника Ферма, особенно Малыша Калле.

Книга «Черстин и я» написана от лица Барбру, которая очень похожа на саму Астрид: яркая индивидуальность, увлеченность, поэтичность, юмор, любовь к природе.

Благодаря повести «Черстин и я» Линдгрэн снова познала радость творчества. Книга помогала ей избавиться от меланхолии, вызванной жизненными трудностями в этот период.

«Вообще-то, — сообщает она в письме (март 1945 года), — я пишу как раз сейчас повесть „Черстин и я“. Здесь — красиво, и я иногда весела, а иногда печальна. Больше всего рада, когда пишу».

Перечитывая книги Астрид Линдгрэн, снова и снова убеждаешься в том, что сила ее творчества — в реальном изображении жизни, в увлекательном стиле, в блестящем, искрящемся юморе. Лучшие произведения писательницы свободны от штампов, от надуманности и слащавости.

Анатоль Франс верно объяснял неуспех написанных специально для детей книг тем, что «автор, задерживающий их внимание на них самих и их ребячествах, им жестоко надоедает», а также тем, что такие авторы «стараятся походить на детей и делаются детьми, но детьми без непосредственности и грации».

Линдгрэн редко утрачивает эту непосредственность и во всех своих художественных произведениях, как справедливо считает она сама, внушает читателям большую терпимость, большую человечность и внимание к ближним.

Людмила Брауде

Бритт Мари
изливаєт душу

се началось с того, что мама отдала мне свою старую пишущую машинку... Большая, громоздкая рухлядь, от одного вида которой кровь застыла бы в жилах мастера по ремонту пишущих машинок.

Машинка и вправду страшная-престрашная! Она издает ужасающие звуки, когда я стучу на ней. Мой брат Сванте выразил свое мнение о мамином подарке так:

— Бритт Мари, а ты не думала, как прекрасно, когда неожиданно гасят примус?

— Как так? О чем ты? — спросила я.

— Когда ты кончаешь барабанить на этой молотилке, раз в десять прекрасней, — ответил Сванте, презрительно кивая в сторону пишущей машинки.

Он просто завидовал, в этом-то все и дело. Он так безумно хотел, чтобы машинка досталась ему! И не ради того, чтобы писать на ней, а для того, чтобы разбирать и снова собирать и смотреть, сколько лишних винтиков осталось в результате его деятельности.

Но мама считала, что мне полезно поупражняться в машинописи, и поэтому машинка досталась мне. И я так рада!..

Но владеть чем-то — это странно и совсем не просто. И фактически ко многому обязывает. Если у тебя есть корова, ее надо доить, если пианино, надо хотя бы играть на нем, ну а уж если пишущая машинка — надо писать на ней. Конечно, первые дни я стучала на машинке, как одержимая дикарка. Но ничего существенного не писала — один детский лепет. В конце концов я поняла, что это возмутительное расточительство, просто перевод бумаги, когда на целой четверти листа ничего не написано, кроме как:

БРИТТ МАРИ ХАГСТРЁМ,
ВИЛЛА «ЭКЕЛИДЕН»¹,
ГОРОД СМОСТАД².

Бритт Мари Хагстрём, пятнадцати лет.

И еще имена всех моих сестер и братьев:

МАЙКЕН ХАГСТРЁМ,
МОНИКА ХАГСТРЁМ,
СВАНТЕ ХАГСТРЁМ,
ЙЕРКЕР ХАГСТРЁМ.

А потом снова мое собственное имя:

БРИТТ МАРИ ХАГСТРЁМ,
Бритт Мари Хагстрём,
БРИТТ МАРИ Хагстрём.

¹ Экелиден — поросший дубом склон (шв.). — Здесь и далее примечания переводчика.

² Смостад — маленький город (шв.).

Внизу же Сванте в минуту слабости ухитрился приписать:

Надоела эта вечная трескотня
о Бритт Мари Хаг стрём.
Напиши хоть иногда разнообразия ради:
Аманда Финквист
или что-нибудь в этом роде.

Он, безусловно, был прав, но я-то не была расположена в этом признаться и припечатала:

ВНИМАНИЕ!

Пишу, что хочу, на МОЕЙ пишущей машинке.

ВНИМАНИЕ!

А что, вообще-то, тебе делать в моей комнате?

Когда я в следующий раз вернулась к своему письменному столу, то увидела на листе бумаги следующий ответ:

Об этом деле можешь абсолютно
не беспокоиться.

(Он пишет совершенно безграмотно, мой дорогой братец!)

Я сделала все, что в моих силах, дабы «абсолютно не беспокоиться». Но на завтра вставила в машинку новый, чистый лист бумаги и начала печатать невероятно красивое, как мне показалось, стихотворение. Я успела сочинить только две первые строчки, и звучали они так:

Я странствую при свете звезд
и думаю, думаю без конца...

Но пора было бежать в школу, а когда я вернулась домой к ленчу, Сванте уже завершил мое поэтическое произведение, и оно звучало вот так:

Я странствую при свете звезд
и думаю, думаю без конца,
и ноги мои так ужасно устали,
когда прохаживалась я там
до самого утра.

И еще он добавил следующее:

Не думай, не думай без конца!
У тебя только закружится голова!

Постепенно мне становилось ясно, что пишущую машинку можно использовать с бóльшим успехом. Но как? Печатать на машинке домашние сочинения не разрешается, а писать на машинке дневник вообще нельзя. Да и все эти затеи с дневником мне не по душе. Довериться обыкновенному листу бумаги, который не может даже воскликнуть «вот как!» в ответ на твои излияния, — какой, собственно говоря, в этом смысл?! Мне хочется думать, что я беседую с живым существом... И я долгое время втихомолку мечтала обзавестись постоянной корреспонденткой, подругой по переписке, чтобы открывать ей свое сердце... Это будет совершенно незнакомая мне, терпеливая маленькая особа, которая слушает и отвечает тебе. У многих из школьной молодежи — из тех, кого я знаю, — есть постоянные корреспонденты. А некоторые пишут даже тем, кто живет в других странах. Мне нравится думать об этом. Обо всех письмах, что летают взад-вперед и словно нитью свя-

зывают людей в разных местах и в разных странах между собой и делают их ближе друг другу.

И вот как-то раз, когда одна из девочек в нашем классе закричала: «Кто хочет написать письмо стокгольмской девочке по имени Кайса Хультин?» — то я поступила как Густав Васа¹ в битве при Бреннчюрке², я вышла большими шагами вперед и ответила:

— Это сделаю я!

И как только уроки кончились, я побежала домой и уселась за машинку. И вот что я написала.

Смостад, 1 сентября

Дорогая незнакомая подруга!

Если ты, разумеется, захочешь стать ею. Я имею в виду — захочешь переписываться со мной. Надеюсь, что ты не против. По-моему, не совсем нормально, если у тебя нет корреспондентки. У всех девочек в классе есть один или несколько таких, как у нас говорят, «предметов первой необходимости». Только у меня до сих пор такой подруги не было. И тогда тебе легко понять, почему, когда вчера Марианн Уддён перед уроком географии поднялась на парту и, выкрикнув твое имя, спросила, не хочет ли

¹ Густав Васа — основатель шведской королевской династии (1523—1654).

² В 1518 г. датский король Кристиан II (1481—1559) высадился в Швеции, где и состоялась битва при Бреннчюрке. Победил Стен Стуре Старший, представитель шведского дворянского рода, регент и правитель страны долгие годы.

кто-нибудь написать тебе, я тотчас согласилась. Она сказала, что узнала твое имя и адрес от одной из подруг, с которой переписывается.

И вот теперь у тебя есть я! Но, быть может, мне следовало сначала представиться: меня зовут Бритт Мари Хагстрём, мне 15 лет. Я учусь в Смостаде, в шестом классе школы для девочек. Ты спрашиваешь, как я выгляжу? (Мой брат Сванте считает, что это — первый вопрос, который задают девочки.) Дорогая моя, я хороша, словно ведьма, у меня черные как смоль волосы, темные сверкающие глаза, персиковый цвет лица: «Mein Liebchen, was willst du noch mehr?»¹

И ты поверила? В таком случае ты, возможно, разочаруешься, когда я сообщу тебе: когда я ложусь спать по вечерам, то пытаюсь внушить себе, что именно так и выгляжу. Реальность, к сожалению, не столь блестяща. Откровенно говоря, внешность у меня очень обыкновенная: обычные голубые глаза, обычные светлые волосы и обычный маленький вздернутый нос. Во мне, насколько я сама могу судить, ну ничегошеньки необыкновенного нет. Хотя, возможно, печалиться об этом не стоит. Подумай только, если бы у меня на самом деле была необычная внешность, и единственно необычной была бы необычайно большая бородавка на носу, или я была бы необычайно кривоногая...

¹ «Моя милочка, чего тебе больше желать?» (нем.) — рефрен стихотворения великого немецкого поэта Генриха Гейне (1797—1856) «Твои жемчуга и алмазы...» из сборника стихотворений «Книга песен» (1826—1827).

Что касается моей семьи... но вообще-то об этом ты узнаешь в следующий раз.

Какой смысл выбалтывать тебе абсолютно все, прежде чем я узнаю, вправду ли ты хочешь переписываться со мной? Итак, я жду! Жду с колоссальным нетерпением. Тебе следует знать, что я ужасная графоманка, а теперь еще мама была так мила, что позволила взять ее старую пишущую машинку, когда купила себе новую. Поэтому теперь, пожалуй, я утоплю тебя в более или менее гениальных посланиях. Так интересно переписываться с кем-то, кто живет в Стокгольме! Понимаешь, я надеюсь услышать шум большого города в твоих письмах. Маленький город, такой, как наш, шуметь не может, самое большее, на что он способен, это журчать, как ручеек. Но если ты поспешишь и примешься шуметь, я стану журчать, это я тебе обещаю! Журчать вверх и вниз по странице...

Привет, дорогая незнакомая Кайса!

Дай о себе знать, и как можно скорее!

Бритт Мари.

8 сентября

Ты хочешь переписываться, Кайса, ты хочешь! Ура! Я так рада, что мои пальцы, делая ложные шаги по клавишам, допускают ошибки.

Ты написала невероятно длинное и приятное письмо. Теперь я уже многое знаю о тебе и твоих сестрах, о твоих маме и папе.

Интересно ли тебе узнать что-нибудь о моей семье? Она довольно большая и довольно разнообразная, так

что, если я стану описывать ее подробно, это займет, вероятно, много времени. Если устанешь читать, кричи!

Начну с главы семьи. Мой папа — ректор учебного заведения для мальчиков в нашем городе. Я люблю его. Он самый чудесный папа во всем мире. Да, это абсолютно так! У него серебристо-седые волосы и молодое лицо. Я думаю, он знает все на свете. Он — спокойный. У него есть чувство юмора. Он почти всегда сидит в своем кабинете и читает. Хотя он, разумеется, много времени уделяет и нам, детям. Он не любит жаркое из баранины, да, да, я вовсе не утверждаю, что это возвышает его над всем остальным человечеством, но, во всяком случае, жаркое из баранины он не любит. Еще он не любит, когда врут и когда сплетничают и всякие там кофепития. И я не знаю ни одного человека столь же рассеянного, как папа. Если бы такой нашелся, это была бы наша мама. С такими родителями просто чудо, что мы, дети, не стали профессорами уже с того самого дня, когда появились на свет... По крайней мере во всем, что касается рассеянности. Но, как ни странно, мы, кажется, вполне нормальные.

Мама тоже почти целыми днями сидит в своей комнате и стучит на машинке так, словно у нее пальцы горят. А вообще-то она переводит на шведский язык книги.

Время от времени она вспоминает, что произвела на свет пятерых детей, и в избытке материнских чувств выскакивает из своей комнаты и начинает воспитывать нас направо и налево. Строгой она никогда не бывает, потому что смеется над всем на этой греш-

ной земле, над чем только вообще можно смеяться, и еще немножко в придачу. Она ни капельки не сердится, когда мы заявляемся к ней в комнату и мешаем работать. Она бы даже не заметила, если бы целый железнодорожный состав внезапно промчался через ее комнату. На днях у нас в доме были двое слесарей-водопроводчиков, которые ремонтировали ванную, и там стоял жуткий шум-грохот. Алида пылесосила, малышка орала, как будто ее режут, а мой братец Сванте делал все, что в его силах, наигрывая на гармонике «Шум водопада в Авесте»¹. И тогда моя взрослая сестра Майкен, сунув голову в дверь маминой комнаты, спросила, может ли мама работать, когда вокруг такой шум и кавардак.

— Конечно могу, — сказала мама, улыбаясь своей самой лучезарной, обезоруживающей улыбкой. — Такие шарманщики мне ничуть не мешают.

Ты, должно быть, думаешь, что в доме с такой хозяйкой царит дикий беспорядок. Нет, тут ты ошибаешься. Здесь есть управляющая рука и бдительное око, и обе эти драгоценные части тела принадлежат моей взрослой сестре Майкен. Этой особе всего лишь девятнадцать лет, и все-таки Майкен абсолютно самостоятельна в том, что касается заботы обо всей этой трудноуправляемой семейке. Она обращается со всеми нами, включая маму, с материнской снисходительностью. Она так спокойна, и решительна, и деятельна, что мы все безоговорочно склоняемся перед ее мудрыми решениями, по крайней мере когда речь идет о житейских вопросах. Возможно, старшая дочь

¹ Авеста — шведский курорт с целебными источниками.

в семье и должна была стать такой, если милая ненормальная мамочка только и делает, что смеется и стучит на машинке.

В то время, когда Майкен пошла в школу, у мамы, конечно, было не очень много времени заниматься переводами. Тогда ей приходилось самой быть хозяйкой. Она и была ею — всегда в хорошем настроении и с довольно плохими результатами. Она весело смеялась, когда жаркое подгорало, а выпечка не удавалась. Рассказывают, что Майкен уже в десятилетнем возрасте ходила вокруг мамы и напоминала ей о том, что надо сделать.

А когда Майкен закончила восемь классов, то, само собой разумеется, она абсолютно естественно впряглась в ярмо и заняла мамино место хозяйки дома. Мама весело щебетала, направляясь к своей пишущей машинке. И, как уже сказано, Майкен — самостоятельна. Но она также и мила, ужасно мила, и потому-то мы живем в постоянном страхе, что кто-нибудь из всех этих молодых людей, которые бегают и увиваются за ней, похитит наше сокровище. В настоящее время некий нотариус нашего судебного округа слишком часто стал у нас околачиваться.

— У Майкен опять объявился новый шейх, — говорит Сванте, огорченно качая головой. — Когда ты, Майкен, собираешься пролепетать ему сладостное слово «да», чтобы услышать звон свадебных колоколов? — спрашивает он за завтраком.

Но Майкен величественно-спокойно продолжает сидеть за столом и не отвечает на его слова.

— Он поведет ее к алтарю через мой труп, — говорю я. — Уж если ей, в конце концов, обязатель-

но надо выйти замуж, то пусть выходит по крайней мере за адмирала или за графа, а не за такого вот ничтожного нотариуса.

Тут Майкен открывает наконец рот и с мягкой иронией произносит:

— Милые вы мои, никогда я замуж не выйду! Я буду обретаться здесь до конца своей жизни, штопать ваши чулки и носки, вытирать вам носы и напоминать о ваших уроках. Вот весело-то будет!

Тут мы сразу чувствуем себя совершенно уничтоженными и усердно пытаемся выдать Майкен замуж чуть ли не завтра, даже если это приведет к распаду семьи и к подгоревшему жаркому на веки вечные в будущем.

— Однако же, — говорит Майкен, — если это может вернуть вам душевный покой, то могу сказать, что мне этот нотариус даже за пять эре¹ ни к чему!

Думаю, так оно и есть. Надеюсь, на этот раз опасность миновала.

В состоянии ли ты слушать еще о семействе Хагстрём? Потому что в таком случае я могу рассказать о нижеподписавшейся особе, что в толпе сестер и братьев следует под номером два. Что можно сказать о себе самой, как ты думаешь? Что я люблю книги, что ненавижу ложиться спать, что до умопомешательства обожаю свое семейство (хотя иногда оно меня раздражает), что презираю завитые волосы и никогда не захочу, чтобы у меня был перманент, что

¹ Эре — шведская мелкая монета.

люблю природу, когда могу самостоятельно ковыряться в саду, но ненавижу убирать там, что люблю голубые весны, и теплые лета, и прозрачные осени, и снежные зимы, когда могу кататься на лыжах, и что я, короче говоря, по-настоящему люблю жить на свете. Кроме того, я люблю писать сочинения и вынуждена терпеть из-за этого от Сванте бесконечные насмешки.

— Не могу спать по ночам, — говорит он, — я бодрствую и только и думаю о том, что мы станем делать с кучей денег, когда Бритт Мари получит Нобелевскую премию. Обещай, что подаришь мне тогда клюшку для игры в хоккей с мячом!

— Если не замолчишь, ты сейчас же получишь, — отвечаю я, — но только не клюшку, а клюшкой по башке!

Возможно, уже на основании вышеизложенного тебе удастся сделать некоторые выводы о том, что представляет собой Сванте! Я хочу только добавить: этому юнцу четырнадцать лет, и он самый ленивый из всех Божьих созданий, когда дело касается школьных уроков. Но весьма прилежный и упорный, когда речь идет об игре на гармонике, о футболе или чтении приключенческих романов, о том, чтобы дразнить сестер и увиливать от встречи с зубной щеткой. Но у него есть чувство юмора, и я думаю, из всех моих братьев и сестер с ним я чаще всего дралась и любила его больше всех, потому что мы почти ровесники. Правда, про драку, быть может, я несколько прихвастнула. Последние десять лет нашей жизни Сванте, к сожалению, был сильнее меня. Но ты ведь знаешь, стараешься делать все, что

в твоих силах, и бессчетны все те сражения, которые мы выдержали друг с другом. Когда же дело касалось других негодных мальчишек, мы, во всяком случае, всегда держались вместе. И было время, когда Орлиный Глаз и Соколиный Глаз¹ из овеванных славой племен индейцев сиу² наводили настоящий ужас на других индейцев в этой части города. Когда мы выкапывали боевые топоры, наши враги, такие, например, как Крадущееся Дерьмо и Брат Селедочных Молок, трепетали от страха. Между нами говоря, я по-прежнему необыкновенно привязана к Сванте, хотя нельзя слишком явно давать ему это заметить. У него может развиться чересчур высокое мнение о собственной персоне, а это ему пользы не принесет.

Я считаю, что Сванте и я, вместе взятые, представляли собой в нежном младенческом возрасте такое испытание для наших родителей, что они решили: на некоторое время с них хватит! Во всяком случае, прошло целых семь лет после рождения Сванте, прежде чем на свет появился Йеркер. Сейчас ему, стало быть, семь лет, и как раз на днях он пошел в школу. Еще совсем недавно они со Сванте

¹ Возможно, эти прозвища и игры навеяны романами замечательного американского писателя Джеймса Фенимора Купера (1789—1851). Его имеющий мировую известность герой цикла из пяти романов — Натти Бумпо — выступал также под именем Соколиный Глаз («Пионеры», 1823; «Последний из могокан», 1826; «Прерия», 1827; «Зверобой», 1841; «Следопыт», 1845).

² Североамериканские племена индейцев, живущих ныне в резервациях Северной и Южной Дакоты.

жили в одной комнате, но, когда Сванте обнаружил однажды в своей кровати дохлую крысу, он начал медленное отступление. Крыса была, так сказать, той каплей, которая переполнила чашу. Видишь ли, Йеркер страдает манией коллекционирования, он наводнил их общую комнату своеобразными камнями, каталогами, рыболовными крючками, головоастиками, корой, из которой вырезают берестяные лодочки, почтовыми марками и, как уже сказано, той или иной дохлой крысой. В результате ему досталась — будет преувеличением сказать — отдельная комната, но, во всяком случае, собственная берлога. Его поселили в маленькой-премаленькой комнатухе, служившей прежде кладовкой для всевозможного хлама, и можно, пожалуй, сказать, что она и теперь служит кладовкой, так как Йеркер складировал в ней все свои сокровища и абсолютно счастлив. Хочу сказать: счастлив до тех пор, пока никто не пытается навести там порядок. Уборку Йеркер терпеть не может. Он повесил на двери объявление, которое гласит: «ДИРЖИТЕСЬ ПАДАЛЬШЕ, А НЕ ТО БУДУ СТРИЛЯТЬ. МСТИТЕЛЬ». (На дверях комнаты Сванте тоже висит объявление: «Предупреждение негодяям».)

Понимаешь, способный маленький Йеркер выучился читать и писать самостоятельно. И на старом ящике из-под сахара, переделанном в книжную полку, он держит свои драгоценные книжки: «Приключения Малыша в черничнике»¹, «Путешествие вер-

¹ Книжка-картинка (1901) знаменитой шведской писательницы и художницы Эльсе Бесков (1874—1953).

хом на кошке»¹ и многие другие, в том числе и самую-самую любимую во все времена книгу «Винни-Пух и все-все-все...» — одну из книг, специально избранных и приобретенных семейством Хагстрём для семейного чтения вслух.

А вообще о Йеркере можно сказать, что он именно сейчас очаровательно беззубый. Как я уже писала, на днях он пошел в первый класс. Видела бы ты его, когда он отправился в школу! Я думаю, что абсолютно невозможно устоять против того состояния усердия, ожидания и задора, которые обуревают маленьких мальчишек, когда они впервые идут в школу! Бедные дети, ведь они не понимают, что отныне, до тех пор пока они не выйдут на пенсию, у них не будет ни единого свободного часа!

Ну, совсем скоро, Кайса, ты вздохнешь с облегчением, потому что теперь мне осталось представить тебе только одно совсем маленькое бесполезное существо. Оно родилось три с половиной года назад и было названо Моникой. Малышкой она кричала практически не переставая, так что Сванте счел, что самое время повесить на двери объявление к сведению аиста²: «Все места братьев и сестер в семье укомплектованы». Теперь Моника больше не кричит, но она просто сказочно избалована. Обводит всю семью вокруг маленького мизинчика, сладчайшего из всех, которые ты когда-либо видела. Так, разумеется, кажется мне! Но я начинаю думать, что

¹ Очень известная в Швеции книжка-картинка (1909) детского писателя Ивара Аросениуса (1878—1909).

² Согласно народному поверью, аист приносит детей.

мне не хватает критического взгляда на собственную семью.

Остается только добавить, что мы живем на вилле, не новой и не роскошной, но по-настоящему, по-домашнему уютной. И еще у нас есть большой старый сад — просто чудесный. Только бы не заставляли выпалывать там сорняки! Но от этого никак не увильнешь! Ну, пока...

Да, да, я заканчиваю письмо! До свидания, Кайса!.. Ой-ой-ой, забыла самое главное. Забыла Алиду, милая моя, Алиду! Что было бы с семейством Хагстрём без Алиды? Она жила в нашем доме с тех пор, как родилась Майкен, и в том, что мы, несмотря ни на что, вкусно ели даже тогда, когда Майкен еще не взяла в свои руки бразды правления, пожалуй, тоже заслуга Алиды. По меньшей мере раз в месяц она раздражается безумным плачем и говорит, что первого числа следующего месяца уходит. Мол, сердце ее больше не выдерживает жизни в зверинце. Но обычно это продолжается не более получаса, получаса, в течение которого мама и Майкен непрерывно просят и умоляют ее не уходить и лебезят перед нею. И как только истекут эти полчаса, снова слышится ее «веселенькая» любовная песенка:

Цветочек малый вырос
На могилке Олеанны.
Тот цветочек означает,
Что Олеанна была верна...

И Алида тоже верна, верна нам, уж это точно.

Есть на свете три человека, которых мне жаль, — это я сама, которой нужно заплатить за пересылку

этого письма, почтальон, которому придется тащить такое длинное письмо к тебе домой, и ты, несчастная, которой придется его читать.

Попытайся, однако, пережить это и напиши ответ.
Бритт Мари.

20 сентября

Дорогая Кайса, снова здравствуй!

Отгадай, который теперь час? Именно теперь? Половина седьмого утра! А какое утро! Сверкающее, ясное и сияющее, как в первый день творения. Весь дом спит, но я проснулась уже в пять часов утра. Я пишу тебе, сидя у стола под липой в нашем саду. Вокруг меня в сумасшедшем изобилии цветут флоксы и поздние розы. Эта роскошь красок почти беззащитна, и душа моя наполняется восторгом, когда я отрываю взгляд от бумаги и оглядываюсь. Знаешь ли ты, что, по-моему, поразительно? Случалось ли тебе, когда ты была совсем маленькой, проснуться таким вот осенним утром самой первой в доме и выйти в сад, чтобы посмотреть, не упало ли ночью на землю несколько яблок? Мне так случалось просыпаться часто, и я еще помню все свои ощущения. Радость, испытанная Колумбом при виде Америки, — лишь слабый отсвет счастья, которое пронзило мою детскую душу, когда однажды, таким же чудным утром, я нашла созревшее яблоко в мокрой траве!

Я по-прежнему испытываю почти те же самые чувства, как тогда, словно обнаружила что-то сравнимое по своей ценности разве что с золотым слитком.

И хотя сейчас нам разрешают собирать фрукты прямо с деревьев, ни одно яблоко в мире не было так сладко, как то, что упало в то утро и валялось под моей собственной яблоней.

Тебе не кажется, что вообще-то сентябрь — фантастический месяц? Последняя лихорадочная вспышка лета перед тем, как исчезнуть с лица земли!

И еще я люблю сентябрь потому, что сейчас так много прекрасной полезной еды. Ходить на рынок в это время года — настоящее приключение. Мои глаза чуть не вылезают из орбит, когда я вижу лотки, переполненные яблоками, грушами, сливами, помидорами, ягодами, грибами, дынями, горохом, фасолью и капустой.

В воскресенье мы совершили нашу традиционную ежегодную вылазку за брусникой. Мы едем в шарабане, запряженном парой лошадей. В нашем городе есть возница, который сдает этот прекрасный экипаж напрокат, и когда мы, дребезжа, проезжаем по ухабистой булыжной мостовой улицы Стургатан¹, люди знают, что наконец-то брусника созрела!

— Я люблю сидеть так высоко над головами людей и чувствовать, что пахнет лошадьми, и знать, что целый день проведу в лесу, — говорит Сванте.

И мы понимающе киваем друг другу.

На этот раз Сванте взял с собой свою гармонику, и, как только мы выезжаем за заставу, он начинает играть «Архольмский вальс»². Но лошади были, верно, из музыкальных. Они пугливо прянули в сторону, и вознице

¹ Стургатан — большая улица (шв.).

² Архольм — остров в Руслагене. Вальс написан в местном пансионате аптекарем Хэрманом Свенониусом (1879—1946).

потребовалась вся его сила, чтобы их удержать. Так что «Архольмский вальс» быстро прекратился. И я сказала:

— Кое-кто вечно жалуется, когда я играю на пианино, но должна сказать, я-то, во всяком случае, играю не так, чтобы до смерти напугать лошадей.

— Меня это удивляет, — произнес Сванте. — Если бы здесь с тобой в экипаже было пианино и ты вместо «Архольмского» сыграла, как обычно, вальс «Дунайские волны», тогда, мне кажется, лошади помчались бы и неслись до тех пор, пока не сдохли. Когда играю на гармонике я, лошадей все-таки еще можно придержать, и я считаю это довольно высокой оценкой моего искусства.

Мы ездим всегда в одно и то же место. Это крестьянская усадьба, расположенная на расстоянии одной мили¹ от города. Один из прежних папиных учеников — владелец тамошней усадьбы, и наши корзинки мы заполняем в его лесу. А одновременно и наши желудки — взятыми из дома завтраками. Собственно говоря, последнюю фразу писать не следовало бы. Ведь папа утверждает, что, когда школьникам велят написать сочинение о какой-нибудь экскурсии, оно целиком бывает посвящено главным образом взятым из дому бутербродам. Поэтому, прежде чем дети начинают писать сочинение, папа на всякий случай громко кричит:

— Съешьте бутерброды перед уходом из дому!

Ну а мы этого не сделали, и я уверена в том, что бутерброды, положенные на мшистый камень, окруженный высокими елями и поросшими брусникой кочками, показались всем нам гораздо вкуснее, чем дома.

¹ Шведская миля равна 10 км.

Брусники в лесу много, и через несколько часов мы собрали по-настоящему солидный запас ягод на зиму. Папа нам нисколько не помогал. Он больше расхаживал вокруг и собирал гербарий и смотрел на дятла, сидевшего на дереве. Моника искала хижину детей Домового¹, Йеркер вырезал луки и стрелы, а у Сванте обнаружилось явное стремление растянуться во всю длину среди кочек и ничего не делать. Скромность не позволяет мне назвать некоторые имена, но ты, быть может, сама вычислишь, кто, собственно говоря, собирал бруснику!

Я слышу, как Алида бренчит посудой на кухне, так что мне надо выждать удобную минутку и выпить стакан чаю с поджаренным хлебом, прежде чем идти в школу. Будь добра, держи за меня большой палец²! У нас контрольная по биологии.

«Погашена лампа, а ночь тиха и ясна...» И, собственно говоря, бедной школьнице, которой завтра снова надо вставать в восемь часов утра, пора ложиться спать. Но, мне кажется, я, прежде чем заснуть, должна еще немного поболтать с тобой.

Сегодня в школе было довольно тоскливо. Сочинение по биологии, по-моему, получилось классное, хотя я никак не могла вспомнить, что насекомые дышат с помощью тонких дыхательных трубок. Но затем были два урока математики подряд, а этот предмет всегда

¹ Имеется в виду знаменитая книжка-картинка Эльсе Бесков «Хижина детей Домового» (1910).

² Держать за кого-нибудь большой палец означает болеть за кого-нибудь (при этом большой палец зажимается в кулаке).

пробуждает во мне желание быть дочерью маленького честного негра из племени банту, который не требовал бы от меня умения считать больше чем до трех. А тут еще Марианн Удден была по-дурачки смешна. Надо сказать, Марианн Удден задает тон в нашем классе, а что это значит, ты наверняка понимаешь. Это значит, что все девочки, или почти все девочки, думают, как она, и поступают, как она, и говорят так же, как она. И постепенно это становится и впрямь утомительно. Ведь в каждом классе всегда кто-то задает тон, и, по правде говоря, нужно, чтобы он обладал хоть каплей разума. Мне кажется, что наш класс был гораздо приятнее и уютнее до того дня, когда в прошлом году у нас вынырнула Марианн. Ее отец — управляющий большим поместьем не так далеко отсюда, и первые школьные годы она занималась дома с гувернанткой. Быть может, все зависит от того, что у Марианн никогда прежде не было школьных товарищей. Она попросту не успела научиться тому, что значит настоящее товарищество. И еще у нее нет ни братьев, ни сестер, и по рассказам, Марианн жутко избалована. Поверь, мы все просто растерялись, когда она впервые объявилась в классе в сказочных итальянских туфлях и с эмалевой пудреницей. И даже издали было видно, как дорого стоят ее платья, хотя на вид они казались совершенно простыми.

По правде говоря, должна признаться, что я довольно быстро оправилась от лихорадки, именуемой «Марианн», но для большинства наших одноклассниц она по-прежнему находится на недостижимой высоте. Она — та, кому ежедневно нужно приносить жертвы в благодарность за то, что имеешь счастье

принадлежать к узкому кругу ее друзей. Разумеется, после этих слов ты сочтешь меня завистливой. На всякий случай сижу сейчас и проверяю себя, испытываю ли я это чувство. И думаю, что смею утверждать: я не завистлива. По мне, так пусть она будет какой угодно красавицей, пусть будет разряжена в пух и прах, мне лишь приятно смотреть на нее. Но мне не нравится ее манера использовать товарищей и заставлять их плясать под ее дудку, натравливая друг на друга. Один день ее водой не разольешь с Лисой, чтобы подразнить Грету, а назавтра — наоборот. А сегодняшняя выдумка Марианн кажется мне самой что ни на есть дурацкой. Понимаешь, случилось так, что она на днях получила небольшое и справедливое предупреждение от нашей преподавательницы французского языка фрёкен¹ Хедберг, и, поскольку мы все небрежно отнеслись к переводу, нам задали в наказание еще одну страницу французского текста. Но тут последовал приказ Марианн: никому штрафной текст не переводить. Мы все должны стоять молча, как стадо овец, если нас вызовут. Я сказала Марианн, что, по-моему, она поступает глупо и что я, со своей стороны, намереваюсь читать эту страницу до тех пор, пока это меня забавляет (что, право, в общем и целом не так уж и плохо). Но у нас в классе есть девочка, Бритта Свенссон, одна из тех, ну, ты знаешь, таких, которых никогда никуда не приглашают, ни на какие посиделки, и которых никогда не посвящают ни в

¹ Фрёкен — барышня, девица, учительница; зд.: перед фамилией (*шв.*).

какие тайны. В каждом классе всегда найдется парочка таких несчастных, и ты даже не поверишь, до чего мне их жалко! У Бритты Свенссон нелады с французским языком, и призрак ВС¹ всегда витает над ее головой. Вероятно, она не посмела не прочесть текст, и трудный выбор между немилостью фрёкен Хедберг и немилостью Марианн она, очевидно, сделала не в пользу последней. Кроме того, Бритта знала, что ее непременно спросят. Ее и в самом деле вызвали самой первой, и она представила вполне приличный перевод. Марианн, которую вызвали следом за ней, лишь что-то глухо бормотала себе под нос, а что касается того, чтобы стоять как глупая овца, Марианн вела себя так, что лучше не придумаешь! Ну да ладно; так как перевода не было, Марианн сделали замечание, а потом фрёкен Хедберг перешла к какому-то другому вопросу, и отвечать нам больше не надо было. На перемене Марианн созвала военный совет и — внимание! — вот тут-то и началось самое дурацкое — постановила, чтобы никто целых две недели ни единого слова не говорил Бритте Свенссон. Никто не должен гулять с ней на переменах, а если она обратится с прямым вопросом, не должен отвечать!

— А не повесить ли ей на шею маленький колокольчик, чтобы мы слышали, когда она приближается? — как можно язвительнее спросила я. Ведь так поступали в старину с прокаженными, а с тех пор культура не очень-то продвинулась вперед!

¹ Оценка знаний, равная примерно 4. В настоящее время в шведских учебных заведениях — пятибалльная система.

Но все остальные послушно и услужливо мяукнули в ответ: да, никто, мол, не станет разговаривать с Бриттой целых две недели.

— Кстати, о пытках, — сказала я. — Я слышала, будто японцы мучили своих пленников, заставляя овец лизать им подошвы ног до тех пор, пока пленники не сходили с ума. Не стоит ли подумать о чем-нибудь таком и в нашем случае? Кажется, недостатка в глупых овцах в этом классе нет, так что никаких препятствий у нас не будет!

Выпалив эту убийственную реплику, которой сама осталась необычайно довольна, я удалилась.

— Ты куда? — спросила мне вслед Марианн.

— Пойду, хочу часок мило и уютно поболтать с Бриттой Свенссон, — ответила я.

Но поверь мне, как чудесно было в половине четвертого повернуться спиной к школе. Идя домой со школьным ранцем, бьющим по ногам, я искренне кляла в душе всех школьных подруг вообще и Марианн в частности. На улице, перед калиткой нашего дома, я обнаружила Йеркера в компании трех парнишек его возраста. Он не видел, как я подошла, и мелкие, застенчивые ругательства, которые я шептала про себя, поблекли и превратились в ничто, когда я услышала воистину крепкие словечки, которые извергал беззубый ротик моего брата.

— Как тебе не стыдно! — сказала я, схватив его за шиворот.

— Да, но на улице ведь можно ругаться, — с большим удивлением произнес маленький язычник.

Мы вошли в дом и пообедали; чудесно было сознавать, что ты снова среди разумных людей. Кроме

того, мы ели пюре из брюквы с картофелем и свинину, а ведь такие блюда могут примирить человека почти со всем на свете. Мы, как обычно, подняли стол. Милая моя, возможно, я тебе об этом не рассказывала, так что я должна, вероятно, все объяснить. Да, видишь ли... В нашей семье существует маленький идиотский обычай: когда мы вместе счастливо и мирно сидим за обеденным столом, мы общими усилиями чуть-чуть приподнимаем стол над полом, только на несколько дюймов или около того, и всего на миг. Собственно говоря, я не знаю зачем, вероятно, лишь как своего рода знак нашей общности, удовлетворенности, что нас так много и мы можем сидя приподнять стол. Майкен, правда, постановила не поднимать стол, когда у нас на обед суп. Но брюквенно-картофельное пюре и свинина — солидные блюда, которые можно приподнимать практически на любую высоту. Алида же никогда не одобряла наш обычай приподнимать стол.

— И кто ж подумает, что вы в своем уме, — говорит она, — нет, право ж, никто в это не поверит!

Глаза у меня скоро вылезут на лоб, так что на сегодня поставим точку.

Бритт Мари.

28 сентября

Дорогая Кайса!

Интересно, видела ли ты вчера вечером, как светит луна? Быть может, большая желтая луна висела над королевским замком, отражаясь в водах

Стрёммена¹? Странно даже думать, что это была та же самая луна, на которую я смотрела во время прогулки. Я видела ее не одна. Со мною был кто-то. Но нет, не скажу кто!

Побыла я недолго и у Аннастины. Она живет неподалеку от нас. Мы старые подруги, нам было не больше четырех лет, когда мы впервые подрались из-за куклы, да так, что клочья волос просто дымились. И у нас, и у куклы. Я ушла от нее вчера как раз около девяти и тут столкнулась с Ним. Чисто случайно. Иногда я внушаю себе... я имею в виду, что... я надеюсь... это не случайность, что мы встречаемся! Надеюсь, Он, возможно, предпринимает известные усилия, чтобы мы встретились. Но это, естественно, лишь мои собственные фантазии. Хотя вообще-то...

Мы пошли по набережной Опроменад². Понимаешь, у нас есть довольно славная река, которая течет, извиваясь, через наш маленький городок. Не знаю, что это был бы за городок без реки! Думаю, что-то совершенно лишенное шарма. Я вообще не знаю, зачем нужен был бы лунный свет, если бы он не отражался в нашей речке. А где бы мы собирали первоцветы по весне, если не в роще у излучины реки сразу же за городом? А не сиди я светлым летним вечером на скамье у реки и не чувствуй, как благоухает белая сирень, я даже не поверила бы, что вообще-то настало лето. Мы гуляем по улице Стургатан

¹ Стрёммен — протока в скалистых островках у берегов Стокгольма.

² Опроменад — прогулка, гулянье (*фр.*), разг. устаревшее, теперь ироническое. Зд.: берег реки (*шв.*), речной променад.

только зимой. Но как только снег растает, ты найдешь нас на Опроменаде, где мы месим ногами глиняную кашу, утопая в ней до самых лодыжек. Никакой мостовой, как ты понимаешь, там нет, и я думаю, что на совести этой набережной, пожалуй, довольно много испорченной обуви.

Туда-то мы и пошли вчера вечером, Бертиль и я. Ой, вот и вырвалось у меня его имя! Ну а почему бы тебе его и не узнать? Точно так же тебе можно узнать, что ему шестнадцать лет и что он занимается на втором курсе гимназии и, как говорит папа, порядочный мальчик. А я говорю, что таких красивых зубов, как у него, нет вообще, уверяю тебя!

О чем мы говорили, не знаю! Мне кажется, мы были довольно молчаливы. Река текла внизу такая темная, а месяц так изумительно отражался в ней, и ивы так грациозно склонялись над водой. Было настолько красиво, что это почти причиняло боль. Мне вдруг стало очень грустно, сама не знаю почему. Такое случается со мной довольно часто. Грустно — быть может, оттого, что я очень молода! И потому, что я еще не моложе. Потому что, когда ты моложе, все так просто! А может, все снова станет проще, когда ты по-настоящему вырастешь! Но именно тогда — когда середка на половинку — порой бывает по-настоящему тяжело, так мне кажется. Интересно, Кайса, чувствуешь ли ты когда-нибудь такое, или только я, глупая. Ведь, собственно говоря, мы мало знаем о Жизни, о Жизни с большой буквы. Но иногда меня одолевает предчувствие, что Жизнь — это, с одной стороны, нечто необыкновенно сладостное, а с другой — необыкновенно ужасное. И тогда снова

приходит грусть. Иногда меня охватывает подлинное отчаяние.

Я опасюсь, что мне не удастся создать что-нибудь по-настоящему хорошее из моей жизни. Мама обычно говорит, что жизнь подобна тесту. Каждый человек получает свой кусок теста и придает ему форму, какую хочет. От самого человека зависит, выйдет ли из этого теста ровный и красивый, сдобренный сливками каравай или кривая и косая маленькая булочка, подгоревшая по краям. А так как кусок теста получаешь всего один-единственный раз, то, если оно один раз подгорело, сделанного уже не воротишь. Многие молодые люди не понимают, как важно придать куску теста нужную форму уже с самого начала. Так говорит мама, она охотно употребляет в своей речи сравнения и иносказания. Иногда она называет вещи своими именами и тогда говорит так:

— Что бы ты ни делала, Бритт Мари, не будь небрежной! На свете так много маленьких глупых девочек, которые думают, что можно быть сколько угодно неряшливой и что вовсе не надо быть такой уж аккуратной, лишь бы было весело! Но это неверно!

Мама, очевидно, считает, что если ты неряшлив, то это все равно что придать своему куску теста кривую и косую форму. А на днях мы шли с мамой по улице и встретили одну девушку... не скажу, как ее зовут. Она и мила, и добра, и всегда живая и веселая, однако же молва о ней идет не очень хорошая; и люди как-то по-особому усмеваются, когда называют ее имя. И мама сказала:

— Хотелось бы знать, уж не она ли лепит свой кусок теста чуточку кривым.

Все! На сегодня с выпечкой покончено! Но хочу сказать тебе, что уж если есть на свете кто-нибудь, кто станет ровным и красивым и хорошо сдобренным сливками караваем, так это Бертиль! Он почти слишком хорош для того, чтобы поверить: так и надо жить!

В десять часов мне необходимо мчаться домой, потому что если папа, мама и Майкен и сходятся на чем-то, так это на том, что мы — Сванте и я — должны быть дома в указанное время. Ноги у меня промокли насквозь, и я утешала себя тем, что, возможно, моя грусть зависит чуточку и от этого.

Вообще-то в следующую субботу в учебном заведении, где папа ректор, будут танцы, и это великое событие нынешней осени. То есть с точки зрения школьников. Собственная школьная капелла, где Сванте занимает почетное место, играя на гармонике, отвечает за музыкальную часть праздника. Значит, нельзя утверждать, что в скромном жилище семейства Хагстрём ныне царят мир и покой. Потому что оркестр «The Playing Fools»¹ обычно репетирует у нас дома.

Слушай! Мне подарили новое платье, которое я надену на танцы. Оно: 1) темно-синее; 2) снизу доверху плиссированное; 3) с белым воротничком и с белыми манжетами; 4) по-моему, очень миленькое. Глупо, что платье так много значит для человека. Но это факт, что я могу проснуться среди ночи и с легким трепетом удовольствия вспомнить про новое платье. Затем я поворачиваюсь на другой бок и снова засыпаю с придурковатой улыбкой на губах. Моими туалетами занимается Майкен, а у нее хороший вкус,

¹ «Играющие Дураки» (англ.).

что прекрасно. Если бы я появилась в юбке из полос лыка, готовая танцевать «хула-хулу»¹, мама даже не заметила бы. Но Майкен строга.

— Никаких побрякушек на этой девочке не будет, — отрезает она, когда я исподтишка заглядываюсь на более модные, экстравагантные ткани и модели.

И после короткой, но бурной душевной борьбы я вынуждена признать, что Майкен права.

Болтовни на сегодня довольно!

Бритт Мари.

7 октября

Дорогая Кайса!

Как весело танцевать! Я уже сейчас прыгаю от радости, когда думаю о танцах в субботу. Я могу танцевать сколько угодно, но папа-ректор решительно заявил, что все кончится в одиннадцать часов.

А теперь ты услышишь, как все было от начала до конца с той самой минуты, как я впрыгнула в темно-синее, снизу доверху плиссированное платье, и до того момента, как вылезла из него вечером.

Братья могут раздражать, а среди всех вызывающих раздражение братьев Сванте — номер раз! Он ведь в числе устроителей вечера, так что отправился из отчего дома с гармоникой уже около семи часов. Но еще до этого успел высказать мне немало самых разнообразных истин. Ты ведь знаешь, что на танцах

¹ Хула-хула — гавайский танец с волнообразными движениями. Иногда исполняется в кабаре разных стран.

хочется выглядеть как можно красивее, но Сванте этого не понять.

— Да охранят святые угодники всех парней, — сказал он. — Сдается, девчонка сделала укладку! Вероятно, собирается крушить сердца по-крупному!

А когда я нанесла самую маленькую щепотку пудры, взятой у Майкен, он стал принюхиваться, как охотничий пес, и сказал:

— Здесь пахнет румянами, пудрой и преступной любовью!

— Убирайся, — вспылила я, — а не то расскажу Аннастине, что ты стащил ее фотографию из моего альбома и держишь под подушкой, когда спишь!

Все воровские и бандитские уловки дозволены, когда надо обуздать дерзких братьев. Я думала, что выиграла бой по очкам, но, прежде чем убраться, он сунул голову в дверь и спросил:

— А ты не собираешься еще накрасить губы и появиться, словно сполох пламени ночью? Чтобы Бертиль не заблудился в тумане?

И прежде чем я успела придумать какой-либо воистину уничтожающий ответ, он исчез со своей гармоникой и всем прочим.

Перед моим уходом Майкен внимательно оглядела меня. Она поправила мне волосы и посмотрела, чтобы швы на чулках сзади были бы как раз посредине¹.

— Да, — сказала она, — пожалуйста, не беспокойся — вид у тебя классный!

И я буквально впитала ее слова, так как мне время от времени требуется нечто укрепляющее веру

¹ В 1940—1950-е гг. женщины носили чулки со швом.

в собственные силы. Внешне я, видимо, выгляжу как нельзя более самоуверенной, но внутренне я всегда сомневаюсь в том, что Бритт Мари Хагстрём что-то собой представляет. Разве это не у римских императоров всегда стоял рядом раб, которому было приказано время от времени напоминать своему властителю: «Помни, ты смертен!» Мне бы нужен был раб, который с равными промежутками времени шептал мне: «Помни, ты бессмертна!» Тогда бы я, вероятно, не думала так много о том, как выгляжу, и о том, что платья мои такие, какими и должны быть, и о том, не замечает ли кто-нибудь, как вообще-то я неуверена в самой себе. Мама всегда говорит, что если интересуешься другими людьми и ласков с ними, то забываешь о себе самой, и тогда люди считают тебя обаятельной. Потому что больше всего на свете людям нравится, когда кто-то желает слушать болтовню об их детях, об их болезнях, об их работе и обо всем прочем. Думаю, в этом что-то есть! Подумай, например, о тебе и обо мне! Вот я болтаю о Себе, о Себе и все о Себе, но, уверяю, я в самом деле считаю тебя обаятельной личностью, которая так мило выслушивает мою болтовню.

Что, если нам вернуться к тому, с чего я начала письмо? Почему так трудно придерживаться одной темы? Думаю, если я не остановлюсь, то могу сбиться и зайти слишком далеко, закончив письмо несколькими решительными высказываниями о разведении племенных овец в Австралии или об искусстве катания на роликовых коньках.

Итак, речь шла о танцевальном вечере в учебном заведении. Мы пошли туда вместе с папой. Как рек-

тор, он, разумеется, должен был присутствовать. Он говорит, что ему нравится смотреть, как молодежь веселится. Мне пришлось всего два раза вернуться домой: один раз за папиными очками, а второй раз — за его зонтиком. По дороге мы встретили Аннastину, и так чудесно было держать ее под руку, входя в гимнастический зал. Бертиль был уже там, и, когда я увидела его, я, как обычно, почувствовала, что у меня словно ком в горле застрял. Как, по-твоему, — это любовь? Мы очень хорошо танцевали — Бертиль и я, так что, когда я порхала с ним в первом вальсе, я думала только, как это весело! Мне не нужно было, как это часто бывает, когда я танцую с другими, концентрироваться на мысли о том, что «сейчас он повернет налево» или «теперь он думает провести меня как можно быстрее мимо учителей».

Кстати!.. Рассказать об ужасном происшествии на этом вечере? Или промолчать, надеясь, что это мне просто приснилось? Но я сочла, что при всех обстоятельствах лучше смотреть правде в глаза, и поэтому ты узнаешь все о моей горькой судьбе, даже если мне придется краснеть, описывая это.

Говорила ли я тебе когда-нибудь об Óке? Если нет, то сейчас самое время сделать это. Ты не сможешь жить, не зная, что на свете существует такой экземпляр, как он! Оке — самый добрый, самый порядочный, самый застенчивый и самый толстый гимназист в мире, который является домой каждую весну с плохими отметками почти по всем предметам. Уже с давних пор он активно проявлял ко мне дружеское внимание, услужливо носил мой школьный ранец, когда появлялась такая возможность, регулярно посылал

рождественские и пасхальные поздравительные открытки и учтиво приглашал меня на все танцы на школьных вечерах. Да, именно так оно и было! Он то и дело приглашал меня. А Оке — он такой человек, которого хотелось бы держать за руку, когда умираешь, но танцевать с ним всю жизнь... О нет! У него так отчаянно много рук и ног, которые торчат отовсюду и мешают, и он — если употребить выражение, которое я где-то слышала, — не мог бы пройти даже через безлюдную пустыню Гоби, не опрокинув на пути кого-нибудь.

Ты правильно отгадала, дорогая Кайса! Совершенно верно, мы танцевали буквально «до упаду»! Теперь все сказано! Не спрашивай меня, как это было! Знаю лишь, что внезапно я очутилась на полу, и мне было жутко любопытно, много ли смертельных жертв повлекло за собой это землетрясение? Если тебе когда-нибудь захочется почувствовать себя отторгнутой обществом, то позволь мне дать тебе, Кайса, добрый совет: пожалуйста, танцуй «до упаду» на танцевальном вечере, на глазах у всей публики. Когда ты увидишь смеющиеся лица, обращенные к тебе, тогда узнаешь, что значит быть изгоем общества, несчастливцей!

Мало-помалу мне все же удалось разобраться, во всяком случае, в том, какие ноги, собственно говоря, мои, и встать. Моим первым горячим желанием было либо кинуться к дверям, либо пнуть Оке своей тонкой ножкой, но, когда я увидела его багровое, несчастное лицо, меня охватило сострадание, и я почувствовала себя почти его мамой.

— Хотела бы я увидеть следующий тур танца. Интересно, кто-нибудь станет нам подражать? — произ-

несла я как можно невозмутимее и воинственно огляделась. И мы снова стали танцевать. Но я уверена, что, когда мне исполнится восемьдесят лет и я буду сидеть в кресле в окружении детей и внуков и попытаюсь вызвать в памяти переживания юности, я скажу:

— Подождите-ка! Это случилось в тот самый год, когда ваша бабушка танцевала до упаду на балу!

Потому как, что ни говори о таких вот катастрофах, все же они — опора памяти! Да, это так!

Я имела также удовольствие танцевать со Стигом Хеннингсоном. Он новенький в нашем городе. Из Стокгольма. Как знать! Ты, может, когда-нибудь встречала его на Страндвеген¹. Но если вид у него был такой, словно у него и в мыслях нет, что он — Центр Вселенной и Венец Творения, то, должно быть, это был кто-то другой. Утверждают, будто его исключили из школы в Стокгольме. Не знаю, правда ли это! Папа никогда ничего такого не рассказывает. Но однажды, когда я гуляла с ним и мы встретили Хеннингсона, папино бормотание было абсолютно неодобрительным. Я вообще не терплю людей, которые являются сюда с таким видом, словно размышляют, как им купить весь город. Кроме того, мальчишкам не очень к лицу, когда они слишком высокого мнения о своей внешности. Даже если их угораздило заполучить вполне приличный нос посреди лица. Время от времени я танцевала и с ним. Мы беседовали, и знаешь, что он сказал? Нет, это такая глупость, что нельзя повторять. Впрочем, не повредит, если ты услышишь, какой может

¹ Страндвеген — набережная, одна из центральных улиц Стокгольма.

быть наиболее «изысканный» тон беседы современных юноши и девушки.

Он: «Надо же, какой симпомпончик! Так и хочется пригласить тебя на прогулку, когда кончится весь этот цирк».

Я: «Предложить прогуляться всегда можно. Но такая безгранично высокая честь может внушить мне манию величия, так что, пожалуй, я отвечу: спасибо, нет!»

Он: «Не будь такой язвой! Твои темно-голубые глаза — самое изумительное из известных мне явлений».

Я: «В самом деле? А мне больше нравится брюквенно-картофельное пюре со свиной».

Он: «Как можно говорить такие ужасные вещи этим милым маленьким ротиком?»

Я: «Пустая болтовня, утомительная болтовня, пустая утомительная болтовня!»

Он был заметно оскорблен моими словами, и мы перестали танцевать в установившейся благотворной тишине. Затем он всей душой посвятил себя Марианн Уддэн, и я слышала, как он говорил, что ее карие глаза — самое изумительное из известных ему явлений. Сама я довольно преданно держалась Бертиля, и нам было очень хорошо вместе. Он предложил мне лимонаду. Но чуточку неприятно, когда у тебя брат в оркестре и этот брат внезапно, когда ты вовсю охмуряешь молодого человека, прерывает тебя звучным театральным шепотом:

— Не кривляйся!

Бертиль провожал меня домой. Однако Сванте все время шел за нами на расстоянии двадцати пяти метров и многозначительно покашливал. Время от време-

ни он для разнообразия мяукал немного на своей гармонике. Так что все глубокие и значительные слова, которые я собиралась сказать Бертилю, застывали у меня на устах. Но само собой разумеется, довольно многое из того великого, о чем я думала, я, вместо Бертиля, высказала Сванте, когда мы пришли домой.

Несмотря на все, несмотря на Сванте и несмотря на то, что я шлепнулась на балу, я осталась довольна этим вечером. Не понимаю, как это некоторые люди не согласны с тем, что танцевать — весело. Я хочу танцевать, пока жива. И даже когда мне стукнет сто лет и я, трясаясь от старости, буду ковылять на костылях и едва смогу вспомнить, как меня зовут, все равно при звуках танцевальной музыки и при виде того, как мои потомки в третьем и четвертом поколениях кружатся в танце, мои дряхлые ноги начнут дергаться. Хотя я, конечно, вряд ли одобрю те танцы, которые будут тогда в моде. И, сердито качая своей поседевшей головой, скажу:

— И это называется танец? Благодарение судьбе, я знаю, что такое старая честная самба, которую мы танцевали в дни моей молодости! Это был красивый, стильный и классный танец!

Прежде чем лечь, я слегка шлепнула свое темносинее снизу доверху плиссированное платье за то, что оно так хорошо вело себя и помогало мне веселиться. Потом я бух в кровать — и мигом заснула. И мне приснилось, что я танцую на балу у короля. Его величество пригласил меня на танец, и мы порхали в колоссальном зале, где вдоль стен стояли толпы людей. Мы потанцевали немного, и, так как ничего не случилось, я спросила:

— Ваше величество, господин король, разве не время нам потанцевать до упаду? Я считаю, что тогда дело будет сделано!

И подставила ему ножку.

Велико ли наказание за преступление против короля?

Это очень интересует твою неугомонную

Бригитт Мари.

19 октября

Моя шлавная подруга, не простужена ли ты, нет ли у тебя нашморка? У меня легкая простуда. И еще у меня чуть повышена температура. Так что пусть их долбят в зубрильне швои шильные глаголы, у кого ешть охота. Потому что я, во вшыаком шлучае, лежу здешь, и меня решительно ничего ни капли не интересуеет. Мне никогда не живется так хорошо, как во время легкой простуды. Как правильно поетшя:

Я так простужена, измучена, нервна,
что это грустно, и жалость к себе меня взяла,
и я так хвораю, как никто до меня...
с тех пор, как я когда-то больна была.

И я лежу в кровати и думаю лишь о том, что
мне так отвратительно худо,
и я так несчастна и так страдаю, о,
что это, в сущности, приятно, ну просто чудо!

Вот именно! Ведь на самом деле это так приятно!
Особенно потому, что все в нашей семье стараются

превзойти друг друга в нежных заботах обо мне. Например, Сванте здорово скрывает свое сочувствие под личиной невероятнейшей надменности:

— Ага, лежишь тут и прикидываешься больной. У вас сегодня случайно не контрольная по математике?

— Дечего тут быштупать с тазными подлыми идсидуациями¹, — говорю я.

И тут, бросив мне яблоко, Сванте исчезает, поп-chalant² насвистывая «La Paloma»³.

Стоит кому-нибудь в семье хоть капельку заболеть, как мама ужасно возбуждается. Так бывает всегда. Она летает по всему дому и бьет крылами, как боязливая птичья мамаша. И если температура у заболевшего приближается к 38°, то выражение лица у нее такое, словно нет ни малейшей надежды пережить этот день. Она назойливо требует, чтобы заболевший непрерывно ел и пил что-нибудь теплое, а сегодня в полдень она вбежала на кухню, чтобы испечь в мою честь, как она выразилась, «отменно вкусный торт» к одиннадцатичасовому кофе, который все будут пить в моей комнате.

Этот «отменно вкусный торт» превратился в мрачную и плоскую маленькую булку, но мы все же храбро макали ломтики в кофе и ели. Мама сказала, что, должно быть, дрожжи были не очень свежие, а Майкен, деликатная, как всегда, сказала, что любит торты именно такой консистенции. Но завтра, когда

¹ Бритт Мари специально усиленно имитирует насморк: «Нечего тут выступать с разными подлыми инсинуациями».

² Небрежно, непринужденно (*фр.*).

³ Кубинская песня «О, голубка моя» (*исп.*).

мама успеет позабыть обо всех тортах на свете, Майкен наверняка испечет золотисто-желтый и пышный торт, который сделал бы честь любому кондитеру.

Йеркеру и Монике строго запрещено входить в мою комнату, чтобы не заразиться, но Моника, стоя на пороге, озабоченно качает своей кудрявой головкой и повторяет:

— Блитт Мали больна, Блитт Мали очень стлашно больна!

А Йеркер благосклонно дает мне почитать одну из своих любимых еженедельных газет, на которые разоряется ради печатающихся там серий¹. Он постоянно подбивает меня почитать эти серии.

— Поверь, они мировые, — соблазняет меня брат.

Но я-то думаю, что лучше вместо серий прочитаю одну на редкость идиотскую новеллу.

Вообще-то никакого недостатка в чтении я как раз не испытываю. На стене прямо над моей кроватью висит книжная полка, и там — все мои любимые книги начиная со времен раннего детства — от книжек «Хижина детей Домового» и «Домик-шляпка»², потом «Алисы в Стране чудес» и до произведений для детей постарше: «Аня из Зеленой Долины»³, «Уллабелла»⁴, «Рас-

¹ Рисунки и тексты с продолжениями, комиксы.

² Очень популярная книжка-картинка Эльсе Бесков (1930).

³ Повесть канадской писательницы Люси Мод Монтгомери (1874—1942), принесшая всемирную известность ее автору; экранизирован в 1919, 1934 гг. В 1985 г. книгу поставили и на телевидении.

⁴ Книга для девочек (1922) крупной шведской писательницы Марики Шёрнстедт (1875—1954), посвященная становлению характера главной героини повести — Уллабеллы.

сказы фельдшера»¹, «Гекльберри Финн», «Остров сокровищ» и многие-многие другие. На день рождения я получила в подарок книги Диккенса «Давид Копперфильд» и «Записки Пиквикского клуба» в очаровательных темно-зеленых переплетах, а также роман Цвейга «Мария Стюарт»² (потому что, между прочим, история — один из моих любимых предметов). А теперь и эти книги стоят на моей книжной полке, куда я могу добраться, стоит мне лишь протянуть руку. Свои учебники я держу на почтительном расстоянии, на книжной полке у окна. Вообще-то... Можно, я расскажу тебе, как выглядит моя комната? Майкен недавно помогла мне придать ей классный модерновый вид, и я тащу сюда за волосы друзей и знакомых, чтобы они смотрели и восхищались.

Прежде у меня были довольно скучные стены, но мы с Майкен объединенными усилиями перекрасили их в очень светлый голубой цвет. Сванте услужливо предложил нарисовать среди всей этой яркой голубизны несколько мелких красных дьяволят. И только пригрозив разрисовать в голубой цвет и самого Сванте нам удалось выставить его за дверь.

¹ Пять циклов любовно-исторических приключенческих романов (1857—1863) из времен Тридцатилетней войны (1618—1648) между испанскими и австрийскими Габсбургами (династия будущих императоров Австрии), классика финской литературы, писавшего на шведском языке, Сакариаса Топелиуса (1818—1898).

² «Мария Стюарт» (1935) принадлежит перу Стефана Цвейга (1881—1942) — замечательного австрийского писателя. Мария Стюарт (1542—1587) — шотландская королева с 1561 (фактически) по 1567 г. Претендовала также на английский престол. Предана суду и казнена.

Затем моя ангельской доброты сестра сшила на окно необычайно прелестные белые тюлевые гардины с оборками вместо прежних унылых бежевых, которые страшно меня раздражали. На полу лежит ярко-голубой — «вырви глаз» — ковер, который я получила в подарок на Рождество. А весной я поднялась на чердак и вытащила оттуда старинное кресло с высокой спинкой, которое Майкен прикрыла ярко-красной махровой тканью для купальных халатов. Это те усовершенствования, которые были сделаны, и я считаю, что мне просто подарили новую комнату. И все-таки здесь — тот же старый письменный стол прямо у окна, та же старая печь в углу, помогающая холодными зимними вечерами согреть окоченевшие ноги, а над кроватью — та же старая книжная полка с теми же дорогими моему сердцу старыми книгами... Но это правда! К стене под книжной полкой мне прикрепили новую настольную лампу.

— И если после этого ты не станешь, лежа по вечерам в постели, зачитываться до смерти, то тут уж ничего не поделаешь, мне тебе не помочь, — сказала Майкен, прибивая крючок, на котором должна была висеть лампа.

Да, известный был риск, это точно! Надеюсь, Кайса, ради тебя самой, что ты любишь книги не меньше меня. Я люблю их не только читать, но и трогать, ощущать их, знать, что они мне принадлежат. Мама и папа считают, что есть такие книги, которые должны иметь все дети. Думаю, было бы замечательно, если бы все родители придерживались таких взглядов, потому что... ой, сколько радостей выпало на нашу долю благодаря книгам, они у нас

никогда не считались каким-то предметом роскоши, кучи книг всегда лежали в наших корзинках с рождественскими подарками, а в наши дни рождения — на столах с подарками. И тот, кто когда-нибудь женится на мне, должен отвечать двум условиям: любить книги и любить детей. А в остальном — как он будет выглядеть — мне практически безразлично, как угодно! Хотя не помешает, если у него будут еще и красивые зубы... Как ты считаешь?

Вот идет Майкен, несет мне теплую воду с лимоном, а мои ноги затекают под тяжестью пишущей машинки, так что я позволю себе сделать небольшой перерыв. Привет, пока!

Если бы ты знала, до чего мне хорошо! Бледное октябрьское солнце светит в окно. Алида разожгла дрова в печке, а мама с папой пили чай у меня в комнате. В школе у нас как раз сейчас — урок математики. Будь уверена, одна лишь мысль об этом в значительной степени улучшает мое состояние! На несколько градусов!

Когда папа вошел ко мне, я читала газету, которую принес Йеркер. Папа с чуть ироническим видом сказал:

— Правильно делаешь! Читай еженедельные газеты, если хочешь знать, чего абсолютно не бывает в реальном мире!

Когда папа ушел, я все думала, как глубоко он прав! Вряд ли можно рассчитывать устроиться в этой жизни так комфортно, как героиня еженедельной газеты! Если только у нее обворожительная улыбка и пара красивых ножек, все в порядке! Красавец главный врач в больнице, где она работает медсестрой, бросает скальпель и все прочее, что держал в

руках, и клянется ей в любви, к великому огорчению остальных медсестер, которые всего лишь умело-профессиональны, но совершенно не отличаются хоть мало-мальски красивыми ножками. А если героиня получает место в конторе, то ей нужно только смотреть на своего шефа влажными от слез глазами поверх блокнота со стенограммами, и он тотчас поймет, что она создана именно для того, чтобы стать матерью его детей и распорядительницей его миллионов. Последнее — самое важное.

Если верить еженедельным газетам, то девушка должна как можно скорее дерзко умыкнуть себе парня. И вокруг бедных парней ведется такая изнурительная работа, словно речь идет о жизни и смерти. Стоит мне только подумать об этом, как я сразу же устаю.

Я открою тебе одну важную тайну, Кайса. Я ужасно хочу выйти замуж, когда стану взрослой. Хочу иметь собственный дом и целую кучу таких маленьких мягких детенышей, как Моника. Но сначала я хочу чему-нибудь научиться. Я хочу уметь делать что-то очень нужное и хочу попытаться стать настоящим человеком, который чего-то стоит сам по себе, а не только как приложение к мужу. Я думаю приобрести хорошую специальность! Запиши это, чтобы не забыть! Ведь надеяться только на пару красивых ножек — большой риск! Тем более что, опять-таки если верить еженедельным газетам, удержать парня куда труднее, чем дерзко умыкнуть его. Ведь может случиться, что внезапно вынырнет еще какая-нибудь девица с более красивыми ножками, и тогда ты останешься с носом.

Если будет хоть малейшая возможность, я попытаюсь стать журналисткой. Я мечтаю работать, работать

и работать, чтобы достичь цели, и будет ужасно, если этого не произойдет. Журналисту, надеюсь, не нужно знать, какой степени — первой или второй — то или иное уравнение. Вообще-то я считаю, что все уравнения — «третьей степени», но это к делу не относится.

Не стану больше мучить тебя философскими рассуждениями. Да и сама я довольно сильно устала, поверь мне. Остается только лежать и тупо глазеть на огонь, пока опускаются сумерки, а за моим окном шелестят деревья... Из соседней комнаты слышится, как Моника поет: «Калменсита, длужок, есть у тебя какая-нибудь селсть?» А Йеркер явно зубрит уроки: «Бабушка — милая. Бабушка — мамина мама. Роза бабушки».

От огня в печке осталась лишь кучка пламенеющих угольков. А теперь мама играет на пианино *Ständchen*¹. А я пью теплую воду с лимоном и жутко простужена. В сущности, это так приятно.

Твоя очень преданная и очень сопливая

Бритт Мари.

10 ноября

Дорогая Кайса!

Как ты думаешь, кого я встретила, возвращаясь сегодня из школы? Не более и не менее как Стига Хеннингсона собственной персоной. Вид у него был по-прежнему такой, словно он владеет по меньшей мере половиной города.

¹ Серенада (нем.).

— Ого! — воскликнул он. — А вот и равнодушная и холодная Бритт Мари Хагстрём!

— Именно! — сказала я. — Позвольте спросить, какого цвета должны быть сегодня мои глаза, чтобы мне сказали: они самые изумительные на свете?

— По-прежнему такая же ехидина, — ответил он. — Интересно, может, небольшое пирожное послужит противовесом всей этой иронии и мелкой злобе?

Мы как раз стояли перед кондитерской Юханссона, где, да будет тебе известно, выпекают дивные кофейные пирожные. Только мой ужасающий аппетит и неумная любовь к сладостям могут объяснить, почему я последовала за Стигом в кондитерскую. И можешь представить себе, вскоре я уже проглотила не менее трех пирожных! Но буквально тут же началось бледное, болезненное раскаяние в соединении с легкими коликами в желудке. Все это переросло в подлинное отчаяние, когда в кондитерскую — купить коробочку драже — вошел Бертиль и увидел, что мы там сидим. Хотя мы не договаривались, что нельзя есть пирожные с кем-то другим, но все-таки! Мне бы это не понравилось. Похоже, что и Бертилю это пришлось не по вкусу. Когда он направился к выходу, взгляд его был довольно мрачен. И меня это очень огорчило. Я почувствовала вдруг, как, честно говоря, глубоко мое отвращение к Стигу Хеннингсону, и я прокляла свой зверский аппетит, заставивший меня пойти с ним в кондитерскую.

Но нашла время для терзаний! Сидишь тут, как удав, налопавшись пирожных, за которые должен расплатиться Стиг! Вообще-то он не производит впечатления человека, нуждающегося в деньгах. Он, по-види-

мому, избалованный сынок богатого папеньки. Любой другой мальчик, который трясется над своими скудными карманными деньгами, выданными на неделю, деньгами, которых должно хватить на ВСЕ соблазны на этой земле, мог бы просто позавидовать Стигу, видя, как тот небрежно швыряется кронами¹. А еще он нагло курил, невзирая на то, что я дочь ректора его школы и, возможно, наябедничаю. И между затяжками рассказывал, на какую первобытно-вялую вечеринку был приглашен одним здешним семейством. Там вообще не было ни малейшего движения, никакого темпа, и, подумать только, присутствовали родители!

— Ну нет, — сказала я, — здесь, в нашем городе, мы этого не понимаем и считаем: родители — тоже люди.

В ответ на это он лишь презрительно улыбнулся, из его рассказа мне стало понятно, что в Стокгольме, когда молодые люди встречаются, все происходит совершенно иначе. Если то, что он говорит, правда, то я отныне в своей вечерней молитве буду особо — немного — молиться и за тебя, дорогая Кайса! Но ради тебя самой надеюсь, что ты и твои друзья возвращаетесь совсем в других кругах, нежели Стиг Хеннингсон.

В конце концов я, шатаясь, побрела домой, битком набитая пирожными и угрызениями совести. Я надеялась, что спокойная атмосфера нашего дома благотворно повлияет на меня. Но увы, никакой спокойной атмосферы не было, напротив, она была чрезвычайно накалена. Дело в том, что у папы в школе состоялась

¹ Крона — денежная единица в Швеции и ряде других стран.

коллегия по предупредительным мерам. Придя домой, папа рассказал, что Сванте, горе наше, получил предупреждения по трем предметам плюс предупреждение по дисциплине. Рассерженный папа метал громы и молнии, мама была огорчена, а Сванте сокрушен и полон раскаяния. Когда мы сели за стол, воцарилась мрачная тишина. Алида, войдя со свиной колбасой на подносе, боязливо покосилась на нас, а Моника явно подумала, что все очень грустно, и сказала:

— Пусть все говорят, все — слазу!

Но в комнате по-прежнему стояла мертвая тишина. А прервал ее сам юный грешник, процитировав в утешение небольшую фразу из книжки Милна «Винни-Пух и все-все-все...»:

— «Что бы ни случилось, землетрясения у нас в последнее время все же не было!»

Тут мама слегка хихикнула. Тогда и папе пришлось усмехнуться. Затем мы все вместе приподняли стол. А потом уже, когда мы ели свиную колбасу, стало чуточку легче, хоть я, съев три кофейных пирожных, и не могла полностью воздать должное колбасе. После еды мы так оживились, что, когда младшие легли спать, папа пригласил всех старших в кино. Он, разумеется, утверждал, что взять с собой Сванте — это противу всех законов человеческих, но бедняга был так преисполнен раскаяния! И когда он пообещал исправиться, ему разрешили пойти вместе с нами.

— Я справлюсь со всеми предметами, — поклялся Сванте, этот неизлечимый оптимист.

Но папа говорит, что Сванте принадлежит к ордену Святых Последних Дней, члены которого счи-

тают, что достаточно приступить к учебе и запойному чтению в мае.

— Э, нет, милая фру¹ ректорша, — сказала Майкен, когда мама надела шляпу задом наперед и приготовилась идти, — такого развлечения нам вовсе не нужно.

— Ах эти модные шляпы! — вздохнула мама. — Не так уж, право, легко вспомнить, где у них зад, а где перед.

Потом мы наконец отправились, а недавно вернулись домой. Мы смотрели американский фарс². И к моей искренней радости, там был один пожилой господин, которому не меньше трех раз швырнули в лицо торт со взбитыми сливками. Такое теперь редко увидишь в фильмах. Я просто зашлась в жутком хохоте. Не знаю, почему мне кажется, что, когда торт со взбитыми сливками швыряют в лицо, это страшно весело. Но факт остается фактом: если какая-нибудь еженедельная газета захочет взять у меня интервью для рубрики «Назови свою тайную мечту!», я отвечу:

— Бросить кому-нибудь в лицо настоящий торт со взбитыми сливками!

Я считаю: после таких слов нечего удивляться, что возникают войны! Если есть еще на свете такие люди, как я.

Но я — девочка с амбициями. Помалкивай и не говори, что это не так! Раз ты мне не веришь, скажу лишь: на днях я искала себе вакантное место. Сверхурочную работу! Понятно?! В газете было объявление,

¹ Фру — госпожа (шв.).

² Фарс — произведение легкого, игривого, нередко непристойного содержания.

что искусная машинистка может получить сверхурочную работу по вечерам. Объявление поместило вновь открытое в нашем городе машинописное бюро.

Я не люблю быть бедной. А ты ведь понимаешь: когда в семье пятеро детей, то каждому достается не так уж жутко много карманных денег на целую неделю. Не думай, что я неблагодарная. Я часто думаю о том, что тысячи беспризорных детей, нуждающихся в помощи, бродят по улицам Лондона. Но это не мешает мне желать множество вещей. Мама, конечно, говорит, что нет на свете худшей болезни, чем жажда иметь, и что человек бывает счастливее, если не стремится к тому, чего нельзя получить. Я изо всех сил пытаюсь научиться избегать подобных желаний и не роптать; большей частью мне это удается. Но когда я увидела в газете объявление о том, что требуется машинистка, в моей душе пыльным цветом расцвела жажда иметь.

Я ведь фактически прошла курс машинописи, а теперь у меня появился шанс получить валюту на оплату курсов и деньги, чтобы купить светло-голубую блузку, которая, как мне кажется, совершенно необходима.

Никому ничего не сказав о своих планах, я отправилась в полдень в это самое «Бюро переписки начисто» и была принята дамой с поросшей волосами бородавкой на подбородке и с выражением лица, словно у полководца.

— Вы искусная машинистка, фрёкен? — спросила она, глядя на меня с величайшим сомнением.

— О да, чрезвычайно искусная, — жизнерадостно ответила я, стараясь выглядеть гораздо искусней, чем большинство других машинисток.

— Тогда напечатайте пробный текст, — сказала дама с бородавкой и посадила меня возле пишущей машинки, после чего сама вышла в соседнюю комнату. Я подошла к машинке. Ты знаешь, что, когда печатаешь на машинке, пальцы устанавливаются в среднем ряду клавиатуры и делают оттуда небольшие вылазки туда-сюда. Глаза не отрываешь от текста, а не от клавиатуры, ведь пальцы сами должны знать, куда им надо. Я между тем умудрилась, сама не заметив этого, уже с самого начала неловко задерживать пальцы в верхнем ряду. И вот я начала печатать изо всех сил, надеясь, что тетка в соседней комнате оценит мое старание, когда я с дребезгом застрочила, словно пулемет, на машинке. Через некоторое время я взглянула на то, что получилось. И увидела на красивой белой бумаге следующий душераздирающий текст:

Кв Вх 48 фг уквн 8 -6 04 Зу уи94 койв5 в9у и71ф34 окхт.

Или нечто подобное. Однако над урной с моим прахом никто не сможет сказать, что я не отдавала себе отчета, когда битва проиграна. Решив, что настал момент для организованного отступления, я выскользнула за дверь, не теряя драгоценного времени на то, чтобы попрощаться. Но теперь мне уже по-настоящему жаль, что не увидела выражения лица дамы с бородавкой, когда она вернулась и узрела мое произведение:

Кв Вх 48 фг уквн 8 -6 04 Зу уи94 койв5 в9у и71ф34 окхт.

И вот я решила отказаться от мысли о сверхурочной работе: отчасти потому, что светло-голубая блузка мне абсолютно не нужна, а отчасти потому, что

полным идиотством было бы даже пытаться успеть еще с какой-то дополнительной работой, когда наши милые учительницы и без того заботятся о том, как бы мы не сидели праздно по вечерам. Кроме того, у меня есть все-таки дополнительная работа. Благодаря Алиде! Алида интересуется брачными объявлениями и отвечает на них. И вот однажды вечером, потев над ответом на письмо, она не смогла выжать из себя ничего, кроме: «Я жуть какая толстая и интирикуюсь всем, что угодно...» — и в своей беде обратилась ко мне. Сначала мне пришлось самым серьезным образом поклясться, что я ничего не скажу всему остальному семейству. А когда я поклялась, она раскрыла мне свои карты. Бедная Алида — ей скоро исполнится сорок лет, она веселая и по-матерински добрая женщина, которой следовало бы иметь свой дом, вместо того чтобы надрываться здесь у нас. И теперь она, очевидно, решила — чего бы это ни стоило — раздобыть мужа. Мы аккуратно отвечаем на письма. В настоящее время мы ведем переговоры с «верующим мужчиной, имеющим собственное постельное белье», и с «человеком, испытывавшим, что такое жизнь». Мне нравится тот, у кого собственное постельное белье, но, по-моему, испытывавший, что такое жизнь, произвел на Алиду самое глубокое впечатление. Он пишет: «В год, что минул, я тосковал по милой маленькой женщине, чирикающей на моем домашнем очаге». И Алида горит желанием заняться чириканьем. Между тем, судя по некоторым признакам, «испытывавший, что такое жизнь» сделал это настолько основательно, что судьба не будет благосклонна к той, которая станет чирикать ему в даль-

нейшем. Я делаю все, что в моих силах, стараясь заставить Алиду изменить свое мнение и обратить свои мысли к «верующему».

Всего тебе хорошего, и продолжай цвести!

Бритт Мари.

17 ноября

Милая Кайса!

Хотела бы я знать, как выглядит Стокгольм в такой вот вечер. Мерцающая световая реклама, людские толпы, льющиеся стремительным потоком в кинотеатры, рестораны и выходящие оттуда, витрины, освещенные со всевозможной мыслимой и немыслимой внешней роскошью, разве не так? А знаешь, как все выглядит здесь у нас? На этот вопрос можно ответить одним-единственным словом: грустно. Даже супергрустно! После обеда я вышла на улицу, облаченная в дождевой плащ и резиновые сапоги. Моросил дождь, и уличные фонари уныло светились в ноябрьской мгле. Сначала я пошла к Аннастине немного поболтать по душам, но она ушла к своей тете. Крайне раздраженная этим ее дурацким поступком, я снова отправилась в непогоду.

О, самый страшный мрак на свете — это и есть Стургатан в дождливую погоду. Никого не видеть, даже кошек! Если, разумеется, не причислять полицейского Андерссона к кошачьему племени. Он расхаживал там в своем дождевике с капюшоном, и вид у него был почти чахоточный. Все витрины темные, если не считать магазина текстильных товаров Магнуссона.

Там в витрине стояли несколько манекенов с ослепительными улыбками, считавших, конечно, что осенние туалеты, в которые их облачил Магнуссон, — неотразимы, последний крик моды... Но я в этом не уверена! Во всяком случае, представление господина Магнуссона о том, что такое настоящий шик, не совпадает с моим. После того как я огорченно констатировала этот факт, я шмыгнула в кондитерскую Юханссона в надежде найти понимающего человека, который помог бы мне, пока моросит дождь, мгновенно решить загадки Вселенной. Если быть честной до конца, то мой ястребиный глаз высматривал Бертиля. Вот уже несколько дней, как я не встречала его, а мне так хотелось сказать ему, что, собственно говоря, я вообще терпеть не могу кофейные пирожные. Но, к сожалению, его там не было! Зато там обретались Стиг Хеннингсон и Марианн Удден. И при виде их я не могла не подумать об известных словах одного старого датчанина, сказанных о молодой парочке из круга его знакомых:

— Kønne er de ikke, men de klær hinanden!¹.

Потому что фактически они и были два сапога пара, Стиг и Марианн, они сидели там оба — одетые нарочито небрежно, но прекрасно и оба одинаково самоуверенные. Я кивнула им, проходя мимо, и поспешила дальше. Но потом, не в силах больше пере-

¹ Они хоть и нехороши собой, но зато — два сапога пара! (дат.)

Это своего рода перефразировка, перекликающаяся во второй половине фразы со словами великого датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена (1805—1875) в сказке «Пастушка и трубочист» (1845): «Они были отлично парочкой».

носить осеннее ненастье, решила, наконец, и пошла домой.

О, самое великое счастье на свете — вся семья собралась у зажженного камина в гостиной! Майкен предложила нам чай с приготовленными бутербродами, а папа читал вслух из книги Фальстафа Факира¹. А потом мы затянули канон на несколько голосов:

— Хочешь ли ты, хочешь ли ты, хочешьхочешь-хочешьлыты пойти с нами в лес, да-но, нет-но, да-но, нет-но, да-но, я хочу пойти в лес!

— Но не в такую погоду, — сказал Йеркер, когда мы кончили петь.

И по-моему, все были абсолютно уверены в том, что прекраснее всего там, где мы находимся сейчас.

Затем мы все помогали друг другу уложить Монику. Сначала она немного протестовала и хотела, чтобы мы «пели естё». Но довольно скоро она уже сидела в своей белой кроватке, похожая на ангела, читала вечернюю молитву и просила Бога защитить и охранить «маму и папу, и Майкен, и Блитт Мали, и Сванте, и Йелкела, хотя он ланьсе делнул меня за волосы, и меня тозе».

— Спи спокойно, и пусть тебе приснятся сладкие сны, — сказала мама, прежде чем нам всем уйти.

— Да, мама, — сказала малышка, — вцела ночью мне снился сладкий сон, но я его не поняла, потому сто детям до сестнадцати лет он заплестён.

¹ Фальстаф Факир — псевдоним поэта и журналиста Акселя Валленгрена (1863—1896). Известен своими пародиями и юмористическими сказками («Помперипосса с длинным носом», переведена на русский язык).

Моника была очень оскорблена, когда мы все расхохотались.

Мы снова сидели все вместе, и мама была такая веселая и оживленная, какой бывает только она одна. Хотелось бы, чтобы ты увидела ее, когда она выступает перед папой и поет песню на самую веселую мелодию:

Зачем, зачем просил отдать тебе мое
младое сердце,
Зачем заставил полюбить себя,
Зачем, зачем меня не любишь боле,
Зачем, зачем покинул ты меня?

— Старая ты дурочка, — говорит папа и смотрит на нее тем особым взглядом, которым смотрит только на нее, взглядом очень нежным и вместе с тем чуть-чуть снисходительным.

Потом мама стала рассказывать о своей юности. Она, не беспокоясь, и сейчас еще не древняя старуха, но я имею в виду ее самую раннюю, зеленую юность, когда она была молодой девушкой, еще до того, как встретила папу. Ее истории — невероятно веселые, потому что сумасбродств, которые она творила и здесь, дома, и за границей... нет, я не знаю никого, кто бы пережил такое.

Среди прочих историй она рассказала о том, как, будучи в Англии, ехала поездом в Оксфорд с подругой из Швеции. Ей было лет двадцать. Напротив молодых дам сидел какой-то джентльмен и читал «Таймс».

— Этот малый выглядит поистине очень неплохо, — заявила непосредственная, как всегда, мама, твердо уверенная в том, что никто в купе шведского

языка не понимает. — Но какая самоуверенность! — продолжала она. — Перед тобой типичный англичанин, который не думает, что на свете существуют какие-то другие страны, кроме Англии.

— Не смотри на него так открыто, — предупредила ее подруга, — он поймет, что мы говорим о нем.

— Конечно, — согласилась мама, — я смотрю на него так скромно и редко, да и вообще он читает газету, так что ничего не слышит и не видит.

После чего мама с подругой детально прошлись насчет его внешности и душевных качеств.

Уезжая в Англию, мама взяла с собой меховое боа¹, которое ненавидела больше всего в жизни. Оно было старое, уродливое и потертое; мама называла боа Драконом, уверяя, что оно обвивает ее шею, как дракон, стерегущий плененную принцессу. Бабушка — мамина мама — упорно настаивала, чтобы дочь взяла боа с собой, так как при ее слабом горле, право, с английским климатом шутки плохи.

Все-таки с самых первых дней пребывания на английской земле мама предпринимала энергичные попытки забыть где-нибудь Дракона. Она оставляла его в гостиницах и ресторанах, она уронила боа однажды на улице, позволила ему соскользнуть со своей шеи в такси, но избавиться от него было совершенно невозможно. В последнюю минуту всегда поспешно появлялась какая-нибудь услужливая душа с боа в руках. И маме приходилось благодарить и давать, как полагается, мелкую монету за труды.

¹ Боа — огромная змея тропической Америки, род удава. Зд.: женский меховой шарф.

Когда поезд прибыл на станцию в Оксфорде, мама сказала:

— Пусть матушка говорит что угодно, но я так долго мучилась с Драконом, что пора с ним покончить!

Взяв боа, она положила его в багажную сетку.

— Лежи здесь и с места не двигайся! Мир твоей памяти! — сказала мама и быстро вышла из вагона.

Подруге надо было выполнить какое-то поручение, и мама в ожидании ее стояла одна на улице.

И вот тут!.. Кто шел ей навстречу, если не читавший газету англичанин из их купе? В руках он держал мамино меховое боа. Учтиво поклонившись, он улыбнулся и на чистейшем шведском языке произнес:

— Мне кажется, вам все же необходимо взять боа! Не исключено, что в это время года по вечерам может быть прохладно!

Отгадай, кто это был? Это был папа. И мама говорит, что весны, подобной той, в Оксфорде, ей не приходилось переживать больше никогда в жизни. И прежде чем весну сменило лето, мама и папа были уже помолвлены.

Разумеется, мама раньше много раз рассказывала нам об этом, но нам никогда не надоедало слушать эту историю. Я только не могу понять, как наша мама могла сидеть там, в поезде, прямо напротив папы и не знать, что это — наш папа!

— Зато я сразу же понял, что это — мама и что я ее нашел, — с довольным видом сказал папа.

— Да, яснее ясного, что ты сразу узнал маму, — вступил в разговор Йеркер. — Кто угодно бы это сделал. Хотел бы я, мама, тоже быть с тобой в поезде, я бы уж хорошенько застегнул Дракона на твоей шее.

Как тебе кажется, что вообще произошло с Драконом в дальнейшем? Думаешь, вероятно, что он одиноко встретил горькую участь и был брошен где-нибудь в английской провинции? Ни в коем случае! Для Дракона началась новая эпоха, эпоха величия. Мама надела боа на шею в день своей помолвки, а затем Дракона торжественно повезли домой в Швецию. Теперь он, щедро посыпанный перцем от моли, хранится в коробке на чердаке. Но каждый год пятого мая, когда мама с папой празднуют день своей помолвки, его вынимают, и он красуется у мамы на шее, когда она выходит с папой из дому и они вместе обедают в ресторане в честь праздничной годовщины.

Пока мы болтали, время шло, и было уже довольно поздно. Под конец мама сыграла нам на пианино, играет она потрясающе! Моя заветная мечта — играть когда-нибудь так же хорошо, как и она, но я знаю, что это мне никогда не удастся. Сванте изо всех сил старается укрепить меня в этой мысли. Я обычно играю по нотам, которые называются «Pianoboken» — «Для фортепиано»; Сванте жирным красным карандашом перечеркнул букву «a» в слове «Piano».

— «Pianoboken» — «Книга страданий»¹ — гораздо ближе к истине, — говорит мой любезный братец. Возможно, он и прав.

А сейчас я лягу и прочитаю главу из книги «Давид Копперфильд», если только Йон Блунд² не

¹ Игра слов: в шведском языке слово «Piano» означает «рояль», а «Pino» — «мука, страдание».

² Йон Блунд (blunde (шв.) — вздремнуть) — сказочное фантастическое существо шведского фольклора, навевающее детям волшебные сны.

воспротивится. Но я уже зеваю, так что интересно, что будет дальше. Вообще-то читать по вечерам лежа — дурная привычка. Но это так чудесно, чудесно, чудесно!

Спокойной ночи, Кайса, спи сладко и не смотри, как Моника, сны, которые детям до шестнадцати лет смотреть запрещается.

Этого желает тебе

Друг Порядка.

28 ноября

Дорогая Кайса!

Слава Богу, ноябрь скоро кончится! Я люблю почти все месяцы, но с ноябрем у меня прескверные отношения. В английских романах юные девушки всегда гуляют в самую скверную ненастную погоду, позволяя дождю стекать по их лицам, и здорово наслаждаются. Зато у них у всех прекрасная кожа, но, должно быть, в Англии совсем другие дожди. Когда я ходила в школу по утрам и дождь лил как из ведра, я несколько раз честно пыталась вообразить себя англичанкой и позволяла дождю плескаться на моем лице. Но насчет прекрасной кожи — все это вранье. Вместо лица, напоминающего яблоневый цвет, которое я надеялась увидеть, когда, вернувшись домой, дрожа от ожидания, смотрелась в карманное зеркальце, передо мной предстала изрядно посиневшая от холода физиономия. И я приняла решение не становиться красивой. Так что теперь я — та, что, съездившись под зонтиком, пускается в путь

и бежит по улицам, словно маленькая серая водяная крыса.

В школе в это время года тоже не особенно весело: весь день горит электричество, да и в окне решительно ничего интересного не увидишь. Мне так трудно собраться с мыслями. Как раз в тот момент, когда мы изучаем притоки Волги, взгляд мой блуждает по карте мира и останавливается на каком-нибудь маленьком, забытом Богом островке в южном море. Как бы ты посмотрела на то, чтобы оказаться, например, на острове Диана Банк в Коралловом море¹ Тихого океана именно сейчас, в ноябре? И бродить там в одном маленьком саронге², прикрывающем живот? Оглядываясь в классе на своих соучениц, я пытаюсь вообразить, как бы они выглядели в саронге вместо великолепных школьных платьев, в которые они облачены сейчас. Марианн наверняка станет выпендриваться и устроит жуткую шумиху среди несчастных мальчишек на острове Диана Банк. Однако же маленькую пухленькую Бритту Свенссон я могу скорее представить в одежде баварской служанки, Лиса же Энглунд создана скорее для того, чтобы мчаться по сибирской тундре в шубе из волчьего меха и огромных сапогах, на санях,

¹ Коралловое море — море, омывающее Австралию, Новую Гвинею, Новую Каледонию. Покрывается многочисленными коралловыми рифами и островами; Bank — подводная мель (нем.). Банка Дианы находится у Больших Антильских островов.

² Саронг (сарунг) — мужская и женская одежда народов Индонезии и сингалцев Шри-Ланки: прямоугольный кусок хлопчатобумажной ткани, обернутый вокруг бедер в виде длинной (до щиколоток) юбки.

запряженных собаками. Она принадлежит к типу мужеподобных девушек.

Ах, что только не придет в голову на уроке географии — лишь бы не слушать о притоках Волги. Но, как известно, грех наказуем, и, когда потом задают вопрос, не можешь выжать из себя название даже самого маленького притока!

Ведь нельзя, как хочется, сказать фрёкен Лундстрём прямо в лицо, что тебя, собственно говоря, никогда так уж безумно не интересовали эти притоки, и попросить разрешения рассказать о чем-нибудь более веселом, например об острове Диана Банк. Тогда, пожалуй, ее честное, курносое, как у мопсика, лицо исказит гримаса огорчения. Она в самом деле так смехотворно похожа на мопса, что меня удивляет, как это она до сих пор не начала лаять. То есть время от времени она нас изрядно облаивает, но мне хотелось бы услышать от нее «гав, гав!».

На переменах мы толпимся в коридорах, если погода не настолько теплая, чтобы мы могли ринуться во двор. Марианн, выказывая заметную благосклонность, льнет ко мне и разыскивает меня на всех переменах.

Может, ей нравится дружить с кем-то, кто по крайней мере хоть иногда придерживается иных взглядов, нежели она сама. Из ее выдумки в тот раз, ну, ты помнишь, чтобы мы две недели не разговаривали с Бриттой Свенссон, ничего не вышло. Я даже чуточку горжусь этим.

Вообще-то мне начинает казаться, что в самой глубине души Марианн, возможно, добрый человек. На днях она подошла ко мне и дала книгу «Палом-

ничество и годы странствий»¹ в очень красивом переплете. Я по меньшей мере удивлена. Но ты знаешь, книги — лучшая приманка, если меня хотят поймать в сети. Если я когда-нибудь обрету настоящую власть, такую, что никто не осмелится даже приблизиться ко мне, то понадобится лишь сунуть мне под нос книгу, и я стану такой смирной, что со мной сможет поговорить и ребенок.

Вообще-то у Марианн скоро день рождения. Хозяйка ее частного пансиона в милости своей обещала Марианн устроить небольшой званый вечер. Нас будет там несколько человек, мальчиков и девочек. Да, да, Бертиль тоже придет! Мы как-то вечером гуляли с ним, так что с этой историей с кофейными пирожными все уже выяснено и улажено.

— Но если мы будем дружить, то по-настоящему! — сказал Бертиль.

И я с ним согласна. Из всех, кого я знаю, он самый честный и откровенный мальчик. И когда я с ним, то чувствую, что тоже хочу быть честной, порядочной и правдивой. Он серьезнее, чем большинство мальчиков его возраста. Может быть, это оттого, что в последние годы на его долю досталось немало неприятностей. Родители его в разводе, и, когда ему исполнилось десять лет, он переехал сюда с матерью и маленькой сестрой. Отец вскоре женился.

— Мои дети, если они у меня будут, на всю жизнь сохраняют обоих родителей, по крайней мере, если я смо-

¹ Сборник стихотворений (1888) шведского поэта и романиста, члена Шведской академии (1912), лауреата Нобелевской премии (1916) Вернера фон Хейденстама (1859—1940).

гу что-нибудь для этого сделать, — говорит он, и взгляд его голубых глаз становится таким решительным и серьезным, что меня это трогает до глубины души.

— Быть верным — самое важное на свете, — говорит он, и я верю: это так и есть! Пожалуй, не так уж удивительно, что Бертиль производит впечатление более зрелого человека, чем его сверстники. Ведь ему так долго пришлось быть главой семьи. У них по-настоящему уютный маленький дом, можешь мне поверить, и я редко встречала кого-либо столь внимательного к своим матери и сестре. Папа всегда говорит:

— Этот Бертиль Видгрэн — хороший мальчик!

И тогда я почему-то испытываю своеобразное чувство гордости, хотя ведь, собственно говоря, никакой причины для этого у меня нет. «Не гордись славой Бертиля, у каждого она только своя»¹, ну, ты знаешь...

А еще Бертилю присуще такое качество: он всегда может рассказать что-либо стоящее. И говорит он не только на жаргоне. Не знаю, как там у вас в Стокгольме, но здесь, в нашем городке... ой, сколько чепухи мы болтаем, когда соберется хотя бы несколько моих сверстников. Мы и ржем, и шумим, и весело треплемся, что, право, по-настоящему забавно. Но, как бы там

¹ Перефразированные слова замечательного шведского поэта-романтика Эсайаса Тегнера (1782—1846) из поэмы «Сага о Фритьофе» (1819—1825): «Не гордись славой предков, у каждого она только своя». В основу этих слов Тегнера положено изречение Высокого (бога Óдина) из литературного памятника «Старшая Эдда» (Исландия, XIII век):

Счастливы, кто славу и благо заслужит

Своей силой.

Цит. по: Эдда. М., 1917. С. 288. Перевод С. Свириденко.

ни было, иногда хочется поговорить о чем-то важном, а не только быть все время на пике шуток и веселья.

— Искусство оживленной трепотни несколько чрезмерно высоко развито в этой компании, — говорит Бертиль. — А вот искусство держать язык за зубами абсолютно отсутствует.

Когда мы гуляем вместе, Бертиль и я, мы можем долгими часами ходить молча, и я не замечала, чтобы от этого нам становилось хуже. Бродить с Бертилем весело, потому что его живому взгляду ничто в природе не чуждо. Он знает столько названий птиц и растений, о которых я не имею ни малейшего представления, он находит птичьи гнезда там, где я не вижу ничего, кроме небольшого пучка увядшей травы. Весной он всегда находит первую фиалку, а когда в полях я внезапно обнаружила несколько маленьких круглых коричневых комочков, он сказал, что это визитная карточка зайца.

Ага, ну теперь, думается, ты, верно, по горло сыта Бертилем, так что я избавлю тебя от дальнейших рассказов, ограничившись теплым приветом от

Бритт Мари.

Первое воскресенье адвента¹

Дорогая Кайса!

Какая погода в Стокгольме во время адвента? Надеюсь, снега нет, потому что тогда я позеленела бы

¹ Адвент — период перед Рождеством. В Швеции — четыре недели.

от зависти. Хотя не беспокойся, на нашу погоду сейчас особо жаловаться не приходится.

Разумеется, снега у нас нет, но деревья подернуты инеем, и маленький багряный луч зимнего солнца энергично силится пробиться сквозь туман. Ему вряд ли это удастся, но во всяком случае радостно смотреть, как он пытается...

Все наше семейство поднялось сегодня рано утром и зажгло первую свечу адвента. Мама играла, а мы пели «Приготовьте путь Господу...»¹. И внезапно мы почувствовали, что Рождество близко. В первое воскресенье адвента словно видишь на расстоянии факел, а потом с каждым днем подходишь к нему все ближе и ближе, пока в Сочельник он не начнет светить тебе и согревать до самой глубины сердца.

После завтрака Сванте, Йеркер и я бодро отправились на прогулку. Мы шли лесом к Шерсхульту. Как бы ни пыталась, я не смогу описать тебе, как там было красиво. Можно, конечно, вспомнить бриллианты, но видела бы ты деревья, покрытые инеем!

Йеркер рыскал в кустах туда-сюда, словно гончая, так что я подсчитала: он преодолел вдвое большее расстояние, чем мы со Сванте.

В Шерсхульте есть старый заброшенный торп². Туда мы и отправились. Летом, когда цветут сирень и старые яблони с шишковатыми ветвями, там по-

¹ Новый Завет. От Матфея, гл. 3, 3. Исполняется псалом в первый день адвента.

² Торп — арендованный безземельным крестьянином — торпарем — участок земли (*шв.*).

трясающе красиво. По-моему, тяжело думать о том, что здесь некогда жили люди, посадившие эти яблони, обитавшие в этой лачуге и возделывавшие землю. И о том, что нынче здесь так пустынно и все пришло в упадок.

Быть может, торпарь, привезя сюда яблони и посадив их, надеялся, что его дети, и внуки, и правнуки будут веки вечные жить на этом торпе и выращивать новые деревья, когда старые погибнут... Как ты думаешь?

Замка на дверях не было, и мы вошли. В углах висела паутина, оконных рам тоже не было. Сразу бросалось в глаза, что половицы истерты множеством ног. Горница и кухня — вот и все жилье! В горнице находился огромный открытый очаг. Кто знает, сколько сопливых торпарских ребятишек, сидя здесь, грели ножки у огня, пока матушка варила на кухне кашу на ужин, а тьма стеною стояла за окном. Йеркер сновал вокруг и заглядывал повсюду и вдруг, откуда ни возьмись, предстал перед нами с целой пачкой старых писем, найденных в шкафу. Все письма были из Америки, из Дулута, что в северном штате Миннесота, и датированы 1855 годом. Так что я не думаю, что мы совершили великий грех, прочитав их. Писались они отцу и матери домой в Шерсхульт некой Хильмой Карлссон. «Вообще-то в Штатах все очень хорошо, — писала она, — хотя работать приходится тяжело, а money¹ даром не платят». Еще она жутко тосковала по материнской колбасе, фаршированной кашей. Да, дорогая Хильма,

¹ Деньги (англ.).

ну что тебе было делать в Америке? Сидела бы дома в мире и покое и ела бы колбасу, фаршированную кашей, пока не лопнула бы. А твоим отцу с матерью не пришлось бы умирать в одиночестве, а Шерсхульт не был бы теперь пустынным торпом! Но может, Хильма была такая бедная, что Америка показала ей единственным выходом из положения.

Потом мы отправились домой, и прямо в полдень Йеркер рухнул в ванну, когда пускал там в плавание берестяную лодочку, и сильно поранил голову над ухом, так что Майкен пришлось пойти с ним в больницу, где рану зашили. Он явился домой с небольшой хорошенькой повязкой, прикрепленной липким пластырем, чувствуя себя героем дня. Но заявил, что в ближайшую неделю не станет выходить на перемены.

— Ради Бога, почему? — спросила я. — Рана ведь неопасная!

— Ты так думаешь? — возмущенно спросил Йеркер. — Где тебе знать, что творится в нашей школе. Если я стану выходить по утрам на перемену, то вернусь домой с целиком оторванным ухом!

И это сказал маленький драчунишка! Ну да, я знаю, что среди малышей случаются жестокие схватки. Не так давно я проходила мимо народной школы и видела, как забияка Йеркер, издав боевой клич «Битва и победа!», ринулся сломя голову прямо в кучу из пяти-шести отчаянно, изо всех сил дравшихся сорванцов. Так что, может, и в самом деле ему надежнее оставаться на переменах в классе.

А вообще никаких новостей на горизонте Смостада нет. Да, правда, мы были у Марианн на дне рож-

дения, если тебе интересно знать об этом. Содержанием вечера были чай, бутерброды и небольшая, корректная перепалка со Стигом Хеннингсоном. Перепалку начал Бертиль, а происходило это примерно так.

Стиг без всякой в том нужды долго болтался перед зеркалом в прихожей, поправлял галстук, причесывался и, казалось, был безмерно доволен своим отражением, так что один из мальчиков чуть презрительно сказал:

— Черт побери, как упорно ты смотришься в зеркало!

Стиг тут же парировал:

— Я, как полевые цветы, радуюсь своей красоте!

Следующая реплика принадлежала Бертилю. Он очень сухо произнес:

— Как приятно, когда люди радуются такой малости!

Вероятно, были сказаны еще большие колкости, не стану этого отрицать. Но Стига, во всяком случае, как следует припечатали, и это ему так полезно, так полезно! Он живет на полном пансионе у той же хозяйки, что и Марианн, поэтому он как бы имеет на нее бесспорное, неотъемлемое право, иначе, пожалуй, ей можно было бы найти более приятного кавалера.

Неплохие подарки достались Марианн. Мама и папа — управляющий имением — наверняка сделали все, чтобы достойно отпраздновать пятидесятителетие дочери. Ты только послушай. Маленькая дорожная сумка из свиной кожи, две пижамы из чудеснейшего

мокрого шелка, красный футляр с маникюрным набором, и вправду очаровательный серебряный браслет, двадцать пять крон наличными и три пары нейлоновых чулок. Но ни единой книги! Мне, пожалуй, пришлось бы справить пять дней рождения, чтобы получить столько подарков, сколько Марианн получила за один, но, во всяком случае!.. Если бы у меня был день рождения и мне бы не досталось ни одной книги, я бы серьезно начала сомневаться, не нарушен ли порядок мироздания.

Вообще-то было весело и шумно, как никогда. Сначала мы танцевали, однако все кончилось тем, что мы словно превратились в детей и играли в жмурки и «сватались в шутку»... Ты слышала о таких играх? Еще у нас был клуб неподготовившихся ораторов, и Бертиль произнес веселую краткую речь на тему: «Сравнение духовной жизни пингвинов с Кальмарской унией»¹. Мне самой досталось задание произнести речь «О свином окороке». Не стану утверждать, что я хоть сколько-нибудь испугалась. Но тебе не кажется, что это, пожалуй, тоже необычайно идиотская тема? Однако в свою защиту скажу: я придерживалась исключительно и строго темы «Рождественский окорок».

А теперь, моя девочка, я заканчиваю письмо с серьезнейшими пожеланиями тебе поскорее начать готовить рождественские подарки: вязать прихватки

¹ Кальмарская уния (1397—1523) — объединение Дании, Норвегии (с Исландией) и Швеции (с Финляндией) под верховной властью датских королей. Оформлена в шведском городе Кальмаре. Распалась с выходом из нее Швеции. Датско-норвежская уния сохранялась до 1814 г.

для горшков с кашей и вышивать маленькие никому не нужные скатерки, так, чтобы быть уверенной: здесь, на Севере, в самом деле наступит Рождество.

Бритт Мари.

14 декабря

Подруга-корреспондентка, ого-го!

И даже в этом году тебе не удалось стать Люсией¹ города Стокгольма? Кайса, ой-ой-ой, как же ты ведешь себя! Судя по фотографии, которую ты мне прислала, ты в аккурат такая же милая и славная, какой должна быть свечная королева. Ты пишешь, что не захотела выставлять себя на конкурс. Ну, вини тогда самое себя, раз не стала той, кому вчера вечером выпала честь ехать через весь город с подвесками на цепочке и в кроличьей шубке.

У нас в доме мы праздновали день Люсии так впечатляюще-убедительно! Нашей Люсией-невестой была Алида², облаченная в свою лучшую ночную сорочку с вышивкой. Правда, я, пожалуй, представляла себе, что Люсия должна быть чуточку более хрупкой и по крайней мере весить не больше девяноста килограммов, но ведь это, возможно, старое искаженное

¹ 13 декабря в Швеции торжественно празднуют день Люсии. Предварительно местная газета организует конкурс читателей, которые выбирают самую красивую девушку, и она с венцом из свечей на голове возглавляет торжественное шествие. Здесь описывается семейное празднование дня Люсии.

² В доме обычно бывает Люсией мать или старшая сестра, хозяйка дома.

представление, с которым, пожалуй, я попытаюсь распрощаться. Как бы там ни было, я в самом деле почувствовала себя по-домашнему уютно, когда меня разбудили глубокие, хотя и несколько фальшивые звуки грудного голоса Алиды. Она пела: «Санта Люсия, светлое, ясное видение...» — таким громовым голосом, что потолок начал подниматься ввысь, а в постель нам подали крепкий кофе, свежие шафрановые булочки и перцовое печенье. Вслед за Алидой, совершенно заслоненный ее могучей фигурой, появился маленький звездный мальчик¹ Йеркер в шляпе в виде конусообразной сахарной головы. И более беззубого звездного мальчика, верно, в Северном полушарии никогда не наблюдалось. С тех пор как я видела его в последний раз, Йеркеру удалось расстаться еще с двумя зубами. Я не знала, что у детей может выпасть столько зубов сразу, но Йеркер, могу поклясться, обделяет все свои делишки основательно!

Выпив кофе, я прокралась за Алидой в спальню: мне очень хотелось посмотреть, какую мину скорчит Моника, когда увидит Люсию. Мне казалось, такую, словно она свалилась с небес, но представь себе — ничего подобного! Она уселась в кровати, задумчиво глядя на Алиду, а потом совершенно спокойно сказала:

— Я думаю, у тебя в волосах — свечи!

И все!

Когда Алида раз пять выдавила из себя «Санта Люсия...», нам уже окончательно надоела эта ария.

¹ Ребенок, который во время празднования дня Люсии или Рождества появляется в длинной белой рубашке и головном уборе, похожем на фунтик.

Вместо нее мы запели: «Был Стаффан конюхом лихим...» А потом настало время тащиться в школу. Было темно, но почти во всех окнах горел свет. Многие высыпали на улицу и шли, зажав в руках корзинки, где были термосы с кофе и бутерброды. Молчи и не говори, что жители Смостада пренебрежительно относятся к празднику Люсии, нет, вовсе нет!

Я вышла поздно, так что последний отрезок пути в школу пришлось бежать. Но мне удалось прошмыгнуть через ворота как раз в тот момент, когда ударил школьный колокол, возвестив восемь часов утра. Наша фру ректор читала утреннюю молитву. Это она почти всегда делает сама. Если читает кто-то другой, мне кажется, что день не заладился. Мне нравится слушать ее спокойный голос и видеть ее умные глаза, когда она оглядывает нас всех сразу. Я постоянно испытываю ужасное желание попытаться быть такой же милой, какой, ей представляется, я являюсь на самом деле.

Она хорошая учительница, но как человек еще лучше. И как говорит папа: «Если мне надо выбирать между плохим учителем, но хорошим человеком или между хорошим учителем, но человеком плохим, то я без всяких колебаний выбираю первого».

Нам, вероятно, посчастливилось, что наш ректор — хорошая учительница и хороший человек, и я знаю: если я когда-нибудь окажусь в каком-либо затруднении и не встречу понимания у мамы и у папы, то отправлюсь на негнущихся ногах прямо к ней.

Молитвенный зал был украшен свечами, и в нашей классной комнате тоже горели свечи. День, таким образом, начался празднично и, собственно говоря, так

и закончился. Общество Красного Креста устроило званый вечер в актовом зале нашей школы. Среди прочих увеселений мы повторили и маленькую пьесу, что играли весной в День Детей. У Сванте и у меня, у каждого из нас была своя роль. По ходу пьесы мне в одном случае надо было как следует отлупить Сванте, и, поверь, я чрезвычайно усердно и с огромной радостью приступила к делу. Потому что мой братец все время корчил отвратительные гримасы, стоя так, чтобы публика их не видела. Он пытался таким образом заставить меня сбиться с роли и расхохотаться. А его сдержанное хихиканье... когда я признала тот горестный факт, что «ее милость будет похоронена в четверг»! Вот я и думаю, что наш режиссер был прав, когда потом похвалил меня: дескать, я весьма реалистично провела сцену драки.

Но потом несчастье постигло и Сванте. А именно — ему следовало сказать: «Опасности встречаются тебя на твоём пути!» Но, очевидно, он так усердно гримасничал, что язык сыграл с ним дурную шутку, потому что он изрек не более и не менее как: «Встречи опасаются на твоём пути!»

Тут мне пришлось чуточку отвернуться и подумать о чем-то по-настоящему печальном, чтобы не возник явный скандал. Но теперь я знаю, что сказать Сванте, когда он явится вновь и захочет меня поддразнить. Я лишь угрожающе подниму кулак и заявлю:

— Встречи опасаются на твоём пути!

После пьесы зазвенели песни. Их исполняли две дамы, которые наверняка охотнее вцепились бы друг другу в волосы. Одна — учительница музыки, она преподаёт и в школе для девочек, и в учебном заведении для

мальчиков. Голос у нее красивый. Чего как раз даже при большом желании не скажешь о другой певице, невероятно волевой даме, которая замужем за учителем рисования в учебном заведении для мальчиков. Фру Альберг имеет в семейных делах решающий голос, и будь уверена, она все время поднимает его. Господину Альбергу — самому покладистому на свете из всех учителей рисования, ноги которых когда-либо ступали по этой земле, остается лишь покоряться. Фру Альберг живет в абсолютном заблуждении, что она умеет петь (и когда она берется за это дело, то поет до тех пор, пока у слушателей не возникает желание умереть). Когда же комитет по проведению праздника рекомендовал вместо нее фрёкен Андерссон — учительницу музыки, — то начались ужасные жалобы и стенания. Фру Альберг примчалась во весь опор к нам домой, поскольку мама является важной шишкой в Красном Кресте! И с глазами раненой лани просидела у нас все послеобеденное время, которое главным образом потратила на то, чтобы очернить фрёкен Андерссон.

Но явиться к маме с клеветой — это примерно то же самое, что попытаться накормить бенгальского тигра сухими корками. Я считаю это абсолютно невозможным. Как только фру Альберг произносила какую-то колкость по адресу фрёкен Андерссон, мама выдвигала в свою очередь некую чрезвычайно высокопарную тему. Сидя в соседней комнате, я слушала их беседу и развлекалась вовсю. Что бы ни говорила фру Альберг, мама всегда умудрялась переключиться на рассуждения об этике и морали современного человека или на нечто в этом же роде. Но фру Альберг не сдавалась, и в конце концов мама сказала:

— А не могли бы вы вместе спеть дуэтом? Какую-нибудь небольшую вещь?

Меня удивило, что фру Альберг не подняла крик. Но была так угрюма и сурова — это просто бросилось в глаза, когда она ответила:

— Вы, фру Хагстрём, любите шутить!

Потом она ушла, а мама, вытянув ноги, выдохнула:

— Ух! Пение рождает благородные чувства, это уж точно!

Но, как бы там ни было, мама, вероятно, пожалела фру Альберг, и в результате той тоже разрешили спеть.

— Вероятно, все обойдется, если дать ей спеть, — заметила мама. — Трудность лишь в том, чтобы заставить ее когда-нибудь прекратить пение.

Среди прочих фру Альберг исполнила с дрожью в голосе песню... ну, ты знаешь, на музыку Мери-канто¹, «Там, где шумят березы», так прочувствованно, как никогда прежде. И еще «Сделать жизнь сладостной друг для друга». Среди публики сидел и господин Альберг. Интересно, о чем он думал?

— Она, верно, имеет в виду сделать жизнь дьявольской друг для друга, — пробормотал Сванте, слушавший пение за занавесом.

Подумать только, скоро конец семестра! Как прекрасно будет хоть ненадолго избавиться от школьных занятий и посвятить себя домашним заботам. Майкен уже начала уборку и перевернула с помощью Алиды весь дом вверх дном. Она считает, что никакого ис-

¹ Мери-канто Оскар — капельмейстер Финской оперы (1868—1924); текст Виктора Сунда (1891—1924).

тинно христианского Рождества не может быть, если каждое окно не вымыто, пол в каждой комнате не натерт, а каждый серебряный нож не вычищен так, что в него можно смотреться как в зеркало.

Ха-ха! Всего тебе хорошего! Надеюсь, мы успеем еще разок написать друг другу до Рождества.

Бритт Мари.

22 декабря

Дорогая Кайса!

Возьми один литр молока, две столовые ложки сахарного песка, три столовые ложки маисовой муки и три яйца и сбей все вместе. И как ты думаешь, что из всего этого получится? Согласно поваренной книге, должен получиться маисовый крем, но у меня ничего не вышло. По-моему, получилось нечто более близкое к клейстеру. Во всяком случае, мое семейство отказалось принять это блюдо за десерт, отказались абсолютно все, кроме Йеркера; он всеяден, как поросенок.

Не скрою, это обидно! Приходишь домой после окончания семестра и, засучив рукава, бросаешься в порыве энтузиазма на домашнюю работу. А в результате... клейстер! И еще презрение и поношение со стороны твоих ближайших родственников, особенно Сванте.

— Где ты взяла этот рецепт? — спросил он, попробовав клейстер.

— В поваренной книге, если хочешь знать! — злобно ответила я.

— Хорошо, что ты взяла его оттуда. Лучше бы ему никогда там не быть, — сказал Сванте.

И когда я после этого вызвалась помогать Майкен печь перцовые пряники, он заявил:

— Не рискуй так, Майкен! Посади ее лучше драть медную посуду или пошли носить дрова, а не то она подсластит пряники мышьяком!

— Вот как, ты думаешь, такие «встречи опасаются на твоём пути»? — спросила я. — Будь спок! Я не стану тратить на тебя какой-то там мышьяк. Дешевле будет просто убить тебя.

И я обрушила на него свой прославленный правый свинг¹, который, как я надеялась, хоть ненадолго оглушит его, но ничего подобного... Он только расхохотался. И тогда я подумала: лучше и мне поступить точно так же.

— Прекратите драться, дети, — говорит Майкен.

Она расхаживает вокруг нас, как генерал во время великой битвы, и не успеваем мы и глазом моргнуть, как впрягает нас в работу. Сванте и Йеркер носят дрова, чтобы их хватило на весь праздник, а я пеку перцовые пряники. Монике выделено немного теста, из которого она, причмокивая, лепит чудовищнейшей формы изделия. Алида печет пшеничный и шафрановый хлеб, а также огромное количество мелкого печенья и пряников. Майкен составляет меню к празднику и закупает провизию в таком количестве, что можно подумать, будто она собирается накормить весь уезд. Мама покупает рождественские подарки,

¹ Свинг — удар с помощью широкого размаха руки, применяемый в боксе (англ.).

которые уже назавтра обменивает на другие, а папа читает. С генеральной уборкой покончено, и нам предстоит лишь немного принарядить дом перед Сочельником. Рождественская колбаса готова, прозрачный студень тоже. От мясника нам доставлена домой ветчина. Так что можно начинать праздновать хоть сейчас. Как-то недавно вечером мы сварили рождественские конфеты из патоки, и, по-моему, это самое веселое из всех рождественских приготовлений. Для этого мы все вместе собираемся на кухне, даже папа. В его обязанности входит развлекать нас чтением вслух. Обязанность Моники — путаться у нас под ногами, так что всякий раз, когда она оказывается поблизости от плиты, душа у всех уходит в пятки. Обязанность же Йеркера — пробовать конфеты еще до того, как они остынут. Он регулярно занимается этим каждый год, и каждый раз поднимается один и тот же дикий крик. А еще говорят: «Обжегшись на молоке, дуешь на воду!» Во всяком случае, могу заверить, что это дитя, обжегшись на горячих конфетах, ничуть их не боится и на воду не дует!

Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь сегодня вечером! Я угостила бы тебя кофе, и ты попробовала бы рождественскую выпечку на нашей кухне. Она как раз сейчас так по-домашнему уютна с лоскутными ковриками, с начищенной до блеска медной посудой на полках, с красной клетчатой скатертью на большом столе с откидными краями и с бахромой из шелковой бумаги вокруг печной трубы. Я чувствую себя такой зажиточной и «богатой, как тролль»¹, лицезрея нашу

¹ Шведская поговорка.

кладовую, битком набитую рождественскими припасами, и банки с печеньем, которые вот-вот треснут от избытка!

Подумать только! Всего через два дня наступит Рождество! И только подумать, что можно с таким нетерпением ожидать его каждый год! В тот день, когда я больше не почувствую, что у меня щекочет в животе, при мысли о Рождестве, в тот самый день я пойму: я стала старухой!

Завтра мы со Сванте пойдем покупать рождественские подарки. Разумеется, разумеется, это дурная привычка — так долго откладывать покупку подарков, но что поделаешь, если ты так создан! Майкен приобрела их уже несколько недель назад, но все равно пойдет с нами — помочь Йеркеру и Монике. Так что завтра в поход за подарками выступит довольно внушительный караван. А я некоторым образом даже люблю покупать рождественские подарки в последние минуты перед праздниками, когда магазины готовы взорваться от набившихся в них толп народа. Конечно, приходится ждать вдвое дольше, но зато всегда встречаешь знакомых, с которыми можно поболтать, давая добрые советы — какие рождественские подарки купить. Я всегда бываю так польщена, если кто-нибудь пожелает узнать мое мнение о качестве кальсон и фуфак. Когда покупаешь рождественские подарки, в магазинах должно быть тесно: таково мое мнение, а те, кто думает иначе, пусть покупают подарки сразу же после Дня Святого Михаила, если им это по душе.

Нет, Кайса, этого не может быть! Падает снег. Падает снег. Да, в самом деле падает снег! А я си-

дела тут и писала и ничего не заметила! Когда же я поднимаю глаза и смотрю в окно, то вся рама занесена снегом, который все падает и падает. За два дня до Сочельника это, пожалуй, идеально! Завтра вечером Сванте, Йеркеру и мне предстоит пойти за рождественской елкой к нашему постоянному поставщику в Смедбакке. И тогда, я думаю, мы сможем считать, что все наши обязанности выполнены и останется только отнести елку домой. Представляешь ли ты, как мы идем по узкой лесной тропинке, окаймленной окутанными снегом елями, а вокруг тишина и звезды? Если это не рождественская открытка, то я ничего не смыслю в искусстве Йенни Нюстрём¹!

А теперь, милая Кайса, хочу от всего сердца пожелать тебе настоящего доброго старинного Рождества в мире и радости и всего самого доброго, чего ты только пожелаешь!

Твоя Бритт Мари.

На следующий день после Рождества
Дорогая Кайса!

Не кажется ли тебе, что вся эта шумиха с рождественской елкой, с рождественским угощением и с рождественскими подарками немножко слишком

¹ Нюстрём Йенни — художница (1854–1946), издала и сама проиллюстрировала в 1882 г. первую чисто шведскую книжку для детей, сборник народных стишков «Книга для детской».

разрекламирована? Я в самом деле склонна так думать. Каждый год после Рождества я думаю об этом, когда сижу, бух-бам, тихо, как мышка, переваривая рождественскую еду. Горе тому, кто посмел бы явиться сейчас и предложить мне ломтик колбасы или ветчины. Протестовать, рукоприкладствуя, я, разумеется, не в силах, но всегда могу одарить этого человека надлежащим взглядом, так что ему тут же станет ясно: он поступил опрометчиво. Но не буду неблагодарной. Рождество у меня было дивное, и я не стану этого отрицать даже в минуты пресыщения. Хочешь послушать, как мы праздновали Рождество? Поскольку ты не можешь в данный момент сказать «нет», воспользуюсь твоей беззащитностью и начну.

Когда мы проснулись, да, вот тогда-то и наступило настоящее Рождество. Пока мы спали, мама и Майкен вытащили все причиндалы для Сочельника, употребляемые каждый год: красные подсвечники, соломенных козликов, кошмарного домового из папье-маше, привезенного из папиного родительского дома, рождественских ангелов, голубку, которую подвешивают к люстре, ясли с младенцем Иисусом, короче говоря, все, что я помню со времен Сочельников моего раннего детства. Монику все это совершенно свело с ума, особенно ясли с младенцем Иисусом.

— Милый, милый маленький Йисус, — сказала она, захлопав в ладошки.

Мы облачились как можно быстрее, лучше сказать, впрыгнули в нашу одежду. Алида разожгла огонь в гостинной, и мы, как всегда утром рождест-

венского дня, пили там кофе из медного кофейника, которым пользуются лишь раз в году на Рождество. На круглом столе стояла разнообразная выпечка: перцовые пряники, мелкое печенье на коньяке, миндальные ракушки, кренделя, посыпанные сахаром, и шафрановые булочки такой формы, которая повторяется из года в год. Однажды Алида пустила в ход новую форму, но к этим булочкам отнеслись с глубоким недоверием, так что уже много лет она их не печет.

Между тем успело взойти солнце, и, когда в окно гостиной мы выглянули в сад, Сванте сказал:

— Вранье! Этого не может быть!

И в самом деле, невозможно было поверить, что это правда, что Сочельник может быть так прекрасен. Мне кажется, что в такие дни чаще бывает беснежная, черная зима или талый снег.

В полдень мы всегда ходим на кладбище, где похоронены папины родители, наши бабушка и дедушка. Там, наверху, среди всех этих старых могил было так тихо, так чисто и бело, так мирно! Я почти уверена, теперь я знаю смысл выражения: «Мир, который выше всякого понимания».

Когда вы наряжаете елку? Мы никогда не наряжаем нашу в Сочельник раньше полудня, и это было первым, что мы сделали, вернувшись домой. Мы повесили на елку наши всегдашние рождественские украшения, среди которых самые главные драгоценности — стеклянная трясогузка, которая висела на елке, еще когда мама была маленькой, и несколько ангелов из ваты, выдавших значительно лучшие дни и наверняка созревших для получения

медали Pro Patrias¹ — за долгосрочную и верную службу.

Я охотно рассказала бы тебе о том, как мы ели рождественский обед в кухне за столом с откидными краями и макали хлеб в котелок у плиты, а вечером ели вяленую треску, и кашу, и ветчину. Но ты, пожалуй, достаточно умна, чтобы самой вычислить все это, а я, к сожалению, не в таком состоянии, чтобы вообще восторгаться нашим рождественским угощением. Я могу только торжественно и свято заверить тебя, что мы и вправду ели без конца и вправду глупейшим образом рифмовали стихи, посвященные каше. Что ты, например, скажешь об этом стишке, который высидел Сванте и сам считает его выдающимся литературным творением:

Гораздо больше молока
люблю я эту кашу,
что сварила в кашнике
красавица служанка.

«Красавица служанка» — это Алида, и вид у нее был такой, будто она не знает, как ей воспринимать эту хвалебную эпическую песнь. В конце концов она решила считать себя польщенной, и мы завершили трапезу в наилучшем расположении духа.

Так мало-помалу, к великому удивлению Йеркера, настал вечер. Братец все время сомневался, что это произойдет.

Мы помогли вымыть посуду, а потом собрались в гостиную. Мы зажгли все свечи на елке, на круглом

¹ «За Родину» (лат.).

столе и на краю вытяжного колпака над очагом. Мама села за пианино, а мы встали вокруг нее. И запели, о, как мы пели, и как весело было петь все эти старинные рождественские песни! Затем на некоторое время настала тишина, и папа открыл Библию. Не думаю, что захочу пережить тот Сочельник, когда не услышу, как папа читает рождественское Евангелие. Оглядываясь назад, на все Сочельники моего детства (теперь, верно, я уже больше не ребенок?), я прежде всего вспоминаю это, вспоминаю гораздо чаще, чем все рождественские подарки, никогда не казавшиеся мне такими чудесными, как чтение папы:

— «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле»¹.

Блаженная дрожь охватывает меня всякий раз, когда я слышу это вступление. Не знаю ни единого поэтического произведения, которое было бы прекраснее и совершеннее, чем рождественское Евангелие.

— «В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего»².

Кайса, когда ты слышишь эти слова, не чувствуешь ли ты себя перенесенной в маленькую страну Иудейскую на несколько тысячелетий назад? Мне кажется, в них заключена вся мистика Востока!

Затем Майкен и я спели дуэтом «Сияние над морем и берегами» и «Мерцай, мерцай, звезда ясная...». Как обычно, Алида плакала так, что только брызги летели, это ее всегдашнее занятие.

¹ Новый Завет. От Луки, 2, 1.

² Новый Завет. От Луки, 2, 8.

— Если бы ангелы пели, и то не могло бы быть красивее, — вздыхала она.

Не кажется ли тебе, Кайса, что в ее суждении есть некоторое преувеличение?

Еще не успели высохнуть слезы Алиды, как в дверь постучали, и Моника от напряженного ожидания намочила брючки.

Вошел Сванте, удачно загримированный Рождественским Домовым.

— Есть тут послушные дети? — задал он совершенно традиционный вопрос.

— Да, я, — дрожащим голосом ответила Моника. — А Йелкел иногда бывает ужасно глупым, — добавила эта маленькая мартышка.

— Сомневаюсь, что это возможно с такой-то младшей сестренкой, — сказал Домовой. — Вот тебе подарок!

Однако все мы, хорошие мы дети или плохие, получили рождественские подарки. Вот что получила я: серые лыжные брюки — специальную модель для слалома, красный шерстяной свитер, связанный Майкен, четыре книги, а именно: «Шведы и их вожди»¹, «Сага о Йёсте Берлинге»², «Дядюшка Длинные Ноги»³ и антологию шведской художественной литера-

¹ Историческое произведение (1905–1910) Вернера фон Хейденстама, написанное для школьников.

² Замечательный лирический роман (1891) прославленной шведской писательницы, члена Шведской академии (1914), лауреата Нобелевской премии (1909) Сельмы Лагерлёф (1858–1940).

³ Знаменитая детская книжка (1913) американской писательницы Джин Уэбстер (1876–1916).

туры. Еще я получила портмоне из мягкой коричневой кожи, домашней вязки варежки, гарнитур нижнего белья, бумагу для писем, ну и, в общем, все. Да, правда, я получила от Моники марципанового поросенка и хорошенький маленький флакончик духов от Йеркера. Мне кажется, содержимое флакончика может одурманить весь город, так жутко это пахнет, и я сказала Йеркеру, что решусь подушиться из этого флакончика, только когда нужно будет быть особо изысканной. Но он настоял, чтобы я немедленно капнула немного на себя по случаю Сочельника. И у меня не хватило духу отказать мальчику.

— Прекрасно, — изрек Сванте, — потому что, если в рождественские дни тебя угораздит заблудиться и объявят розыск, мы тотчас же найдем тебя по этому запаху.

Потом мы танцевали вокруг елки, чтобы Моника стала точь-в-точь такой блаженно счастливой, как и должно быть в ее возрасте в Сочельник. И она сделала несколько слабых попыток впихнуть в нас немного орехов и миндаля, но как будто ничего не получилось. Мама сказала, что Моника может не ложиться спать, пока не захочет. В половине девятого она уселась в уголок и стала играть со своей новой куклой. Она была похожа на маленького сонного херувима. И мы слышали, как она тихонько говорит самой себе:

— Я бы хотела лець спать, но мне не лазлешат.

Однако ей разрешили. И вообще мы все рано легли спать с мыслью о рождественской заутрене.

Интересно, как это — идти к рождественской заутрене в соответствующем настроении в Стокгольме?

По крайней мере не так, как у нас, я в этом уверена. Лучше всего, разумеется, идти к рождественской заутрене по настоящей земле, а еще лучше ехать в саних при свете факелов. Но прокладывать себе путь по свежевывавшему снегу на наших узких улочках и видеть повсюду в окнах свет, а потом пытаться протиснуться в битком набитую церковь и слышать, как гремит под сводами «Приветствую вас!» — ведь это тоже связано с рождественской заутреней.

После службы я обычно иду к Аннастине и пью кофе. Так было и вчера.

К обеду у нас гости, множество незнакомых людей. Мама феноменально умеет отыскивать людей, о которых надо так или иначе позаботиться. Если на расстоянии мили во всей округе есть какой-то несчастный, или больной, или одинокий человек, бух, мама наверняка явится с ним, как на крыльях, к нам домой! И на Рождество дом у нас всегда полон гостей. Прежде всего — Тетушка Зеленая, Тетушка Коричневая и Тетушка Лиловая¹. Разумеется, их зовут иначе, но в детстве я была абсолютно уверена, что это они героини книжки Эльсе Бесков. Во всяком случае, это три очень милые старые девы, даже если учесть, что темы их бесед касаются исключительно болезней и семейных новостей. Им известны симптомы всех болезней, какие только существуют на свете. Через некоторое время после того, как они начинают болтать, я абсолютно уверена в том, что у меня пять

¹ Так зовут героинь одноименной сказочной книжки-картинки Эльсе Бесков «Тетушка Зеленая, Тетушка Коричневая и Тетушка Лиловая» (1918).

или шесть заболеваний, из которых по крайней мере два — смертельные.

Я в самом деле сижу и горюю оттого, что вынуждена буду покинуть этот мир в столь юные годы. А если тебя вдруг в самом деле угораздило заболеть, а они пришли в гости, то их морщинистые лица прорезают глубокие горестные складки, и они печально качают головами. Никакого легкомысленного оптимизма! Помню один случай, когда Йеркер серьезно заболел ангиной.

— Я всегда говорила, что этот мальчик слишком хорош для нашего мира, — плача, заявила, едва войдя в дом, Тетушка Лиловая.

И мама, которую так легко взволновать, чуть не упала в обморок. Но тут вспыхнула Майкен:

— Нечего болтать вздор! Ребенок получит столовую ложку касторки, и утром температура у него спадет!

Сегодня в полдень я каталась на лыжах с Бертилем. Он получил в подарок на Рождество пару новых, действительно прекрасных лыж и, мне кажется, хотел их продемонстрировать. Мы доехали до Шерсхульты. Есть ли на свете что-нибудь лучше, чем бежать по лесу на лыжах? Да еще с Бертилем?!

Когда мы расставались, он мимоходом сунул мне в руки рождественский подарок. Это был сборник стихотворений «Голос Севера», который ты, возможно, знаешь. Я давно мечтала о нем, так что можешь представить себе, как я обрадовалась. Но в то же время и огорчилась, потому что ведь сама я, дура такая, не подумала о рождественском подарке для него.

Сняв лыжи, я почувствовала себя так дивно — насквозь проветренной, и выносливой, и полной сил. Но неужели ты думаешь, что ветчина, и студень, и колбаса, и вся прочая снедь не стояли снова на столе, когда я вошла в дом?! Так что вскоре я снова оказалась в состоянии объевшегося удава-боя. Но завтра проведу день на поджаренном хлебе и чае. Так я полагаю!

Да, представь себе, вчера в самый разгар Сочельника я получила письмо от Марианн, в котором она просила приехать к ней в гости. В конверте лежала отдельная записка от ее мамы к моей с вопросом: «Не пожелает ли Ваша дочь Бритт Мари доставить нам радость быть на неделю гостьей Марианн?»

Боже мой, конечно же, Бритт Мари доставит им эту радость! Я чувствую, что на меня прямо-таки появился спрос. Мы с Марианн, по-видимому, всерьез становимся друзьями. Аннастина уезжает сегодня вечером к бабушке в Далекарлию¹, а Бертиль со своей семьей тоже на некоторое время исчезает из города, так что, собственно говоря, и для меня нет никаких причин оставаться здесь. Почему бы и мне не расправить крылья для полета?

— Поезжай! — в высшей степени любезно говорит Сванте. — Мы попытаемся как-нибудь справиться и без тебя. Но нам придется трудно, ведь ты перестанешь готовить нам еду.

Он еще не забыл маисовый крем.

¹ Далекарлия — одна из исторических областей Швеции.

Поэтому вполне вероятно, что в следующий раз я напишу тебе из усадьбы горнозаводчика в Снеттринге.

Но сначала ты должна рассказать мне, как провела Сочельник.

Пока! Всего доброго!

Бритт Мари.

Снеттринге, новогодний вечер

Дорогая Кайса!

Счастливого Нового года! Пусть будет хотя бы такой же, как старый, если не лучше!

Интересно, как это — чувствовать себя последним днем года? По всей вероятности, 31 декабря ощущает, что занимает чрезвычайно важную позицию в календаре. Но, собственно говоря, это подло и несправедливо! Например, 13 октября никогда не будет ничем иным, кроме как обычным рабочим днем — из года в год. Иногда, правда, он плюет на все это и становится воскресеньем. Меж тем как другие, наоборот, упрямятся, стремясь навсегда остаться днем летнего солнцестояния¹, или Сочельником, или Первым мая, или Новым годом, то есть такими праздничными днями, о которых все мечтают и радуются. А весельчак, что зовется Первым апреля! Подумать только! Я абсолютно уверена, что день 9 февраля преисполнен комплексов — чувства собственной неполноценности и жуткой зависти к 30 апреля, которое навсегда

¹ Конец июня.

останется вечером Святой Вальборг¹. Разве не так? А вообще-то, разве с людьми происходит не то же самое? Каждый олицетворяет какой-то день. Некоторые люди никогда не становятся ничем, кроме 13 октября. Как они переносят все это, бедняги! Моя мама — абсолютный вечер дня летнего солнцестояния, я в этом уверена. А Майкен — преисполненный покоя содержательный июльский день. Интересно, какой день олицетворяю я? Быть может, какую-нибудь небольшую честную дату, какой-нибудь денек в конце марта, с легким уклоном к дню розыгрышей, 1 апреля!

Уж не думаешь ли ты, что у меня — воспаление мозга, недоумевая, почему я пишу обо всем этом? Я думаю, не иначе, меня вдохновил славный новенький календарь, купленный в книжном магазине в Снеттринге. Сейчас он как раз раскрыт предо мной на столе, а на меня при виде календарей всегда находит желание пофилософствовать. Не кажется ли тебе странным, что ты знаешь дату своего рождения, но не дату смерти? Во всяком случае, каждый год приходится миновать именно тот день, который однажды будет стоять на твоей могильной плите с маленьким крестом перед датой. Мне кажется, именно в этот день должно чувствовать нечто особенное, своего рода тишину в душе, чувство какой-то грусти и невозвратимости. А если когда-нибудь в будущем случится выйти замуж, то ведь тоже должна быть дата, что станет днем твоей свадьбы. А ведь ужасно даже подумать: вдруг именно в этот день назначат контрольную по математике.

¹ Канун 1 мая, дня Святой Вальборг.

Нет, лучше мне кончить письмо, пока ты не впала в панику! Но скажу тебе, мне так жаль день 13 октября, что, если он не упустит шанс и будет вести себя порядочно, он станет днем моей свадьбы.

Ну, как, по-твоему, мне живется в Снеттринге? Ты, ясное дело, думаешь, что я сплю в ящике комода и каждый день ем картошку с селедкой? Ничего подобного! Как тебе могла прийти в голову такая идиотская мысль? А правда заключается в том, что живу я точь-в-точь как голливудская кинозвезда. Разве что ем гораздо больше. У меня восхитительная комната для гостей — только для меня одной. Никакой возни с раскладушками, которые таскают взад-вперед из одной комнаты в другую, когда появляются чужие, здесь в доме нет. Ну уж нет, увольте! Ничего тут не поделаешь! Я сплю на кровати с белым тюлевым пологом, а на животе у меня шелковое розовое одеяло. Каждый день в девять часов утра в комнату входит маленькое хорошенькое существо, которое зовется «горничная», и подает мне прелестный поднос с чаем в постель. Если что-либо из сервировки меня не устроит, я должна лишь позвонить в колокольчик у кровати и облаять бедную горничную (я этого еще не делала, но считаю, что именно для этого колокольчик и предназначен). Во время ленча на столе множество закусок и бутербродов, а также горячих блюд, на обед подают три блюда. Вчера, хотя был обычный будний день, мы ели телячье филе со спаржей.

Когда у нас дома Алида всплывает, запыхавшись, с едой, то это сопровождается приветливой улыбкой и часто приятной беседой. Горничная, которая подает на стол здесь, выглядит так, будто она не от мира

сего. Она явно пребывает в состоянии какого-то транса и серьезна, как покойница. Заподозрить, что в ней шевелятся какие-либо человеческие чувства, было бы жестоким оскорблением.

Да и стол, как у нас, здесь не поднимают. Во время первого обеда, на котором я присутствовала, я внезапно поймала себя на мысли о том, что надо предложить немного приподнять стол, а вместе с ним и настроение. И одна мысль об этом так рассмешила меня, что пришлось подумать об алгебре, чтобы остаться серьезной.

Марианн так обслуживают, что нечего и удивляться, если она не может сама почистить туфли! Когда я вышла из поезда на станции близ Снеттринге со своей потертой дорожной сумкой в руках, Марианн, конечно, уже стояла на перроне и встречала меня. Кроме того, ко мне подскочил шофер в темно-синей ливрее и быстрее, чем я успеваю написать эти слова, освободил меня от дорожной сумки и, беспрестанно кланяясь, помог нам сесть в машину.

А когда позже мы покатали по великолепной липовой аллее и подъехали к величественной господской усадьбе, то я, сидя в «карете», задавала себе вопрос: в конце концов, уж не принцесса ли я, что инкогнито разъезжает по здешней округе. Но один лишь взгляд на мою дорожную сумку вернул меня к действительности. Такой изношенной сумки ни у одной принцессы не бывает, даже если она разъезжает инкогнито.

Столько же поклонов, не меньше, понадобилось, чтобы извлечь нас из автомобиля, а затем почтенный шофер поднял сумку наверх в мою комнату, куда вошла вышеупомянутая горничная и спросила:

— Вы разрешите мне, фрёкен Хагстрём, помочь вам распаковать сумку?

— Это еще что! Зачем? — с идиотским видом спросила я.

Нет уж, мои немногие вещи я и сама могу вытащить из сумки.

Вероятно, она подумала, что я вовсе не какая-нибудь знатная гостья, но меня это совершенно не тронуло. Джемпер, юбку, платье и еще кое-что я наверняка смогу развесить в шкафу сама, и это вовсе не высосет из меня все соки, и никто не заставит меня изменить мое решение.

Однако не стану, разумеется, отрицать, что некоторое время приятно вести такое шикарное существование. Не приносить ни малейшей пользы с утра до вечера, а лишь позволять обихаживать себя рабам и рабыням! Хотя мне кажется, будь я рабыней в этом доме, в одно прекрасное утро я, утратив разум, ринулась бы на господ со знаменем мятежа и запела бы «Интернационал»! Не пойми это так, что фру Удден каким-то образом мучает своих верных слуг! Ни в коем случае! Она неизменно учтива и любезна с ними. Да и как может быть иначе, когда в наше время так трудно с прислугой. Все дело в том, что она наверняка не считает их людьми, созданными по тому же образу и подобию, что и она сама, с теми же самыми горестями и радостями. Кто знает, может, горничная, которая накрывает на стол с таким застывшим лицом, ходит по дому, горюя об утраченной любви, или тревожась о своей старой больной матери, или о чем-нибудь другом, мне неизвестном. Может, она нуждается в море человеческого тепла и понимания, а получает лишь распоряжения:

— Лиса, будьте столь добры подать кофе в гостиную!

Или:

— Повесьте смокинг господина управляющего и почистите его!

Я все время думаю о словах папы: «Будь чело-вечна со своими ближними, кто бы они ни были — графы или развозчики пива, и там, где ты идешь, вырастут розы!»

Если ты не считаешь меня подлой девицей, кото-рая критикует своих гостеприимных хозяев, я скажу тебе: в здешнем доме с розами — некоторая напря-женка. Здесь так нарядно, так удобно и так благо-устроено во всех отношениях... и все-таки я сижу и думаю: «Чего здесь, собственно говоря, не хвата-ет?» Пожалуй, дело в самой атмосфере, не похожей на ту, к какой я привыкла у себя дома.

Когда мы сидим здесь вокруг обеденного стола — тетя Эллен (так я теперь называю маму подруги), красивая, великолепно одетая, но абсолютно безли-кая, дядя Эрик, чуточку рассеянный и задерганный, Марианн, немного взвинченная и нервная, и я сама, которая смертельно презрительно, демонстрируя свою «привычку» к светской жизни, болтает о том о сем, я все время думаю:

«Боже мой, какое счастье, что у нас дома не так! Даже если нам приходится самим чистить башмаки и есть телячье филе лишь в праздники».

Вчера вечером, когда я уже засыпала, ко мне в комнату вошла Марианн и присела на край кровати. Должна сказать, она была достойным украшением

этой кровати — в розовом пеньюаре и с огромными карими глазами. Сначала мы поболтали немного о том о сем, а потом мало-помалу начали говорить серьезно. Неправда, что девочки всегда болтают только о платьях и о том, «что он сказал». Внезапно Марианн почему-то зарыдала. Она плакала так безутешно, что я не знала, как ее успокоить. Я не могла выжать из нее, из-за чего она плачет, но между всхлипываниями она выдавила сквозь зубы:

— Нам нужно подружиться — ты такая сильная, я хотела бы быть похожей на тебя!

Неужели кому-то хочется быть похожей на меня? Для меня это загадка, и я высказала ей свое удивление. Вообще-то я чувствовала себя совершенно беспомощной и лишь неловко похлопывала ее по плечу, как старая тетушка. И думала про себя, что она, вероятно, и есть та самая «poor little rich girl»¹.

Как бы там ни было, я очень хочу быть другом Марианн. Если я и говорила о ней прежде что-то унижительное, ты должна обещать мне забыть об этом. А лучше всего, если ты забудешь все написанное мной о семействе Удден; я и сама не думаю, что это признак истинного благородства — критиковать людей, у которых гостишь. Но никто, кроме тебя, не должен это слышать.

Марианн и я целыми днями бегаем на лыжах и на коньках. До сих пор было довольно холодно, но сегодня вечером, по-моему, начнется потепление, потому что телефонные провода под моим окном поют так, словно оттаивают. Этот звук всегда навевает на

¹ Бедная маленькая богатая девочка (англ.).

меня меланхолию. От него веет таким одиночеством и заброшенностью, что я, кажется, начинаю тосковать по дому и маме.

Ну а здесь сегодня вечером ожидается званый обед с танцами и ночным новогодним бдением. Марианн и мне тоже разрешено присутствовать, хотя нам только по пятнадцать лет. Я надену темно-синее плиссированное платье, ну, ты знаешь какое, а Марианн — шелковое матово-золотистое, о каком можно только мечтать.

Сейчас я побегу на почту с этим письмом, а потом назад переодеваться. Надеюсь, ты вспомнишь обо мне, когда часы пробьют двенадцать. Я тоже буду думать о тебе и посылать тебе привет через леса, моря, горы и долины от

Бритт Мари.

29 января

Ты жива еще, дорогая старушка Кайса? Довольно много времени прошло с тех пор, как я писала тебе в последний раз. Но видишь ли, я выздоравливала после тяжелой злостной ангины с того самого момента, как вернулась домой от Марианн, и благодаря этому избежала вчера начала учебы в школе.

Я, пожалуй, могла бы все-таки попытаться написать раньше, но чувствовала такую усталость, что едва могла приподнять веки.

Самое лучшее, когда уезжаешь, — возвращаться домой. Мне не оказали бы более теплого приема, вернись я обратно после двадцатипятилетнего пребывания в Америке. И это благотворно повлияло на мое алчу-

щее любви сердце. Папа погладил меня по голове, мама обняла, а Майкен сказала: «Слава Богу, ты снова дома!» Йеркер и Моника состязались между собой, кто будет сидеть рядом со мной, и даже Сванте, когда мы встретились, показался мне приободrivшимся. Хотя и высказался, разумеется, довольно ядовито:

— Смотрите, вот она, наша героиня! А у нас — никакого оркестра роговой музыки, чтобы достойно встретить ее, это просто ужасно!

Чтобы ты поняла его высказывание, необходимо рассказать о событии, которое произошло незадолго до того, как я покинула Снеттринге. Останови меня, если покажется, что я хвастаюсь!

В первый и, надеюсь, в последний раз мне представился случай проявить себя спасительницей. В мечтах я проделывала это бесчисленное множество раз. Я врывалась в горящие дома и с опасностью для собственной жизни спасала старых безумно богатых тетьек, которые позднее отписывали мне все свое состояние. Я прыгала в море с высокого скалистого уступа и спасала тонущих малышей, меж тем как толпы народа на берегу, затаив дыхание от ужаса и молясь, отходили в сторону, когда я после этого, промокшая до нитки, гордо и одиноко удалялась прочь, не требуя даже слова благодарности. Я жертвовала своей жизнью ради колонии прокаженных на острове в Тихом океане и, подобно Флоренс Найтингейл¹, брела по

¹ Найтингейл Флоренс (1820—1910) — медицинская сестра из Англии. Организовала отряд санитарок и руководила им во время Крымской войны 1853—1856 гг. Международным Комитетом Красного Креста учреждена медаль имени Флоренс Найтингейл (1912).

полю битвы под ужасающим градом пуль только ради того, чтобы подать глоток воды умирающему солдату. Всех моих подвигов во имя спасения жизни просто не перечислить. Разумеется, воображаемых подвигов. Но на этот раз для разнообразия я совершила один из них в действительности. Причем абсолютно мимоходом.

А именно... Случилось так, что мы с Марианн катались на коньках на маленьком озерце, прилегающем к их поместью. Оно оттаивало много дней подряд, и кто-то вскрыл лед. Затем однажды ночью озеро замерзло, но сама понимаешь, что как раз прорубь была затянута довольно тонким льдом. Она была отмечена вехами. Но можешь себе представить, что Марианн все-таки непременно нужно было показать туда! И угодить в прорубь! Она звала на помощь и кричала, как резаный поросенок. О спасении утопающих приходилось читать немало, и было ясно, что надо делать. Выскочив на берег, я схватилась за багор, съехала к проруби, легла на живот и подвинула багор прямо к Марианн. Все произошло так быстро, я даже удивиться не успела! Естественно, лед треснул и подо мной, так что я попала в воду, но мне удалось подползти к самому краю проруби и подняться. Вскоре я вытащила из проруби и Марианн.

И вот тут-то начался настоящий спектакль. Народ набежал со всех сторон. Тетя Эллен с совершенно побелевшим лицом сначала без конца целовала и обнимала Марианн, а потом меня, говоря, что я спасла жизнь ее единственному ребенку. Вообще началось такое страшное светопреставление и вокруг меня подняли такой шум, что я и вправду смутилась.

И еще скажу тебе: когда ты сам видишь, как незначителен поступок, который ты совершил, то стать объектом всеобщего внимания не очень-то весело. Тетя Эллен поспешно позвонила ко мне домой в Смотад и возвестила о моем подвиге, а когда пришла вечером местная газета, то там большими буквами было написано:

РЕШИТЕЛЬНАЯ ЮНАЯ ЛЕДИ СПАСАЕТ ПОДРУГУ ИЗ ПРОРУБИ!

Нас уложили в постель, напоили теплым молоком и целебным настоем, и мы не вставали до самого обеда, во время которого дядя Эрик произнес речь в мою честь. А на следующий день я уехала домой. И несмотря на теплое молоко, свалилась с ангиной. Тетя Эллен все время посылала мне большие коробки конфет, и книги, и цветы, чтобы подсластить мое существование, а Марианн присылала наитрогательнейшие письма. Многие приходили к нам, только чтобы поприветствовать меня, и все они превозносили меня до небес за то, что я вытащила девчонку из проруби. В конце концов я сама почти поверила в то, что свершила нечто примечательное. Откровенно говоря, мне хотелось быть в центре внимания, и, едва речь заходила о спасении жизни и о медалях Карнеги¹, я начинала мяукать, как кошка.

Но однажды вечером, когда я в первый раз встала с постели и, шатаясь, побрела в кабинет к папе, чтобы

¹ Медаль Карнеги учреждена в Англии еще до Второй мировой войны. Присуждается ежегодно автору выдающейся детской книги.

немного побеседовать с ним, я застала его за чтением книги Эпиктета «Справочник по Искусству Жизни»¹.

— Вот послушай-ка, Бритт Мари, — сказал он и начал читать: — «Если тебе случится когда-нибудь оглянуться в окружающем тебя мире, дабы посмотреть, возбуждаешь ли ты чье-либо восхищение, знай, ты утратил все, что выиграл доныне. Довольствуйся тем, что ты — философ. Если тебя, кроме того, почитают таковым, почитай себя таковым и сам, и пусть этого будет тебе достаточно!» О тебе следовало бы сказать почти то же самое! — произнес папа. — Довольствуйся тем, что ты — выдающаяся спасительница жизни. Если ты к тому же хочешь, чтобы тебя почитали таковой, то почитай себя таковой сама, и пусть тебе будет этого достаточно.

Я чувствовала, что меня видят насквозь, и, если бы папа крепко и ласково не обхватил в тот же миг мой затылок, я бы кинулась бежать из кабинета, чтобы мирно предаться стыду наедине с собой. Но тут папа начал рассказывать об Эпиктете, философе, который был рабом у фаворитов императора Нерона. Хозяин же Эпиктета, будучи в то время еще ребенком, развлекался, подвергая пыткам своего маленького раба и вбивая заостренные деревянные клинья в его ногу. Тогда Эпиктет тихо и спокойно сказал:

¹ Возможно, это шведское название книги «Беседы Эпиктета», написанной римским философом-стоиком Эпиктетом (ок. 50 — ок. 140 гг.). Эпиктет был рабом, позднее вольноотпущенником, а книга его содержала моральную проповедь. Центральная тема учения Эпиктета — внутренняя свобода человека — освещена его учеником, древнегреческим историком и писателем Флавием Аррианом (между 95 — 175 гг.).

— Нога вот-вот сломается.

Спустя мгновение нога сломалась, и Эпиктет по-прежнему совершенно спокойно произнес:

— Ну, что я говорил?

Я твердо решила стать таким же стойком, как Эпиктет, да, я тоже! Посмотрю, что из этого выйдет! Но если кто-нибудь начнет вбивать клин мне в ногу, то, думаю, я закричу.

С папой, во всяком случае, все как-то странно. Он такой рассеянный и все на свете забывает, но когда дело идет о его собственных детях и учениках гимназии, то ушки у него на макушке. Он наблюдает за нами, когда мы меньше всего подозреваем это, и, если видит нечто, не вызывающее одобрения, всегда находит какой-нибудь способ дать это понять.

Так что я больше уже не выдающаяся спасительница. Но все равно я обрадовалась, получив открытку от Бертиля в самый разгар ужаснейшей лихорадки и беспамятства. Потому что там было написано: «You are a good sport»¹.

Надеюсь, даже Эпиктет не смог бы ничего возразить против этого.

Твой друг Бритт Мари.

10 февраля

Дорогая Кайса!

Чувствую, ты ведешь разгульный образ жизни и много дней в неделю бегаешь по театрам. Мне,

¹ «Ты — молодчина» (англ.).

вероятно, следовало бы преподать тебе небольшую мораль, подчеркнуть необходимость заниматься уроками, заботиться о своем здоровье и все такое прочее. Но предполагаю, что у тебя найдется какая-нибудь старая тетушка, которая сможет вмешаться в твои дела, если ты почувствуешь необходимость в мудром поучении. Так что я отступаюсь. Вообще-то я, вероятно, не создана, чтобы поучать других, потому как воистину всю эту неделю сама кружилась в вихре удовольствий, да, и я тоже. В моем карманном дневничке есть записи о посещении кино вместе с Бертилем и двух пиршеств — кофепитиях у одноклассников, а также в первую очередь — о мамин день рождения. И то, что дом наш еще не обрушился, — просто чудо! Хочу сказать: мамин день рождения мы празднуем, быть может, еще интенсивнее, чем любое другое торжество в году. А мы вообще-то не из тех, кто упускает случай что-либо по праздновать.

Папа отрепетировал хвалебный гимн, преподнесенный маме под аккомпанемент губной гармоники ранним утром вместе с подарками на подносе. Вообще-то папа выглядел чрезвычайно мило в своей длинной белой ночной сорочке, хотя, желая обставить все как нельзя более торжественно, он надел высокий цилиндр.

О длительных восхвалениях не могло быть и речи, поскольку бóльшая часть семьи торопилась в школу. Зато мы гораздо более основательно проделали все вечером. Программа в мамин день рождения у нас каждый год разная. В этом году был костюмированный бал. Правда, называть это балом, возмож-

но, слишком претенциозно, но танцевать мы танцевали, да и вырядились тоже.

Мама задолго до дня рождения отказалась от того, чтобы мы все вместе изображали какие-то исторические персонажи либо героев какой-нибудь книги. Несмотря на глубокие размышления и многочасовые дискуссии с Майкен, так и осталось неясно, какая роль мне больше подходит — колдуньи Помперипоссы¹ или императрицы Клеопатры. Мне очень хотелось быть Клеопатрой, но Сванте сказал, что в таком случае есть непременно условие: два солидных ужа должны висеть у меня на шее. Лучше бы, понятно, если бы это были ядовитые змеи, но в случае необходимости и ужи сойдут. Кем будет он, Сванте и сам не знал, и я предложила ему выступить в роли Винни-Пуха:

— Медвежонок с опилками в голове — ты ведь словно создан для этой роли!

После этих слов мне пришлось довольно поспешно присесть на корточки, потому что толстый том немецкой грамматики Юрта просвистел в воздухе.

Целую неделю перед маминым днем рождения мы каждую свободную минуту посвящали нашим костюмам. Условие было такое: все, разумеется кроме Моники, должны соорудить их самостоятельно, без всякой посторонней помощи. У нас на чердаке есть большой сундук, битком набитый старинной одеждой. И всякий раз, когда ты поднимался туда, чтобы раздобыть для себя какую-нибудь тряпицу, в сундуке вечно и обязательно кто-то рылся.

¹ См. примеч., с. 71.

Чем ближе был мамин день рождения, тем таинственней мы становились, и, когда после праздничного обеда мы вернулись в наши комнаты, от напряжения и ожидания дрожал воздух. Существовала договоренность, что в восемь часов вечера Алида ударит в гонг. Тогда все должны быть готовы выступить во всем своем блеске и великолепии.

Я сильно нервничала и едва-едва смогла влезть в бархатные брюки. Взвесив все «за» и «против», я после зрелого размышления приняла решение стать маленьким лордом Фаунтлероем¹ и по этому случаю все послеполуденное время расхаживала с папильотками в волосах. Брюки я сама сварганила из старого черного бархатного платья, правда, Алида помогала мне их примерить. К брюкам у меня была белая шелковая блуза с кружевным воротником и манжетами. И когда я сняла с головы папильотки и уложила волосы красивыми локонами в виде штопоров, я сама осталась чрезвычайно довольна результатом своих трудов.

В восемь часов вечера Алида ударила в гонг, да так, что можно было подумать, будто настал Рагнарёк². И тут же на лестнице послышались слабые шаги, а спустя мгновение громкий воинственный клич индейца прорезал тишину. То был Ситтинг Булл³, издававший воинственный клич своего племени. Йер-

¹ Герой одноименной повести (1886) популярной американской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт (1849–1924).

² Рагнарёк — в скандинавской мифологии — «сумерки богов», гибель богов.

³ Сидящий Бык (англ.) (1831–1890) — знаменитый вождь племени сиу. Сиу — группа индейских племен, живущих в резервациях США и Канады.

кер очень просто решил проблему маскарадного костюма, облачившись лишь в одежду индейца и разрисовав физиономию красной, цвета содранной кожи, краской. Одновременно из комнаты Майкен мелкими шажками вышла малютка Красная Шапочка.

То была Моника с солнечным лучезарным взглядом. На руке она несла корзинку. Папа с помощью пары простыней превратился в Сократа¹. Мама предложила ему рюмочку домашнего вишневого ликера, чтобы он не замерз. Но папа не любит ликер и, отвергая его, заявил:

— Надеюсь, ты не имела в виду, чтобы я мгновенно осушил чашу с ядом!

Сванте как раз недавно прочитал книгу о докторе Джекиле и мистере Хайде², и вот, когда мерзкий плод этого чтения объявился в дверях гостиной, малютка Красная Шапочка от ужаса заорала как безумная. С помощью черного развевающегося плаща, цилиндра, липкого пластыря и какого-то весьма своеобразного клыка, торчавшего у него прямо изо рта, Сванте изобразил мистера Хайда столь достоверно, что я решительно отказалась признать его своим братом. Сам же Сванте считал, что его костюм чрезвычайно практичен.

— Когда будем есть мороженое, я только вытащу клык изо рта и снова превращусь на некоторое время в доктора Джекила.

¹ Сократ (470/469—369 до н.э.) — мудрый греческий философ, которому его жена Ксантиппа, согласно преданию, поднесла чашу с ядом, когда он был приговорен к смерти.

² Психологический роман знаменитого английского писателя и поэта Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894) «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886).

Я умоляла его быть доктором Джекилом весь вечер, хотя бы ради Красной Шапочки, но он не захотел.

Папа заявил, что вообще-то долг мамы состоял в том, чтобы переодеться Ксантиппой. Она же этого не сделала. Она напялила на себя старинное платье восьмидесятых годов прошлого века, принадлежавшее некогда бабушке, и уверяла, что изображает Нору из пьесы Ибсена¹ «Кукольный дом». Но если нам больше хочется, чтобы она была Кристиной Нильссон² или королевой Софией³, то пожалуйста, она может быть также и ими...

Майкен знала, что делала, отложив свое появление до того момента, пока все не соберутся. Только мы задались вопросом, где она, собственно говоря, пребывает, как Алида, сунув голову в дверь, доложила:

— Ее величество королева Мария-Антуанетта Французская⁴!

Мгновение — и в дверном проеме уже стояла Майкен, а мы от удивления и восхищения подняли дикий шум!

¹ Хенрик Ибсен (1828—1906) — крупнейший норвежский драматург. Его пьеса «Кукольный дом» («Нора», 1879) наряду с другими его драмами оказала большое влияние на развитие мировой драматургии и театр.

² Нильссон Кристина (1843—1921) — известная шведская певица.

³ Королева София (1836—1913) — жена короля Оскара II (1829—1907), правившего Швецией с 1872 по 1907 г. и Норвегией в 1872—1905 гг.

⁴ Мария-Антуанетта (1755—1793) — жена французского короля Людовика XVI (с 1770 г.). Казнена в 1793 г.

Я прекрасно знала, какая Майкен замечательная рукодельница, но все равно не могла поверить, что она в состоянии создать такое очаровательное одеяние XVIII века из пары старых простынь и мотка кружев. Волосы она собрала в высокую прическу и припудрила. И я никогда не поверю, что подлинная Мария-Антуанетта была так же мила, как моя сестра, поскольку в этом случае ни у кого не поднялась бы рука ее обезглавить.

— Когда начнем отрубать голову? — деловито, с надеждой в голосе осведомился этот дьяволенок мистер Хайд.

— О, по-моему, ты, как всегда, можешь довольствоваться тем, что тебе отрубят язык, — ответила Мария-Антуанетта и плавно заскользила по комнате, чтобы мы вдоволь повосхищались ею.

Вскоре прибыли гости: папин коллега, переодетый Дядюшкой Брэсигом, Аннастина, облачившаяся во фрак своего папы (она изображала «Девушку во фраке»¹), а также мама и папа Аннастины, наши старинные друзья. Мама Аннастины утверждала, что она — *Ma Chère Mère*². Дядя Юхан, папа Аннастины, не смог переодеться, но сказал, что он сам собирается написать книгу под названием «Господин Медельсвенссон»³ пускается в разгул» и

¹ Героиня одноименного произведения (1925) крупного шведского романиста и драматурга Яльмара Бергмана (1883—1931).

² Моя дорогая матушка (*фр.*) — одна из героинь романа «Соседи» (1837) популярной шведской писательницы Фредрики Бремер (1801—1865).

³ Господин Средний Швед (*шв.*).

теперь изображает главного персонажа именно этой книги.

— Посмотрите только, как я шевелю ушами, — сказал он, шевеля ушами.

Этим искусством он владеет в совершенстве. Йеркер тут же страшно позавидовал ему и все время, пока его не отправили спать, упорно тренировался.

Угощение состояло из мороженого, торта, вина, кофе, печенья и вишневого ликера для взрослых.

Потом мы танцевали, хотя с кавалерами было туго, в особенности после того, как Сократ, Дядюшка Брэсиг и Господин Медельсвенссон сели играть в карты. Сократ один раз ошибся и пустился в долгие объяснения, почему так получилось, но тут Дядюшка Брэсиг сказал:

— Эта оправдательная речь совершенно недостойна Сократа.

И тогда папа заявил, что Дядюшка Брэсиг — богохульник, раз он говорит о защитной речи Сократа в такой связи. Вообще-то Сократ мерз в своих двух простынях, и поскольку он немного страдает ревматизмом, то вскоре пошел и переоделся в свой более теплый обычный костюм.

Сванте счел большим упущением то, что широкая общественность не увидит нас в маскарадных костюмах, и сказал Майкен:

— Заработаешь крону, если прошвырнешься по Стургатан вместе со мной.

— Блестящее предложение, — ответила Майкен. — Но не слишком ли это низкая цена за воспаление легких?!

— Ты трусиха, — презрительно возразил Сванте, — боишься встретить людей. Но тебе, верно, известно, что в это время дня ни одной живой души на Стургатан не встретить.

Было около одиннадцати вечера, а в нашем городе спать ложатся рано.

Майкен продолжала отказываться, но Сванте упрямо стоял на своем. Он просил, он угрожал, он презирал... Он прибег даже к вымогательству:

— Если не пойдешь со мной, я всем на свете покажу твою лучшую грибницу, где растет целая колония лисичек.

Сам Сванте не любит лисички, но для Майкен это было смертельной угрозой, пронзившей ее сердце. Разумеется, пройдет немало месяцев, пока вырастут лисички, но одна лишь мысль о том, что кто-то узнает о великой грибнице, в орешнике на коровьем выгоне в Смедбакке, где растет целая колония лисичек, заставляла Майкен дрожать.

Не знаю, подействовала ли на нашу сестру угроза, а может, сама Майкен в глубине души была польщена этим предложением? Достаточно того, что она согласилась. Мистер Хайд, водрузив на голову цилиндр, взял ее под руку, и они вышли в ночь. Об этом знали лишь Аннастина и я. Йеркер и Моника уже спали, а взрослых мы не потрудились посвятить в эту историю.

О том, что случилось после, я только слышала, но слышала рассказ очевидца. Мистеру Хайду и прекрасной королеве Франции так и не удалось дойти до улицы Стургатан. Ведь чтобы попасть туда, нужно миновать нашу личную маленькую улочку,

окаймленную с обеих сторон вилами и садами. Не успела сладкая парочка пройти примерно сто метров, как вдруг дверь одной из вилл отворилась и оттуда вышел мужчина, двинувшийся быстрыми шагами на улицу. Воистину мерзопакостный мистер Хайд кинулся бежать и спрятался за живой изгородью, а Мария-Антуанетта осталась на дороге одна, безуспешно высматривая, кто бы мог ей помочь. Она быстро повернулась, чтобы убежать, но, если ты не привыкла носить широкие колышущиеся юбки, это не так-то легко. Неосторожно шагнув, она подвернула ногу, и, если бы незнакомец не подхватил ее в свои объятия (разве это не звучит как в романе?), она бы грохнулась на землю.

— О, каков шалопай! — стонала Майкен.

Сванте, лежа за живой изгородью, все слышал. Он очень хорошо понял, кто именно шалопай, но этого не понял незнакомец.

— Вы имеете в виду меня? — спросил он.

— Нет, конечно нет... извините... отпустите меня, — в замешательстве сказала Майкен.

Незнакомец сделал то, о чем она просила, но в результате она снова начала падать. Майкен не могла ступить на ногу. И согласно версии, изложенной Сванте, она кинулась незнакомцу на шею.

— Вечное вранье, — комментирует Майкен.

Не знаю, кому верить, но думаю, что истина, как обычно, лежит где-то посередине.

— Вы — сновидение или привидение? — спросил незнакомец.

— Я — несчастная сестра мальчишки, которого следует пристрелить, — стонала Майкен.

Вся эта история кончилась тем, что когда Мария-Антуанетта вернулась в родимый кров, то через порог дома ее перенес незнакомец, который, сдав свою прелестную ношу домочадцам, учтиво представился обществу. С одной стороны, он, оказывается, носил фамилию Альмквист¹, с другой — был новым старшим лесничим. Ничто не могло быть естественнее, чем пригласить его принять участие в праздновании дня рождения. Остаток вечера Майкен пролежала на диване, а он все время преданно сидел рядом.

Мистер Хайд также вернулся домой. Осторожности ради он проскользнул черным ходом, но прошло совсем немного времени, и он снова непринужденно смешался с толпой домочадцев и гостей, абсолютно игнорируя гневные взгляды Майкен.

— Если зрение мне не изменяет, — заметил Сванте, — к нам прибыл его величество король Людовик XVI².

И на самом деле, мне кажется, Сванте попал в точку. Трезвая, рассудительная Майкен после празднования дня рождения стала совершенно не похожа на себя. Она ходит по дому чуть прихрамывая, но с таким мечтательным видом, что я опасаюсь худшего. Наутро после дня рождения она получила гигантский букет тюльпанов от своего спасителя. Кроме того, он ежедневно звонит и осведомляется о состоянии ее

¹ Альмквист Карл Юнас Луве (1793—1866) — известный шведский новеллист и лирик.

² Людовик XVI (1754—1793) — правил Францией с 1774 г.

здоровья, потому что, как только она сможет хоть сколько-нибудь свободно ходить, он настоятельно желает с ней встретиться. Если тут не разыгрывается настоящий роман, то я совершенно добровольно готова проглотить собственную шляпу.

Прежде чем день рождения подошел к концу, случилось еще одно происшествие, и, как обычно, виновником сенсации оказался Сванте. Химия — единственный предмет, которым по-настоящему увлекается этот мальчик. И вот, когда мы все вместе сидели рядышком в гостиной и в воздухе уже витало ощущение, что гости вот-вот начнут расходиться, в дверях внезапно появился Сванте и громко воскликнул:

— Что такое день рождения без салюта?!

Через секунду грянул салют, и какой салют! Думаю, Сванте переоценил свои знания по химии и недооценил действие той небольшой бомбы, которую изготовил. Когда смолкли женские крики, а дым рассеялся, все увидели Сванте, стоявшего в дверях среди кучи свалившейся с потолка штукатурки и удивленно моргавшего. На его правой руке красовалась большая рана. Мистера Хайда сменил некто, гораздо более похожий на трубочиста Фредрикссона. Клык, разумеется, еще торчал у него изо рта, но уже боязливо трепетал на ветру.

— Что будем делать? — спросил Сванте, когда после получасовой напряженной работы мы наконец немного прибрались и перевязали его раны.

Но тут Майкен сказала:

— Дорогой Сванте, ты уже достаточно потрудишься сегодня! Мы были бы так благодарны тебе, если

бы ты прекратил свою кипучую деятельность, пока дом еще цел и пока еще остались те, кто в состоянии ходить на собственных ногах.

После чего старший лесничий Альмквист, окинув долгим взглядом Майкен, заметил:

— Я не нахожу, что его кипучая деятельность принесла один лишь вред!

Да, вот это был день рождения так день рождения! А теперь я ненадолго прекращаю свою деятельность, да, я тоже.

Привет, привет!

Бритт Мари.

15 февраля

Дорогая Кайса!

Вчера у нас — и в школе для девочек, и в учебном заведении для мальчиков — были лыжные соревнования. Лыжня оставляла желать лучшего, но если как следует смазать лыжи, то бежать можно было вполне прилично. Да и чудесно хотя бы недолго прогуляться в лесу.

Я чувствовала себя очень красивой в брюках для слалома (подарок на Рождество), свежевыглаженных после купания в озере, и в красном свитере. Я не решалась даже застегнуть куртку, потому что никто не увидел бы тогда мой свитер, а ведь только им я могла похвастаться. Моя лыжная куртка с накрепко пришитым капюшоном — светло-голубая. Тебя это не интересует? Пожалуйста, я охотно поговорю о чем-нибудь другом.

У родителей Аннастины есть домик примерно в полумиле от города, где их семья проводит воскресенья: туда-то мы и отправились. Нас было несколько человек — Аннастина, и Марианн, и я, и Бертиль, и Оке, и еще кое-кто, кого ты не знаешь. А в последнюю минуту явился, разумеется, Стиг Хеннингсон и увязался за нами. Я его не выношу, да и Бертилю он противен. Это последнее обстоятельство доставляет мне известное удовлетворение. Но на лыжах он, я имею в виду Стига, катается отменно! Вообще удивляться этому не приходится, ведь у него есть папа, который каждый год позволяет ему ездить в горы! Стиг использует любую возможность, чтобы продемонстрировать свою великолепную технику. Мы бежали наискосок по пересеченной местности, и, естественно, недостатка в холмах, крутых обрывах и оврагах, откуда Стиг мог скатываться, не было! Я видела, что Бертиль чуточку раздражен вовсе не потому, что завидовал Стигу... разумеется, он не такой, а кроме того, он и сам неплохо бежит на лыжах. Но у кого угодно может разлиться желчь при виде самодовольной физиономии Стига, когда он делает какой-то особо элегантный слаломный вираж. Я безумно, от всего сердца желала, чтобы он хоть разок немного споткнулся. И говори после этого, что мысли не имеют силы! Я глубоко уверена в том, что мое страстное желание, разумеется в сочетании с коварным корнем дерева, стало причиной его падения. Потому что он упал! И не особенно элегантно! Он просто бухнулся и растянулся во всю длину. И не думаю, что нашелся хоть кто-нибудь, кто не обрадовался бы в глубине души, когда Стиг с трудом поднялся и стал стряхивать с себя снег, произнося мно-

жество суровых слов в адрес корня. Зато я почувствовала настоящую нежность к этому корешку, который так удачно высунулся наружу.

Мы подъехали к домику Аннастины в очень хорошем настроении, которое ничуть не стало хуже после того, как мы зажгли огонь в открытом очаге и выложили на стол наши бутерброды и термосы с горячим какао. Разумеется, было в меру дымно, настолько, чтобы почувствовать себя как настоящая салака горячего копчения, но вскоре это ощущение прошло.

Ох, какой аппетит нагуливаешь, катаясь на лыжах! Мы ели, как хищные звери. Когда я буквально всадила в себя два огромных бутерброда с ветчиной, один с икрой и один с сыром и выпила к тому же гигантскую чашку какао, я вновь обратила свои жадные взгляды на блюдо с бутербродами и ухитрилась в последний момент спасти черствый бутерброд с сельдью и холодным картофелем. Мне повезло, потому что в противном случае я, кажется, умерла бы голодной смертью!

Должна сказать, что домик Аннастины в самом деле уютен. Наевшись, мы только и делали, что сидели там и наслаждались вовсю. Там был граммофон, и мы немного потанцевали под музыку. Танцевали мы неплохо, несмотря на то что были обуты в пьексы¹, а пластинки, похоже, были второй половины XIX века или что-то в этом роде. Если бы ты знала, какой красивый голос у Бертиля! Когда мы

¹ Пьексы — специальная лыжная обувь с загнутыми вверх носками (*фин.*).

танцевали с ним и он пропел: «Закружимся в бурном вальсе, своей округлою рукой обхвати мою шею в легком трансе...», то я чуть было не поймала его на слове.

Потом, подложив побольше дров в огонь, мы уселись и начали болтать. Сначала то были обычные тары-бары-растабары и более или менее остроумные реплики, которыми мы перебрасывались, и они летали от одного к другому. Мы болтали о школе, об учителях и мало-помалу перешли к планам на будущее.

— Я не стану студенткой, — заявила Аннастина, — в любом случае я собираюсь просто выйти замуж.

— Дело не только в этом... — заметила Марианн.

Мне вообще-то кажется, эта бедняжка вообще-то мечтает о Стиге.

Так постепенно мы заговорили о браке.

— Скажите мне, — задала вопрос Аннастина, — какие качества вы считаете совершенно необходимыми для вашей будущей жены и соответственно для будущего мужа?

Все немного подумали. Бертиль же мигом ответил:

— Она должна быть верной и преданной!

— Она должна уметь хорошо готовить, — заявил Оке, обжора номер раз!

— Он должен любить детей и книги, — сказала я.

— Он должен любить меня вечно, аминь! — изрекла Марианн.

— У него должен быть в здоровом теле здоровый дух, и желательно немного денег в банке, — ответила на собственный вопрос Аннастина.

Стиг сидел, раскачиваясь взад-вперед на стуле, на губах его играла обычная усмешка превосходства, и, когда все высказали свое мнение, он заявил:

— Она должна уметь танцевать и флиртовать и не поднимать шума, если я немного поразвлекаюсь с другими!

— Черт побери, — побледнев, тут же отреагировал Бертиль. — Если у тебя такие взгляды в семнадцать лет, каков ты будешь, когда станешь старше?

— Разумеется, еще более циничным и неприятным, — сказала я.

Мы все были единодушны в том, что Стиг избрал себе жалкий идеал. В особенности Марианн приняла его высказывание близко к сердцу. По-моему, она почувствовала себя в какой-то степени оскорбленной.

— Вся беда в том, что вы отчаянно провинциальны, — начал разглагольствовать Стиг. — И ребячливы. Надо принимать жизнь такой, какая она есть. Жизнь — это не воскресная школа, уж поверьте мне.

— Возможно, ты и прав, — отвечал Бертиль, — но она и не станет иной, если мы — молодежь — станем рассуждать так, как ты.

Бертиль, казалось, был задет по-настоящему. Я знаю, что эта тема особенно болезненна для него.

Настроение у нас так и не поднялось, и мы решили отправиться по домам. Вообще-то солнце стояло уже так низко, что, видимо, было пора. Едкий привкус, оставленный высказыванием Стига, быстро исчез, когда мы снова встали на лыжи. Солнце село, окрасив снег в абсолютно розовый цвет. И все деревья и кусты отбрасывали голубые тени. Мы сразу развили бешеную скорость. Бертиль и я с самого

начала бежали рядом, не произнося ни слова. Только при прощании у ворот моего дома Бертиль сказал:

— Я люблю книги. И детей тоже!

Затем, круто повернувшись на лыжах, исчез на бешеной скорости за поворотом, а я застыла на месте словно круглая дура, глядя ему вслед до тех пор, пока Сванте не высунул голову в окно и не сказал:

— Ты уже все равно обратила парня в бегство, так что с таким же успехом можешь войти в дом!

Он сидел в кухне, расшнуровывая свои промокшие пьексы; войдя, я занялась тем же самым. Йеркер стоял рядом, злясь, что в Народной школе не было спортивных каникул.

К обеду Майкен пригласила старшего лесничего Альмквиста. Вернее, я думаю, он сам напросился. Их любовная сага развивается вполне успешно. Он, кажется, загорелся сразу. И, насколько я могу судить, старший лесничий пребывает в той стадии влюбленности, когда кажется, что столь совершенное существо, как Майкен, должно быть, явилось сюда, в юдоль земную, по чистой случайности и по-настоящему ей должно пребывать в ангельских сферах. А взгляд Майкен, когда она смотрит на него, не предвещает в будущем для хозяйства Хагстрёмов ничего хорошего.

Мы приятно обедали, но самое приятное было впереди, когда Моника, неожиданно открыв ротик, спросила Альмквиста:

— Сванте говолит, сто ты влюблен в Майкен, это плавда?

Майкен так восхитительно покраснела, а у Сванте и у старшего лесничего был примерно одинаково несчастный вид. Мама спасла положение, быстро переводя разговор на совершенно новую тему, а мы все притворились, будто ничего не слышали.

— Никто ничего не отвечает, когда я сплассываю, — оскорбленно пробормотала себе под нос Моника.

Когда обед уже подходил к концу, Сванте взглянул на Моника и громко расхохотался, несмотря на то что рот его был набит крем-брюле. Нетрудно было разгадать его мысли. Он никак не мог прекратить хихиканье, он хихикал без конца, ну, ты знаешь, как это иногда бывает. Это было свыше моих сил, и я тоже начала хихикать, хотя и щипала себя за ноги, чтобы сдержать смех. Папа строго посмотрел на нас, но это не помогло. А Моника, которая всегда смеется, когда смеются другие, широко улыбнулась, продемонстрировав все свои крохотные зубки-рисинки, и, захохотав, тоже вступила в общий хор. В разгар смеха, хохоча как безумная, я подумала: «Интересно, долго ли сможет удержаться от смеха мама?» Не успела я додумать эту мысль до конца, как фру ректорша залилась самым что ни на есть серебристым смехом. А потом уже никаких тормозов не было. Мы все хохотали просто до слез.

В конце концов папа, вытерев слезы, сказал:

— Неужели у кого-нибудь на свете есть такие дурно воспитанные детеныши, как у нас?

— Вряд ли, — ответила мама. — Но мне кажется, что для таких дурно воспитанных детей, как они, они удивительно хорошо воспитаны!

Интересно, о чем думал старший лесничий, придя в себя дома, в своей комнате. Когда он ушел, Майкен сказала:

— Все, что произошло, выглядит так, как будто я решилась подняться на Хрустальную гору¹. Во всяком случае, ни один нормальный человек никогда не захочет взять в жены девушку из такой семьи!

После чего ничего не ведающая Моника, преисполненная невинности, как маленький ангел Божий, взобравшись к ней на колени, спросила:

— А тот дяденька, сто был здесь ланьсе и стал таким класным, он влюблен в тебя? Так говорит Сванте.

Тут Майкен вскочила, словно ужаленная скорпионом.

И Сванте понял, что пора укрыться в безопасном месте. Он ворвался в каморку Йеркера и успел запереть за собой дверь, прежде чем Майкен сунула туда ногу, чтобы удержать дверь.

— Выходи, маленький трусливый негодник! — кричала Майкен. — И я откушу тебе нос!

— Я, пожалуй, не укротитель львиц, — отвечивал Сванте. — Я подожду до лучших времен!

Тут Майкен сдалась. Но когда около девяти часов вечера Сванте, усталый после спортивного дня и трудов праведных, шлепнулся в постель, оказалось,

¹ Имеется в виду сказка из сборника «Норвежские народные сказки» (1841) норвежских фольклористов Петера Кристена Асбьёрнсена (1812–1885) и Йёргена Ингебретсена Му (1813–1882) «Принцесса с Хрустальной горы». В этой сказке руку прекрасной принцессы получит тот, кто сумеет подняться на вершину скользкой Хрустальной горы.

что кто-то постелил ему мешок¹. Войдя ко мне, он спросил, не я ли это сделала. Я ответила (и это было чистойшей правдой), что, если обращаться с ним в соответствии с его поведением, я бы стелила ему мешок ежедневно... Но, к сожалению, сегодня я об этом не подумала.

— Тогда это Майкен, а она в нынешнем состоянии невменяема, так что я прощаю ее, — благородно заявил Сванте и исчез.

А тем временем и грамматика английского языка, и география Карлссона лежат у меня на столе и с таким упреком смотрят на меня, что я думаю: нам пора расстаться!

С самыми сердечными приветами от

Бритт Мари.

3 марта

Дорогая Кайса!

Не думаешь ли ты, что тебе пришлось долго ждать письма? Ты права... Не без того. В свое оправдание могу лишь сказать, что нам пришлось неслыханно много заниматься в школе, а еще всю последнюю неделю в доме у нас жили чужеземцы: четверо перелетных птиц опустились в наше гнездо, чтобы немного передохнуть, иными словами — четверо беженцев-евреев, которых мама взяла на свое попечение.

¹ «Постелить мешок» означает шуточную проделку, когда кому-нибудь стелят постель так, что пододеяльник образует ко-роткий мешок.

Они приехали в воскресенье вечером, мать и трое маленьких детей. Мне кажется, моя подушка все еще мокрая от слез, которые я выплакала в тот вечер, когда легла спать.

Ни у одного человека на свете не должно быть таких смертельно печальных глаз, как у этой мамы. Ни у одного ребенка — такого бледного, преждевременно состарившегося личика, как у этих троих детей. Обе девочки спят в моей комнате, и даже во сне они не знают покоя. Я прихожу в полное отчаяние, видя, как они лежат, словно в напряженном ожидании, готовые проснуться при малейшем шорохе. Их мать, фру Хольт, — мужественный человек. Она пытается не впадать в отчаяние, хотя не имеет ни малейшего понятия о том, где находится ее муж, и маловероятно, что она когда-нибудь увидит его в этой жизни. Иногда она даже пытается улыбнуться, но глаза ее не улыбаются никогда. Думаю, они видели слишком много.

Ее сынок Микаэль — ровесник Йеркера и живет в его комнатке. Тяжелые переживания меньше всего отразились на нем, и я слышу, как они с Йеркером весело хохочут. Но Микаэлю не хватает ощущения безопасности, в нем нет открытости, присущей Йеркеру. Кайса, как по-твоему, будет ли когда-нибудь в мире так, что все дети смогут жить в безопасности? Мы обязаны надеяться на это, мы обязаны все вместе попытаться трудиться ради этого... Разве можно выдерживать другую жизнь?

Письмо мое получается грустное, но оно все-таки и наполовину не такое грустное, как чувства, которые я испытываю. Прости меня, будь добра!

Вчера вечером мы устроили небольшой музыкальный вечер, чтобы наши гости хоть немного развеялись. Мама играла, и маленькие дочки фру Хольт тоже играли в четыре руки. А позже мы, как обычно, пели. Мама, я и Йеркер пели первым голосом, Сванте и Майкен — вторым, а папа — третьим. Среди прочих песен мы спели ту самую, ну, ты знаешь:

Freut euch des Lebens,
weil noch das Lämpchen glüht,
pflücket die Rose,
ehe sie verblüht¹.

Когда мы закончили, на некоторое время воцарилась тишина. Тишина, прерываемая лишь всхлипываниями фру Хольт. Кайса, я никогда не слышала, чтобы человек так плакал! Мне не забыть ее плач, покуда я жива. И я горячо желаю, чтобы жизнь когда-нибудь подарила ей возможность сорвать несколько роз.

Завтра они уезжают отсюда в другое место, где смогут остаться ненадолго. Но только совсем ненадолго. Не иметь дома, самого крошечного, самого маленького дома, — не могу представить себе судьбы горше!

¹ Радуйтесь жизни,
потому что огонь в душе еще горит,
сорвите розу,
пока она еще свежа на вид (нем.).

Это повторяющийся пять раз рефрен песни, опубликованной в 1793 г. в Швейцарии под названием «Застольная песня» и ставшей чрезвычайно популярной в Европе. Автор текста — Иоганн Мартин Устери (1763—1827); композитор — Ганс Георг Негели.

И когда я оглядываю собственный уютный, теплый дом, то чувствую такую огромную нежность... до боли душевной. Мебель у нас потертая, да и элегантностью обстановки не похвастаешься, но это, во всяком случае, дом. Дом, живущий полноценной жизнью, надежное прибежище нашего существования.

А теперь спокойной ночи, Кайса, сейчас я заползу под одеяло и выплачусь как следует, потому что мне это необходимо.

Преданная тебе

Бритт Мари.

16 марта

Привет, Кайса!

Пришла ли в Стокгольм весна? Я не собираюсь заходить так далеко, утверждая: к нам пришла весна, — но началась слякоть, а это уже шаг в нужном направлении. А иногда небо расстилает целую узорную карту — гамму красок, которая уверяет тебя: да-да, весна придет и в этом году, не бойся! Весна! Весна! Весна! Я написала это слово несколько раз только потому, что оно так симпатично выглядит. И лучше мне поспешить, ведь завтра, быть может, налетит снежная буря, всем бурям нашего столетия буря, поставив новый рекорд мартовского холода.

Жизнь полна разных потрясений, это точно. Вчера, когда мы собирались садиться обедать, обнаружилось, что в нашей веселой компании не хватает Йеркера. Вообще-то ничего неожиданного в этом

нет. Если какой-нибудь детеныш и жил такой дикой и счастливой жизнью, часов не наблюдая, в календарь не заглядывая и абсолютно независимо, то это он, Йеркер. Однако, когда стрелки часов приблизились к семи, мама начала беспокоиться — Сванте и меня послали на поиски. Но нет, нам на глаза не попало ни единого беззубого мальчонки ни в городе, ни в его окрестностях. Мы были вынуждены пойти домой и рассказать об этом маме, которая тотчас впала в отчаяние и начала плакать. Майкен сказала ей как можно строже:

— Хватит реветь! Ребенок скоро явится, жив и невредим, как всегда. Надеюсь, у меня хватит сил отколотить его как следует, хотя я пекла сегодня и целый день простояла у плиты.

Когда часы пробили девять, я тоже почувствовала, что во мне нарастает легкий страх. Папа и я снова отправились на поиски; Сванте надо было готовить уроки, так что он не мог пойти с нами. Почти целый час мы ходили по городу, расспрашивая всех встречных. В конце концов у меня так заболели колени, что я едва шла. И вот тогда-то встретили мы одного из папиных коллег, и он совершенно случайно заметил:

— Говорят, в город пришли цыгане.

Я почувствовала величайшее облегчение.

— Все ясно, — сказала я. — Пойдем, папа, заберем его.

Цыганский табор расположился внизу, у южной таможни. Его было слышно на расстоянии многих сотен метров. Лошади ржали, мужчины ругались, женщины спорили, а дети кричали. Повсюду кишмя

кишели маленькие черноволосые детишки. Папа заглядывал во все шатры подряд, и в одном из них мы увидели сидевшего там Йеркера. Глаза его блестели от восторга. Он явно подружился по меньшей мере с полудюжиной цыганят. Больно было смотреть, как при виде нас его восторг словно рукой сняло. Он выбежал из шатра, и на личике его написан был страх.

— Вы уже обедали? — испуганно спросил он.

— Да, — ответила я. — В десять часов вечера мы обедаем только в самых исключительных случаях.

— А мама расстроилась? — огорченно спросил он.

— А как ты думаешь? — отреагировал папа. — Конечно...

И тут Йеркер помчался стрелой, и, когда мы вернулись, он уже лежал в объятиях своей плачущей мамы. Майкен очень хотелось немножко поколотить его. Но мама сочла его спасение от тысячи смертей столь удивительным и необъяснимым, что вместо того, чтобы выпороть его, пошла и принесла ему еду — телячье жаркое с соусом, картофель и соленый огурчик, а еще бутерброд и кисель. Все это мигом исчезло в его беззубом ротике с достойной восхищения быстротой.

— Все правильно, — заметил Сванте. — Блудного сына следует покормить жарким из откормленного теленка. Таков обычай¹.

¹ Имеется в виду притча о блудном сыне, вернувшемся в отчий дом. — Новый Завет. От Луки, 15: 20—32.

Да, жизнь полна различных потрясений. Наш старый Улле — он колол нам дрова — ушел из жизни. Он был двоюродным братом Алиды — чуточку слабый, но сердечный и добрый старичок, который, несмотря на свою слабость, настроен был весьма философски. Я горюю о нем, как горюют о людях, окружавших тебя все твоё детство. Как-то раз он выстругал для моей куклы деревянную кровать, и я никогда этого не забуду.

Алида оплакала его от чистого сердца, частично потому, что была привязана к нему, а частично потому, что любит поплакать. И еще она облачилась в глубокий траур. Но на днях ей в голову взбрела ужасная мысль, и как раз в тот момент, когда она лепила фрикадельки, она разразилась целым потоком слов:

— С ума я, что ли, сошла, носить красные брюки, когда Улле взял да и помер!

Затем она ударилась в слезы, да так горько плакала, что, если бы Улле услышал ее, он бы наверняка сказал то, что так часто говаривал при жизни:

— Все правильно! Женщины должны плакать!

Потрясение номер три случилось сегодня, и это было так неприятно, что мне даже не хочется говорить об этом. Я выполняла поручение мамы и возле дома, где живет Марианн, увидела Стига Хеннингсона, стоявшего в воротах.

— К твоим услугам, — сказал он. — Послушайка, Марианн очень хочет поговорить с тобой.

«Странно, — подумала я, — ведь всего пару часов назад я встречалась с Марианн в школе». Но все равно я потопала вверх по лестнице — узнать, что

ей нужно. Стиг последовал за мной. Как тебе, возможно, известно, он живет в том же пансионе, что и моя подруга.

Мы вошли, но никакой Марианн там не было, и вообще ни одной живой души.

— Она в моей комнате, — сказал Стиг.

Не знаю, поверила ли я ему, но во всяком случае вошла туда и посмотрела. Комната была пуста.

— Тогда, наверное, она вышла, — произнес Стиг.

И захлопнул за собою дверь.

— Мне кажется, ты чертовски мила, Бритт Мари, — немного погодя сообщил он.

— А мне, черт побери, тысячу раз наплевать, что ты думаешь, — выругалась я. — Выпусти меня!

— Чего спешишь, — уговаривал он. — Мы ведь можем немножко побеседовать!

— Мне не о чем с тобой говорить, — разозлилась я. — А теперь я пойду!

— Не верю, — подленько улыбаясь, проговорил он и придвинулся поближе. — Не будь такой спесивой, Бритт Мари. Тебе никогда не завоевать любовь парня, если ты не станешь чуть помягче и не пойдешь ему навстречу.

— Думаю, ты не способен судить, что любят и что не любят парни! — в ярости вскричала я. — Как ты можешь с высоты своего роста разговаривать, как сопливый мальчуган!

И я направилась прямо к двери. Он схватил меня, но Сванте и я, видно, недаром тренировались, нанося удары джиу-джитсу¹ друг другу. А к тому же ты ведь

¹ Джиу-джитсу — японская система борьбы.

знаешь доморощенные уловки негодяев. Я вырвалась и, злая, как паучиха, выскочила за дверь. Волосы у меня стояли дыбом. Почти в ту же самую минуту появился Оке, он тоже живет здесь... Понимаешь, у фру Линдберг самый большой школьный пансион в нашем городе... У меня было большое желание попросить Оке помочь мне отколотить Стига. Но каким бы хорошим ни был маленький добрый Оке, он не борец. Так что я без единого слова рванула дальше.

Во мне все кипело от бешенства, и я была вынуждена выпустить пар; поэтому, вернувшись домой, я рассказала обо всем Сванте.

— Выйди из дому и убей кошку! — сказал он, потому что увидел, что мне необходимо разрядиться и излить свой гнев. Но сам он был не менее зол, чем я, и это замечательно на меня подействовало.

— Как плохо, когда тебе всего лишь четырнадцать лет, — вздохнул он, — а иначе этому подлецу не поздоровилось бы, я быстро начистил бы ему морду!

— О, не стоит хлопотать из-за меня, — сказала я. — Раньше или позже я сведу с ним счеты сама!

Жизнь полна потрясений, Кайса. Можешь поверить словам твоей закаленной тяжкими испытаниями Бритт Мари.

2 апреля

Что я говорила, Кайса, что я говорила? Разве я не говорила, что жизнь полна потрясений, или, может, я этого не говорила? Я и сама не знала, насколько была права!

Можешь ли ты понять, почему нельзя быть счастливой? Ведь быть счастливой так весело и так скучно быть печальной. Вероятно, это для того, чтобы закалиться, так я думаю. А теперь я — закаленный человек.

Пожалуй, лучше мне объяснить чуть подробнее. Ты, вероятно, удивляешься, что же случилось? О, всего лишь то, что моя жизнь разбита. Только это, и ничего другого. А в остальном — все в порядке. Никаких стихийных бедствий или драматических происшествий с убийствами, насколько мне известно. Все остальные люди ходят вокруг, и вид у них такой, словно они верят, будто Земля — замечательно прекрасное место обитания! И только я знаю: жить здесь — невыносимо!

Ты отгадала верно. У меня муки неразделенной любви. Такое можно доверить только ровеснице.

Взрослые никогда в жизни не поймут, что, когда тебе пятнадцать лет, можно прийти в смертельное отчаяние из-за любви. Если б они только знали! Я имею в виду, знали бы, как болит мое сердце! Думаю, что мои страдания, если сравнить их со страданиями большинства прославленных жертв любви, достойны стать в один ряд с ними.

Бертиль не обращает на меня ни малейшего внимания. Да, так и запиши! Бертиль не обращает на меня ни малейшего внимания! Всего восемь слов, и все же как тяжело их писать!

Как будто мы никогда вместе не смотрели на луну, не бродили по окрестным лесам и полям, не танцевали, не ходили в кино и не катались на лыжах. Неужели все это мне только снилось?

Заползая по вечерам в постель, я мучаю себя вопросами: во имя всех святых, почему, почему, почему? Почему он больше не смотрит на меня? Я пыталась встретить его, чтобы спросить начистоту: почему? Но он целеустремленно и сознательно избегает меня, а если мы где-нибудь сталкиваемся, то он абсолютно холодно кивает и проходит мимо. А я иду домой и смотрю в зеркало: не появилось ли у меня несколько седых волос?

Если он нашел другую девочку, которая нравится ему больше меня, то, мне кажется, он должен был бы об этом сказать. Он, девиз которого «Хранить верность», попросту не может вести себя так. И все-таки он ведет себя именно так. Меня удивляет, почему... ах, ну вот, я начинаю снова.

Иногда я резко говорю себе: «Разве у тебя нет гордости? Зачем ты горюешь о человеке, который так обращается с тобой?»

И смиренно отвечаю себе: «Нет, у меня вообще нет гордости, ни малейшей!»

Ну, довольно об этом! Ведь все равно жить надо. Я брожу по дому и пытаюсь делать вид, будто ничего не произошло. Я даже более резва и шаловлива, чем обычно, чтобы никто в моей семье ничего не заподозрил. Но папа иногда так испытующе смотрит на меня, а сегодня, когда я особенно буйно и весело вела себя, мама огорченно спросила меня:

— Бритт Мари, почему ты грустишь?

Так что, кажется, я не такая уж великая актриса, какой себя воображаю!

Я помчалась в свою комнату, чтобы чуточку всплакнуть. Потому что если есть на свете что-либо, чего я не

выношу, так это жалость к себе. Отказываюсь от соболезнований моему горю, запомни это и ты, милая Кайса!

Но вчера ведь было 1 апреля. Невозможно бродить, словно какая-нибудь плакальщица, когда стайка прочих братьев и сестер весьма оживлена, весела и шумлива. Сванте, должно быть, не спал целую ночь, придумывая самые разнообразные первоапрельские шутки и проказы. До ленча ему не надо было идти в школу, и он начал действовать уже с самого утра.

В доме у нас два телефонных аппарата. Одним, стоящим в кабинете, пользуется папа. В девять часов утра зазвонил второй телефон — в прихожей. К телефону подошла Майкен.

— Алло, — голос был явно взрослый, голос человека с бородой, — говорят с телефонной станции. Нужно проверить ваш телефон. Будьте добры, скажите в трубку: «Э-э».

Вероятно, Майкен забыла, какой сегодня день, потому что послушно сказала:

— Э-э.

— Громче! — произнесла Телефонная станция.

— Э-э! — громко протянула Майкен.

— Еще громче! — приказала Телефонная станция.

— Э-э! — заорала Майкен таким голосом, словно отдавала войску команду броситься в атаку на врага.

— Хорошо! — похвалила ее Телефонная станция. — Высуньте язык!

— Это еще что? — ответила совершенно сбитая с толку Майкен. — Что за глупости?

Тут Телефонная станция прыснула со смеху и отвратительным голосом негодника Сванте запела:

— Апрель, апрель!

Майкен страшно разозлилась и поклялась отомстить. А вскоре настал и мой черед жаждать мести.

После полудня я вернулась домой и мирно и спокойно готовила уроки, и тут в дверь позвонили. Я открыла дверь; снаружи стоял маленький мальчик по имени Фольке. Мама Фольке убирает квартиру ректора моей школы и живет в одном доме с ней. И этот Фольке сказал мне, что «Бритт Мари должна сейчас же зайти к ректорше фрёкен Лунд домой».

Я подумала, что это, возможно, первоапрельский розыгрыш, и спросила:

— Почему она не позвонила, вместо того чтоб посылать тебя?

— Ее телефон сломался, — сказал Фольке.

И тогда я, понятное дело, пошла. Слякотно и неуютно было на улицах, да и путь совсем не близкий. Так я и шла, раздумывая, что дурного я натворила, если ректору так уж необходимо срочно поговорить со мной.

Я позвонила, и сама фрёкен Лунд отворила мне дверь. Я сделала изящный книксен¹ и вопрошающе посмотрела на нее. А она вопрошающе посмотрела на меня.

— Что у тебя на сердце, милая Бритт Мари? — спросила она.

— Я думала, вы, фрёкен Лунд, хотите поговорить со мной, — ответила я.

¹ Книксен — поклон с приседанием.

— Нет, я ничего об этом не знаю. Но ведь сегодня первое апреля, — улыбнувшись, сказала она.

«Горе тебе, Сванте, когда я схвачу тебя», — подумала я, так как ни минуты не сомневалась в том, кто был подстрекателем. Я, запинаясь, как можно любезнее извинилась перед фрёкен Лунд.

В результате меня пригласили на чашку кофе с дивным бисквитом, так что эта первоапрельская шутка провалилась, поскольку мне все время было приятно. Но отомстить я все равно отомщу!

Я отправилась домой, и мы с Майкен объединили наши усилия, но ничего путного так и не придумали.

Но вот случилось так, что после обеда мама послала Сванте отнести какую-то книгу Тетушке Лиловой. А с Тетушкой Лиловой дела обстоят так, что хотя она неслыханно очаровательна, но болтовня ее довольно занудна, и еще у нее множество семейных альбомов, которые она так охотно показывает! Я не раз попадалась на эту удочку и теперь уже точно знаю, что именно перитонит уложил ее кузена Альберта на смертный одр и что именно ужасное воспаление легких унесло из жизни ее тетушку Клару. Лица их обоих — и Клары, и Альберта — были многократно запечатлены на фотографиях в ее альбоме, а вдобавок там были фотографии еще примерно девяти родственников.

Когда Сванте ушел (после разнообразного скулежа, потому что он, как и мы, боится болтовни Тетушки Лиловой), в моем мозгу сверкнула молния гениальности, и я совершенно отчетливо узрела путь своих дальнейших действий. Ринувшись к телефону,

я лихорадочно позвонила Тетушке Лиловой. И сообщила, что Сванте уже понес ей книгу.

— Вы ведь, тетушка, знаете, какой Сванте стеснительный, — продолжала я. — А теперь есть кое-что, о чем он хотел бы попросить вас, тетушка, но, верно, не осмелится сказать вам об этом.

— Вот как, — закудахтала Тетушка Лиловая, — что бы это могло быть?

— Понимаете, тетушка, ему безумно хочется заглянуть в ваш альбом с фотографиями, о котором он столько слышал от меня. У вас, тетушка, вероятно, не найдется времени показать ему альбом?

— Конечно, конечно, найдется, — ответила Тетушка Лиловая. — Мне это доставит удовольствие!

— Спасибо, милая тетушка, — поблагодарила я. — Не обращайтесь внимания, если он начнет протестовать. Он делает это только потому, что считает необходимым, из упрямства.

Затем Майкен и я накинули на себя плащи и ринулись на улицу. Весь следующий час мы веселились так, как я не веселилась с тех пор, когда малышкой в первый раз попала в цирк. Я забыла и про свое разбитое сердце, и про все на свете.

Тетушка Лиловая живет в нижнем этаже, и шторы еще не были опущены, так что у нас перед глазами был прекрасный вид на нашу несчастную жертву. Сванте сидел, корчась, словно уж, а Тетушка Лиловая расположилась рядом с пятью альбомами, которые листала от первой страницы до последней. Иногда она выдерживала паузу, и мы понимали, что она делает доклад о ком-то из наиболее примечательных родственников.

Примерно через час с небольшим Сванте, пошатываясь, вышел из дому, и мы услышали, как Тетушка Лиловая, стоя в дверях, заверяла Сванте, что если бы ее кузен Альберт явился к врачу немного раньше, то был бы жив еще и по сей день.

Когда Сванте прошел примерно двадцать пять метров, мы с Майкен подхватили его с двух сторон.

— Милый малыш Сванте, — сказала Майкен, — подумать только, как ты интересуешься альбомами с фотографиями, а я и не знала!..

— А мне бы хотелось задать моему милому любимому братцу, — сказала я, свободно перефразируя Харриет Лёвенельм¹, — хорошую взбучку, настоящую трепку!

И, подхватив Сванте под руки, мы, торжествуя, повели его домой. Он барахтался изо всех сил, но что он мог сделать против двух мужеподобных женщин!

А вернувшись домой, мы внесли Сванте в его комнату и сунули, одетого и в башмаках, в постель. Затем довольно осторожно уселись на него и запели:

— Апрель, апрель!

Мы отомстили ему!

Но сегодня уже 2 апреля, и мне грустно, как никогда. В своей беде я совершила нечто такое, чего никогда раньше не делала. Обещай никому об этом не говорить, тогда я расскажу тебе обо всем!

Я побывала у гадалки. Ты ведь знаешь, когда над дорогой, по которой идешь, сгущаются сумерки и

¹ Лёвенельм Харриет (1887—1918) — художница и литературческая поэтесса, многие стихотворения которой стали классическими песнями.

звезда надежды больше не светит, тогда обращаются к сверхъестественным силам, чтобы обрести ясность.

Разумеется, не хочу утверждать, что Крёса Тильда прямо-таки сверхъестественное существо. Она сверхъестественно грязна, да, она такая, и это, пожалуй, единственное, что в ней сверхъестественного. «Все-таки, — подумала я, — быть может, перст судьбы начертает кое-какие письмена на грязнущих обрывках ее карт». И тогда я уговорила Аннастину пойти со мной. Вообще-то уговорить ее было нетрудно.

Крёса Тильда живет в маленькой-премаленькой лачуге, которая вот-вот рухнет. Она живет на окраине города, в той его части, которая в повседневных разговорах называется «Горе Луковое». Это наш злачный квартал, и он почти столь же живописен, как «Старый Город»¹ у вас в Стокгольме. Маленькие лачуги подпирают друг друга изо всех сил, а иначе они наверняка давно бы рухнули. И, как ты понимаешь, тамошние жители не относятся к высшему обществу нашего городка.

Там обитает великолепное сборище живописных хулиганов, и наш городской прокурор говорит, что, не будь квартала «Горе Луковое», городу вообще не понадобился бы никакой полицейский корпус.

Когда спустилась темнота и зажглись фонари, мы с Аннастиной направили наши стопы к злачному кварталу. Но там освещение было плохое, и на душе у меня стало почти жутко. Я пошарила во внутреннем кармане плаща, нет ли у меня с собой денег.

¹ Так именуется старинный исторический центр Стокгольма; его также называют «Город среди мостов».

— Тебя что, блохи кусают? — спросил, заметив мой маневр, какой-то парень, стоявший на углу улицы.

Мы и впрямь вздохнули с облегчением, когда наконец вошли в сени Крёсы Тильды, где можно было с грехом пополам выпрямиться, и постучали в дверь. Через некоторое время Крёса Тильда осторожно высунула голову, а я в ужасе отступила назад. Потому что если ты хочешь видеть подлинный, классический, хрестоматийный экземпляр гадалки, то возьми в качестве образца Крёсу Тильду! Скрюченная и остроносая, испачканная табаком и грязная, да еще с каркающим голосом, — такова она. У нее есть все причиндалы, имеющие отношение к гаданию: три черные кошки, и кофейник в очаге, и засаленная колода карт на столе, заваленном кофейными чашками, пивными бутылками, картофельными очистками и всякими штучками-дрючками, всем понемногу.

Мне гадали первой. Старуха очистила рукавом угол стола и разложила карты в виде звезды.

— Голубка, — сказала она с таким ударением, что это прозвучало как ругательство, — ты выйдешь замуж за богача.

«Ха-ха, — подумала я, — она не знает, что мне суждено умереть в расцвете юности от разрыва сердца».

— В твой дом явится один брюнет, — сказала Крёса Тильда.

«Это развозчик пива», — подумала я, но вслух не произнесла ни слова.

— Между тобой и твоим любимым — большое недоразумение, — продолжала она.

— Это еще что, какое такое недоразумение?! — вскричала я.

— Голубка, — снова произнесла Крёса Тильда, да так резко, что я подскочила. — Не задавай вопросов! В свое время все разъяснится.

Затем она немного поболтала о письме, которое, мол, приплывет ко мне по воде, и о прекрасном пути, который мне предстоит, но меня заинтересовали лишь ее слова о недоразумении. На обратном пути я непрестанно размышляла об этом, и Аннастина была серьезно задета тем, что я не поделила ее радости: ей предстояло выйти замуж за очень высокопоставленного человека.

«Недоразумение» — как, по-твоему, Кайса, может такое быть?

Об этом размышляет одна очень печальная голубка.

17 апреля

Дорогая Кайса!

Весна! Весна! Самая удивительная весна, выпадавшая в истории рода человеческого. В этом я уверена. Во всяком случае, желая избежать преувеличений, скажу: такой не случилось в жизни Бритт Мари Хагстрём.

Неужели это я собиралась умереть в столь юные годы от разрыва сердца? Дорогая, с этим придется подождать! И подождать довольно долго! Мое сердце просто отказывается разрываться в это время года! Как можно умереть, когда скворцы на яблоне перед моим окном каждое утро выводят такие жизнерадостные трели, а повсюду на солнце проклеваются

подснежники и крокусы? Ну ладно, если быть честной до конца, я не могу обвинять во всем скворцов и крокусы. В том, что мне стало лучше, есть, вероятно, и небольшая доля заслуг Бертиля. Крёса Тильда была права. Тут таилось недоразумение! А может, следовало бы сказать — подлый поступок. Ты в состоянии выслушать меня?

Да, понимаешь, когда я дошла до такого предела, что раздумывала, какой способ покончить с собой более предпочтителен: прыгнуть в озеро или заглотить несколько сотен граммов первоклассного крысиного яда, ко мне в комнату ворвался Сванте. Это было вчера вечером. Он скрежетал зубами, подпрыгивал и шипел:

- Негодяй, скотина, мерзавец, мерзкий бандит!
- О ком ты? — спросила я.
- О Стиге Хеннингсоне, — ответил он.
- Что случилось, что такое? — повторяла я.

И тут я все узнала. Надеюсь, мы с тобой такие друзья, что и у тебя по спине забегают мурашки, когда я расскажу всю историю. Оказывается, Стиг Хеннингсон пошел к Бертилю и наболтал ему про меня всякие пакости. Помнишь, как он обманом заманил меня в тот раз в свою комнату? Бертилю же он сказал, что я пошла туда совершенно добровольно и что я не из тех, на кого можно положиться. Бертиль, естественно, ему не поверил, но тогда Стиг заставил Оке подтвердить, что я вышла из его комнаты. Когда я пишу эти строки, во мне все кипит, как в жерле Везувия перед самым извержением этого вулкана. Я по-прежнему не могу понять, как возможна подобная низость.

Именно Оке и рассказал Сванте, как все было на самом деле. Бедняга Оке! Он чувствовал себя бесконечно несчастным из-за всей этой истории!

После того как Сванте, сопровождая свой рассказ кошмарнейшими угрозами, выложил все, что знал, я долго сидела молча, словно меня — бух! — ударили дубиной по голове. Но постепенно начала усиливаться душевная боль. Я была ранена, ранена до мозга костей, оскорблена тем, что Бертиль мог так дурно подумать обо мне! Неужели он мог так поступить? Почему он даже не поговорил со мной, а осудил, не выслушав?!

— И почему я не ел чуть побольше шпината на своем веку, — сокрушался Сванте, — чтобы стать таким же сильным, как Карл Альфред. Я не смогу вздуть Стига, как бы мне этого ни хотелось. Но, — вдруг сказал он, — я сейчас же отправляюсь к Бертилю!

— Вот этого ты как раз и не сделаешь! — вскочив, закричала я, потому что была преисполнена горечи. И думала, что Бертилю было бы полезно узнать правду в тот момент, когда я из-за своей юной любви лежала бы на смертном одре, бледная, прекрасная, как преждевремененно сорванный цветок.

Но у Сванте были совсем другие планы. Схватив шапку, он ринулся в весенние сумерки, хотя я, стоя на крыльце, кричала ему до посинения, чтобы он вернулся.

Итак, это было вчера вечером. С тех пор разыгрались, как имеет обыкновение говорить Алида, великие драмы. Эпилог состоялся совсем недавно на нашей скамейке, именно там, у излучины реки. Но

тогда виновника драмы, этого мерзавца Стига, с нами не было, тогда мы сидели там только вдвоем.

Вот как все это произошло!

Я целый день ворчала на Сванте из-за того, что он вчера вечером помчался к Бертилю, и решила прогуляться. Отчасти чтобы чуточку успокоить свои слабые нервы, а отчасти чтобы... Ну ладно, возможно, я надеялась встретить Одну Известную Личность. Кроме того, небо было зеленовато-яблочного цвета, а ивы внизу у реки стояли в нежнейше-призрачном убранстве.

Я встретила Бертиля у самой излучины реки. Тебе наверняка никогда не приходилось видеть человека столь несчастного, как он, когда он просил прощения за то, что усомнился во мне. Бертиль сказал: все произошло потому, что верность означает для него все на свете, и он совершенно обезумел после рассказа Стига.

Я едва слышала его слова. Душа моя пела, и я простила бы его, если бы он счел меня Мессалиной¹ или любой другой порочной и пользующейся дурной славой особой.

Он встретился со Стигом и расквитался с ним. И если судить по выражению его лица, то я не думаю, что сведение счетов было для Стига особенно приятным.

Потом мы сидели там, у излучины реки, на скамейке. Час, два часа. И болтали, ой, как мы болтали! В разгар нашей беседы мимо прошел Сванте. Он

¹ Мессалина — жена римского императора Клавдия, известная своей жестокостью и недостойным поведением.

так ухмылялся, что рот у него был почти до ушей. Высоко подняв шапку, Сванте сказал:

— Добрый вечер! Похоже, в этом году будет хороший урожай слив!

Сливы в апреле! «Дурак», — подумала я, но не произнесла это слово вслух. Ведь тогда, может, Бертиль не поверил бы, что я так прелестна, как на самом деле.

— Я думаю стать инженером! — заявил Бертиль, когда Сванте ушел, и швырнул большой камень в озеро.

Он сделал это, только чтобы подчеркнуть: упомянул он о своих планах как бы случайно.

— Станешь инженером? — переспросила я. — Да, по-моему, инженер — хорошая профессия.

— Но до этого пройдет немало времени, — сказал Бертиль.

— Да, — согласилась я, — до этого пройдет немало времени.

И, произнеся эти слова, я почувствовала страшную радость, и мне было решительно все равно, сколько лет понадобится на это. Потому что теперь, когда я не собираюсь вымирать в расцвете молодости, у меня, знаешь ли, так жутко много лет впереди. Да и у Бертиля тоже!

Я знаю, что ты подумаешь! Ты подумаешь: «Девчонка — полная дура. Ей всего пятнадцать лет, а она уже бредит, что будет ждать мальчишку, который станет инженером. Младенцы!» — думаешь ты, да-да, не отрицай!

Но тогда я тебе скажу еще кое-что. Во-первых, Бертиль не просил меня ждать, а во-вторых, я не

обещала его ждать. Уверяю тебя: никаких торжественных клятв друг другу мы не давали. И естественно, в глубине души я прекрасно знаю, что встречу множество молодых людей, а он — ничуть не меньше девушек, прежде чем каждый из нас поймет, кто его избранник или избранница. Знаю, так оно будет, и так оно и должно быть.

Но все-таки! Разве никогда не было так, чтобы двое людей полюбили друг друга еще в школьные годы, а потом держались вместе всю жизнь? Милая Кайса, подумай хорошенько и скажи, что ты действительно слышала такие истории! Я не требую, чтобы это касалось твоих ближайших знакомых, но я думаю, что ты, возможно, слышала: такое случалось где-нибудь в Норботтене¹ в начале XX века или что-нибудь в этом роде.

И вообще! Разве нельзя внушить себе, хотя бы приблизительно, все, что угодно, в такой сказочно теплый и сладостный весенний вечер, когда тебе всего пятнадцать лет? Разве мечты — не одно из священнейших прав юности? Быть может, жизнь жестоко разрушит мои мечты, это мне неизвестно, да именно сейчас мне нет до этого дела. Потому что именно сейчас, понимаешь, Кайса, именно сейчас так чудесно жить. За моим окном простирается весенний вечер, самый синий из синих весенний вечер, какой только мне довелось пережить. На черемухе набухли крупные почки, яблони готовы распуститься и подарить свои нежно-розовые букетики цветов. И если я высуну за окно нос, то почувствую, как сильно пахнет весной.

¹ Норботтене — одна из северных провинций Швеции.

Весь дом спит, но милая, добрая, благословенная Майкен затопила печь в моей комнате. Правда, весна еще не вторглась всерьез в нашу старую деревянную лачугу. Все так тихо, так мирно, так сладостно. Кайса, ты думала о том, сколько в мире удивительных ароматов и красок, форм и звуков и как чудесно, что у человека есть его пять чувств, чтобы, как сегодня вечером, впитывать все свои впечатления? Не помню, чтобы я когда-нибудь так отчетливо осознавала все свои чувства, как сегодня вечером! Подумай, если бы можно было взять благоухание первых фиалок весной, аромат затылка только что выкупанной Моники, запах свежее испеченного хлеба, когда ты голодна, рождественской елки в Сочельник и смешать все это с потрескиванием огня в тихий осенний вечер, когда дождь ударяет по стеклу, с мимолетной лаской мамы, когда ты грустна, с «Менуэтом» Бетховена и «Ave Maria» Шуберта, с пением моря, с сиянием звезд и тихим журчанием реки, с папиными деликатными легкими шутками, когда мы сидим вместе по вечерам... Да вообще, если взять чуточку всего прекрасного, красивого и веселого, что есть в мире, не кажется ли тебе, что получилась бы смесь, которую можно применять в больницах как успокоительное средство? Ты думаешь, я сошла с ума, да? Нет, Кайса, я не сошла с ума, я только так нелепо, безумно, головокружительно рада, и так чудесно, ЧУДЕСНО, ЧУДЕСНО жить на свете!

Когда я была в самом глубоком отчаянии, я пыталась утешить себя тем, что через много миллиардов лет этот земной шар прекратит свое существование, и тогда не так уж много будет значить, что однажды

весной Бритт Мари Хагстрём, когда ей было всего пятнадцать лет, бродила в смятении чувств. К тому же я пыталась внушить себе, что вообще ничто ничего не значит, но я все это время знала: такая мысль ошибочна. Даже если моя жизнь — всего лишь самая-самая крохотная капля в бурлящем море времени, бесконечно важно, что я счастлива, бесконечно верна и честна, что я работаю и люблю жизнь. Согласна ли ты со мной?

Твой живущий именно сейчас напряженной жизнью друг!

Бритт Мари.

P. S. Когда я шла домой, я мельком видела Стига Хеннингсона. У него великолепный синяк под глазом, и поверь мне, этот фингал очень украшает его физиономию.

Черстин и я

Первая глава

дивительно, как молниеносно может измениться твое существование! Вот здесь мы — я и моя сестра Черстин — все шестнадцать лет нашей жизни ходили по одним и тем же мощенным булыжниками улицам в этом вечно сонном маленьком гарнизонном городке, где никогда ничего не случалось, ну абсолютно ничего! Если не считать того дня, когда мы на пухленьких детских ножках припустили домой от ящика с песком в Стадспаркен¹ и, когда пробегали мимо трехэтажного дома на улице Стургатан, нам на голову чуть не свалился трубочист. Да, а еще в том же самом году, когда мы конфирмовались², сгорел канцелярский магазин Стрёмберга. А кроме этого — ну абсолютно ничего!

Вся наша жизнь была заботливо расписана: это означало — зубрить грамматику и всеобщую историю,

¹ Стадспаркен — городской парк (шв.). — Здесь и далее примечания переводчика.

² Были допущены к причастию (религ.).

биологию и многие другие предметы, которые скопище честолюбивых учителей пустило в ход, чтобы отравить жизнь невинных молодых людей, еще не сделавших в жизни ничего дурного. А еще каждое утро приходилось тащиться в нашу дорогую старую школу, если ненароком с тобой не приключался хоть какой-нибудь маленький недуг, который мог бы оправдать то, что ты остаешься в постели. А после полудня мы, разумеется, фланировали взад-вперед по Стурган до тех пор, пока не начинала болеть спина. Мы шли двести метров вперед и столько же назад. А поворачивали всегда у Моторного акционерного общества Свенссона, бросив сначала взгляд на огромную витрину, чтобы констатировать: не беспокойтесь, некоторые выглядят и похуже. Строго говоря, мне не надо заглядывать ни в какую витрину, чтобы получить представление о своей внешности. Достаточно лишь взглянуть на Черстин, потому что она больше похожа на меня, чем я на самое себя. Заверяю вас, если целых шестнадцать лет вы были близнецами, это накладывает отпечаток, клянусь. И если бы у меня на левой щеке не было маленькой коричневой крапинки, то никто бы так и не узнал, кто из нас Барбру, а кто Черстин. Но во всяком случае, Барбру — это точно я, сей факт установлен раз и навсегда. Не потому, что это играет большую роль, поскольку мы выглядим почти одинаково, и нравится нам одно и то же, и справляемся мы с учебой в школе или, я бы сказала скорее, справлялись еле-еле совершенно одинаково. Мы неукоснительно посещали одни и те же балы в гимназии и танцевали с одними и теми же мальчиками.

Нет, в нашей жизни никогда ничего не приключалось, и лично я даже не пытаюсь помыслить ни о чем другом, кроме как семенить по накатанной колее до тех пор, пока не придет смерть-избавительница. Но вот как-то раз, однако же, кое-что случилось. А поводом послужило просто то, что папе исполнилось пятьдесят лет и он в чине майора вышел в отставку, оставив полк, в котором до того дня служил королю и отечеству. Папа — высокий, крепкий, здоровый и сильный человек, о котором никто и не подумает, что ему хотя бы на один день больше сорока. Поэтому не мог он сидеть сложа руки, дожидаясь своего смертного часа. Он непрестанно размышлял, как ему теперь быть. Некое страховое общество охотно взяло бы его в качестве агента, суля ему, если он согласится там работать, значительные доходы. Но папа был не очень склонен к такой работе. Долгое время он непрестанно размышлял о чем-то и был замкнут настолько, что мы едва осмеливались с ним заговаривать.

— Не мешайте ему, он думает, — говорила, насмешливо улыбаясь, наша красавица мама.

Предоставив папе возможность размышлять в мире и покое, она принималась за собственные дела. Поверхностному наблюдателю показалось бы, что они состоят главным образом в том, чтобы хорошо выглядеть и производить впечатление, будто она только сию минуту сошла со страницы модного журнала. И это лишь потому, что никто и предположить не мог, какой деятельной и энергичной личностью она, вообще-то, является. Папа считал, что можно быть деятельной и все-таки выглядеть как чистокровная английская аристократка. Мама именно такая, и я всегда чувствую

себя рядом с ней маленьким прекрасным жеребенком-арденом¹.

Однажды в вечерний час, наразмышлявшись вдоволь, папа пришел в спальню, где мама как раз сидела перед туалетным столиком, а Черстин и я на кушетке, и с горящими от возбуждения глазами стал излагать свой грандиозный проект, сопровождая слова множеством энергичных жестов.

Папа родился за городом, в старинной помещичьей усадьбе под названием Лильхамра²; она принадлежала его роду с незапамятных времен, не знаю даже, сколько лет. Но папа, единственный сын в семье, стал офицером, а у дедушки было туго с деньгами, да и с земледелием у него не получалось. Бабушка умерла, дедушка стал болеть и в конце концов, устав от жизни, сдал усадьбу в аренду, а сам перебрался в город. Продавать родовое поместье ему не хотелось, так как он считал, что предки не одобрили бы, если бы он расстался с Лильхамрой. Спустя некоторое время дедушка умер и сам стал предком.

Ни Черстин, ни я никогда не видели эту усадьбу. Но все эти годы мы постоянно слышали папины рассказы о его детстве. Тогда он впадал в совершенную лирику и заставлял нас зеленеть от зависти своими пылкими описаниями фамильных привидений, Сочельников в усадьбе, катаний и прогулок на санях, танцев в день летнего солнцестояния, пикников на

¹ Ардены — порода выносливых и работоспособных лошадей-тяжеловозов, выведенная в Бельгии, в районе Арденнской возвышенности.

² Лильхамра — малый каменистый холм, поросший березой (шв.).

берегу озера и многого другого. Так что наши собственные развлечения в городе казались нам невыносимо пресными и скучными. А по весне, как только березы приобретали фиолетовый оттенок, у папы неизменно появлялся мрачный блеск в глазах и он патетично декламировал:

— Я тоскую о земле, я тоскую о камнях, на которых играл ребенком!

Раз в год он проделывал долгий путь в имение, чтобы осмотреть его, проконтролировать арендатора, а когда возвращался обратно, то по меньшей мере две недели был опасен для окружающих.

— Ужасно видеть дом своего детства в разбойничьих руках! — говорил он.

И скрежетал зубами при одной мысли о том, что дорогая его сердцу Лильхамра с каждым годом все больше и больше приходит в упадок.

А теперь папа, со спутанными волосами, в мундире с расстегнутыми пуговицами, стоя посреди спальни, разразился бурным потоком слов. Он напомнил маме о небольшом капитальце, унаследованном им от тетки, сестры его отца, который должен был обеспечить им с мамой безбедную старость. Папа считал абсолютным безумием помещение этих денег в банк, кроме как в ценных бумагах. Он сказал, что вообще-то создан для работы страхового агента и наверняка добыл бы множество выгодных, прекрасных страховок. Он подчеркнул, что ничего не смыслит в земледелии и что ныне для земледелия вообще настали трудные времена.

Он обратил внимание на то, что тем, кто родился в городе, почти невозможно научиться благоденство-

вать в глухом захолустье какого-то селения... А в самый разгар своих разглагольствований папа начал запинаться, огляделся, бросая отчаянные взгляды вокруг, и спросил... не может ли мама подумать о том... короче говоря, не появится ли у мамы, некоторым образом, желание сопровождать его в усадьбу Лильхамра и поселиться там?

Какой-то невероятно напряженный миг стояла мертвая тишина. И вдруг послышался спокойный голос мамы.

— Да, милый Нильс, — чуточку холодно сказала она, слегка подушившись своими тонкими французскими духами за правым ушком, — да, милый Нильс, я этого хочу!

Сначала папа стоял совершенно тихо. Потом на глазах его выступили слезы (у этого милого бедняги, которого так легко растрогать, они всегда появляются в таких случаях). Но вот он подскочил к маме и пылко ее поцеловал.

— Как я влюблен в тебя, — воскликнул он, — как я беспросветно и навечно влюблен в тебя! — А потом чуть более тихим голосом произнес: — Моя милая очаровательная принцесса!

Но рядом сидели мы — Черстин и я.

— У маленьких Патрончиков¹ тоже есть ушки, — строго сказала я.

— Вот именно, — подхватила Черстин. — Подумайте хорошенько, что здесь сидят две абсолютно трезвые, наделенные нормальным слухом личности и слушают, как вы дурачитесь.

¹ Патрончики — так называет дочерей папа-военный.

— А вообще, — добавила я, — что, если бы ты попросил свою милую очаровательную принцессу поджарить нам немного кровяной колбасы?

— О, стыдитесь, Патрончики вы такие, — сказал папа. — Неужели ее королевское высочество должна стоять у плиты, когда у нее есть две великовозрастные дочери?!

После чего Патрончики — это мы — ретировались на кухню и посвятили себя приготовлению еды — разумеется, ненадолго. Но все это время мы слышали из спальни папины пылкие изъяснения, время от времени прерываемые успокаивающими репликами мамы.

Наконец, после долгих «если» и «но», появился совершенно измученный папа, держа маму в объятиях. Он, словно обезумев, танцевал с ней по всей кухне и повторял, что недопустимо иметь в доме таких красавиц крестьянок. И потом в состоянии всеобщей радости мы ели кровяную колбасу. Но посреди всего этого веселья мама спросила:

— А как будет у девочек со школой?

Папа об этом даже не подумал, да и мы тоже. На мгновение всем показалось, что весь его план рухнет из-за нашей злосчастной школы. Папа рвал на себе волосы и горестно восклицал, что он-де не в силах добыть средства, чтобы оплатить наш пансион в городе. Но тут Черстин и я решительно покончили с этим делом и сказали то, что было чистой правдой: мы полагаем наше воспитание практически законченным. Если уж ты, с трудом постигая науки, проберешься так далеко — аж до второго годичного курса гимназии¹,

¹ Всего в гимназиях существовало четыре курса.

то тебе известно все, что нужно знать о местоименных наречиях «en» и «у» во французском языке, и почему глагол «nachfolgen»¹ требует существительного в дательном падеже в немецком языке, и как случилось, что эллинская культура так печально погибла, и все остальное в этом же роде.

— Все это дерьмо кошачье, — сказала Черстин, сделав величественный жест рукой, который мигом свел на нет и поставил на подобающее место всю систему школьного образования.

— И если даже, — вставила я, — студенческие шапочки никогда в жизни не украсят локоны наших черепушек, то маленькие простые и красивые беретки тоже будут нам к лицу!

Мама задумчиво покачала головой, но, поразмыслив как следует, тоже, вероятно, сочла, что поскольку мы никогда не приносили домой более высокой оценки, нежели В⁺², то, может, ничего страшного не случится, если мы покончим со школой вообще. Во всяком случае, это не станет невосполнимой потерей для отечества.

— Ура! — заорали Черстин и я, а папа снова засиял как солнце.

И только тут до нас дошло, что происходит на самом деле: мы едем в усадьбу Лильхамра, в недостижимый, желанный, несравненный замок мечты нашего детства.

Внутренним взором я уже видела себя этакой charmant³ фрёкен из господского поместья, скачущей

¹ Следовать (нем.).

² В⁺ — примерно 3+.

³ Очаровательная (фр.).

по округе верхом на скакуне благородных кровей или порхающей в танцах на умопомрачительных балах в помещичьих усадьбах. Но папа быстро вывел меня из этого заблуждения.

— Больше всего, мои дорогие Патрончики, вам придется работать, — сказал он. — И всем нам придется чертовски экономить! А также распрощаться с бурным и беззаботным городским существованием. Но зато вы унаследуете мои старые земляничные полянки, — заметил он с таким выражением лица, словно даровал нам целый миллион.

И он так долго и красноречиво распространялся об этих земляничных полянках, что мне довольно скоро стало ясно, что если я сойду с пути в этой жизни, так исключительно из-за того, что в детстве у меня не было собственных земляничных полянок.

— Это святейшее и неотъемлемое право каждого ребенка — иметь свои земляничные полянки! — уверял папа.

И эти его слова производили впечатление, будто земляничные полянки в усадьбе Лильхамра куда важнее, чем земледелие и даже скотоводство.

Вечера наши проходили теперь в веселой болтовне и сладостных мечтах о будущем, а папа вновь и вновь делился с нами воспоминаниями своего детства. Они и всегда-то были новы и восхитительны, но теперь, когда мы знали, что вскоре увидим воочию все то, о чем он рассказывал, его слова становились для нас куда более живыми.

— Барбру, — вдруг сказала Черстин, — об этом необходимо возвестить всему изумленному миру! Для

снотов это будет потрясающей сенсацией из жизни Патрончиков! Идем немедленно!

— О да! — сказала я. — Какие удивленные глаза они сделают, когда услышат, что мы проведем дни нашей жизни в большом господском поместье!

— Ты сказала, в *большом* поместье! — удивился папа. — Нет, моя девочка, Лильхамра невелика! Она с огромным трудом может прокормить пятнадцать коров, четырех лошадей, двадцать овец, несколько поросят и кур, одну принцессу и двух Патрончиков. И старого отставного майора!

Вторая глава

Никогда не забуду я тот миг, когда впервые увидела усадьбу Лильхамра. Стоял мартовский день, дули ветры, канавы переполнились талой водой, а в воздухе веяло ранней весной. Мы приехали в автомобиле из маленького поселка, находившегося в полумиле¹ от усадьбы. Этот поселок для нас — крайний форпост цивилизации. Именно там мы покупаем кофе и нейлоновые чулки, и именно туда мы ездим, когда нас одолевает тоска по пирожным со взбитыми сливками.

Дорога была узкой и извилистой, она шла через лес, который, казалось, был взят прямо из альманаха «Среди домовых и троллей»². И она все время вела вверх. Холмы один выше другого громоздились

¹ Шведская полумилля — 5 километров.

² Популярный альманах «Среди домовых и троллей» выходил в Швеции в 1907 — 1937 гг. и принес известность многим авторам литературных сказок страны. Таинственный волшебный сказочный мир по заказу этого альманаха создал молодой талантливый художник Йон Бауэр (1882 — 1918).

перед нами, и напоследок мне в самом деле пришлось спросить папу, где находится наша усадьба — выше или ниже границы деревьев. Но добиться ответа от папы было невозможно. Он сидел в машине согнувшись, упрямо уставившись в какую-то отдаленную цель, и лишь время от времени давал нам кое-какие краткие пояснения, например:

— Маленьким я чуть не утонул в этой луже!

Или:

— На этой скале я однажды порвал брюки.

Или:

— Когда мне было десять лет, я ободрал кору с этой осины. И дедушка задал мне трепку!

Я попыталась представить себе, как выглядел папа в то время, когда с ним случались такие истории, но я соврала бы, сказав, что у меня это получилось. Разумеется, я могла себе представить, как он карабкается на осину или съезжает с горы на ягодицах. Но тот, кто некогда обдирал дерево и съезжал с горы, был теперь довольно полным майором с намеком на седину на висках. А это уже выглядело довольно забавно. Хотя и приятно осознавать, что именно твой папа когда-то бегал здесь по всей округе. И я почувствовала что-то похожее на прилив нежности к той осине, с которой он ободрал кору.

Мало-помалу лес расступился, и по обеим сторонам дороги мы увидели заросли чернолесья и поля, где как раз таял последний снег. В конце концов мы миновали аллею высоких тополей, и я увидела, как папа форменным образом застыл в напряженном ожидании. Вдруг автомобиль резко затормозил. Вот тут-то и находилась та отдаленная цель, к которой папа

стремился. Тут находилась Лильхамра. Задыхаясь от восторга, я всеми фибрами души впитывала развернувшуюся перед нами панораму: низкое белое одноэтажное здание с проломленной крышей. Множество мелких оконных стеколец пылали как огонь в отсветах заходящего солнца. Два флигеля. А высоко над крышей усадьбы две огромные липы вздымали свои голые вершины навстречу весеннему небу.

Я не смела смотреть на папу, так как знала, что на глазах у него слезы! А хуже этого я ничего не знаю! Но... довольно странно... на самом деле я тоже была чуточку растрогана и почему-то испытывала ощущение, словно вернулась домой. Думаю, Черстин чувствовала примерно то же самое, потому что она подозрительно помаргивала ресницами.

Какие бы чувства ни испытывала мама, она их не выказывала.

— Поездка окончена, — только и сказала она, вылезая из автомобиля.

— Да, — подхватил папа, — здесь мы останемся, пока не переселимся на кладбище.

У калитки стоял невысокий толстенький человек лет пятидесяти, с золотисто-льняными волосами и дружелюбнейшими светло-синими глазами. Он поздоровался со всеми нами за руку, и папа представил его. Звали толстячка Юхан Русенквист, и был он своего рода старостой на полевых работах и в усадьбе. Тогда я еще не знала, что он станет одним из моих лучших друзей. Мы поздоровались и с другими обитателями усадьбы: со скотником весьма скромного вида — его звали Ферм — и с его женой, выглядевшей явно более решительно, а еще с их детишками; детишек была

примерно дюжина. Далее имелся еще один работник, веселый и краснощекий парень по имени Улле. Папа оставил их в усадьбе, унаследовав всех от арендатора. Кроме того, папа нанял, по его словам, одну из самых великолепных юных девиц округи в качестве служанки. Звали ее Эдит, и она прибыла с самого утра, чтобы затопить печи в доме и сварить кофе к нашему приезду.

Лильхамра понравилась мне с первого взгляда решительно и бесповоротно. Понравились мне и дружелюбные глаза Юхана, и непритязательность Ферма, и веселость Улле. Некоторое время я колебалась, прежде чем решить, нравится ли мне и фру Ферм, но, в конце-то концов, даже малопрятный с виду человек может просиять, как луч солнца.

С трепетом и сомнением переступила я порог усадьбы. Откуда мне было знать, как там в доме! Но вскоре нам с ужасающей очевидностью стало ясно: там по меньшей мере уныло. Арендатор махнул на все рукой и долгие годы не платил аренду, папа тоже махнул рукой и перестал оплачивать ремонтные работы, а арендатор снова махнул рукой и уехал вместе с семьей, не убрав за собой.

— Упаси Бог!.. — были первые слова, которые произнесла мама.

Папа явно безумно нервничал. Когда с маленькой прелестной принцессой прибываешь в замок своей мечты, становится немного досадно, если обои развеваются, словно флаги, а во всех углах огромные крысиные норы.

— Мы всеотремонтируем, милая Мауд, мы всеотремонтируем, — боязливо заверял папа.

— Да, хотела бы я в это поверить, — чрезвычайно твердо произнесла мама.

— Добро пожаловать! — поздоровалась с нами на кухне Эдит.

Ее веселая ухмылка обнажила всю челюсть. У нее и в самом деле был сварен кофе, показавшийся нам великолепным, ведь даже на тепловатом мартовском ветру, все равно становится зябко. Мама ходила по всему дому, осматривая его придирчиво-пристрастным взглядом хозяйки, заставлявшим папу дрожать, как испуганное животное.

— Такую изысканно скверную железную плиту надо еще поискать, — сказала мама, постучав по дымогарной трубе, да так, что в воздухе закружилась сажа. — И не очень удобный кухонный шкаф, — добавила она.

Затем, взглянув на потолок, мама заметила:

— Пожалуй, неплохо, когда в крыше пролом, но, по-моему, он не должен быть *настолько* большим, чтобы в доме шел дождь, так мне кажется.

После такого высказывания мы забеспокоились не меньше папы. Подумать только, а что, если Лильхамра так плоха, что мы не сможем здесь жить! Больше всего я переживала из-за папы, потому что знала, как он радовался нашему переезду, да и мы тоже. Но папа абсолютно не в состоянии радоваться тому, что не одобряет мама, и он выглядел ужасно подавленным, когда, обняв ее за плечи, спросил:

— Как по-твоему, мы сдадимся без боя, бросим все это и попытаемся продать усадьбу или сдать ее другому арендатору?

— Сдадимся?! — удивленно воскликнула мама. — Сдадимся?! Ты с ума сошел!

Затем, потеряв руки, воскликнула:

— *Как чудесно* взяться за дело и навести здесь чистоту и порядок!

Тут мы — папа, Черстин и я — испустили такой вздох облегчения, который, уверяю вас, слышен был во всей округе.

— Но это будет стоить колоссальных денег, прежде чем все станет так, как мы хотим, — добавила она.

Папу это не обеспокоило, по крайней мере тогда. Он сразу же невероятно оживился, заговорил о «белом доме моего детства» и стал шумно декламировать:

— Прислушайся к шелесту ели, у подножия которой твой домашний очаг!

И мы вошли в так называемую залу, простиравшуюся вдоль почти всей задней части дома.

— Это, — сказала мама, — самая красивая комната, какую я когда-либо в жизни видела.

Поскольку обои выглядели там еще хуже, чем в остальных комнатах, если только это возможно, а краски на дверях и окнах все равно что не было вовсе, я сначала подумала, что мама пошутила. Но явно — нет, потому что, приглядевшись получше, я тоже увидела, что это на самом деле *была* красивая комната, хороших пропорций, с уютным открытым очагом у одной из продольных стен, со встроенными книжными полками, которые семья арендатора явно использовала, судя по пыльным следам, как место хранения своего лучшего фарфора. А какой вид открывался из окон! Вечернее солнце струилось в залу, а за окнами раскинулся парк с вековыми дере-

вьями, ветви которых резко и отчетливо вырисовывались на фоне неба. Вдали, между деревьями, виднелось озерцо с плавающими глыбами льда.

— Это будет наша общая комната, — сказала мама. — А в маленькой комнате, ближайшей к кухне, устроим столовую.

Оставались лишь три комнаты и боковушка для прислуги, потому что Лильхамра в самом деле небольшое имение. Папе нужен был рабочий кабинет, одна комната предназначалась для спальни, а еще маме ужасно хотелось наконец-то иметь совершенно отдельную комнату для себя. Это выглядело угрожающе для меня и Черстин. Но тут папа сказал:

— Патрончики будут жить в правом флигеле!

Черстин и я обменялись взглядом, полным взаимопонимания. Никаких громких торжествующих завываний, ни в коем случае никаких завываний! Мы попытались сделать вид, что нам абсолютно безразлично, где жить. Но тут папа, задумчиво нахмутив лоб, продолжил:

— Хотя, может, не так уж это и хорошо, потому что тогда мы потеряем над ними всякий контроль!

— Думаю, что Черстин и Барбру отлично могут контролировать самих себя, — спокойно сказала мама.

— Во всяком случае, я абсолютно готова за небольшую плату взять на себя контроль над Черстин, — сказала я.

— Я понимаю, что вы боитесь за Барбру, — вступила в разговор Черстин, — но ее вы абсолютно можете передать в мои надежные руки. Будьте уверены, я стану внимательно наблюдать за ней! Так и запишите!

Мы, естественно, тотчас же ринулись в правый флигель, чтобы осмотреть наше будущее жилище. Правый флигель состоял из двух комнат с маленькой прихожей между ними. Там все тоже изрядно пришло в упадок, но мы прыгали от радости при мысли о том, как все будет выглядеть, если только удастся осуществить наши идеи по обустройству флигеля. Мы бросили жребий, кому достанется комната с утренним солнцем, а кому — с послеполуденным. Мне досталось утреннее солнце и вишня под окном, зато Черстин кроме послеполуденного солнца получила очаровательнейшую печь и самый лучший платяной шкаф.

Когда мы решили этот вопрос, пришел папа и спросил, не хотим ли мы пойти с ним на скотный двор и в конюшню познакомиться с четвероногими обитателями усадьбы Лильхамра. Мы охотно согласились. Юхан Русенквист присоединился к нашему обществу, чтобы, так сказать, представить нас всем лошадям, коровушкам и телятам.

Черстин и я тотчас завели с ним оживленный разговор, и я вежливо спросила:

— Давно ли вы, господин Русенквист, живете в усадьбе?

— С тех самых пор, как ихний папа и я стреляли ворон из ружья ихнего папы, которое висит в гостиной, и сооружали водяные колеса в ручье Стурбэккен¹, — ответил господин Русенквист. — А вообще-то никакой я не господин, а звать меня всего-навсего Юхан.

— Мы с Юханом совершили вместе немало хулиганских проказ, уж поверьте мне, — сказал па-

¹ Стурбэккен — большой ручей (шв.).

па. — И пожалуй, с ними еще далеко не покончено.

Совершенно естественно оказалось называть его просто Юхан, а он звал нас либо по имени, либо «она» и «ей».

— А теперь ей надо поглядеть на быка, — сказал он мне, когда мы пришли на скотный двор и нам в нос ударил тепловатый запах хлева.

Бык показался нам огромным великаном, и, если верить маленькой черной табличке, висевшей над его стойлом, имя быка было Адам Энгельбрехт.

— Адам Энгельбрехт — такое честное имя¹, — сказал папа.

Мы ходили повсюду и осматривали все подряд — коров и телят, лошадей, овец и поросят. Папа казался очень довольным, но, быть может, чуточку обеспокоенным. Он оставил себе всю живность и все хозяйство арендатора, животных, машины, инструменты, снасти... «А снасти все, одно слово, дерьмо». Юхан высказался скорее правдиво, нежели так, как подобает воспитанному человеку.

— Да, здесь придется выкладывать денежки, — повторил папа точь-в-точь те слова, которые произнесла мама.

И эти слова звучали тревожно именно потому, что их произносили то и дело.

В конце концов мы познакомились со всеми живыми существами в усадьбе Лильхамра. Единственный, с кем не довелось поздороваться, был семейный призрак,

¹ Энгельбрехтссон Энгельбрехт (?—1436) — вождь народного восстания в Далекарлии против датчан в 1434—1436 гг.

фамильное привидение — Черная дама, которой папа пугал до умопомрачения Черстин и меня, когда мы были маленькими. Обычно по вечерам он усаживался возле нас и наводящим ужас глухим голосом рассказывал о том, как каждый год под Рождество ровно в двенадцать часов она являлась в парке усадьбы.

— Каждую рождественскую ночь она делает один лишний шаг, а когда в конце концов переступит порог дома, он сгорит дотла, — говорил папа, вращая глазами; в конце концов приходила мама и давала ему основательную взбучку за то, что он портит наши нервы и ночной сон. Папа же уверял, что сам однажды видел Черную даму, и теперь мы попросили его показать то место, где это произошло, так как были серьезно обеспокоены тем, что Лильхамра может в любой миг сгореть. Показания папы были несколько неопределенны, но в конце концов он решился назвать отдаленный угол парка. Мы немедленно отмерили шагами расстояние до нашего жилого дома и пришли к приятному выводу, что Лильхамра, при нашей жизни во всяком случае, не сгорит, если только эта злобная коварная старуха не примется осквернять ночь под Рождество, бегая и делая тройные прыжки, как спортсменка. Мы между тем решили, на всякий пожарный случай, в следующую ночь под Рождество выйти в парк и показать ей страховку от пожара и пожарный насос. Тогда, быть может, она чуточку успокоится и возьмется за ум.

Солнце зашло, подул резкий пронизывающий ветер. Взяв папу под руки, мы пошли к маме. С помощью Эдит она распаковывала самые необходимые вещи. В доме было холодно и жутко неуютно.

— От вас пахнет скотным двором, — констатировала мама.

— Да, с этих пор запах хлева станет для нас постоянным ароматом, — твердо пообещал папа.

Мы немного поели из запасов, что взяли с собой, и выпили горячего чаю, чтобы согреться. Потом нужно было лишь попытаться найти себе среди всех этих чемоданов место для сна. Я никак не могла отыскать свою зубную щетку, а пижама оказалась влажной. Черстин и я поставили рядом — посреди столовой — две раскладушки. А когда сосчитали, сколько оконных стеколец в комнате (что необходимо делать всякий раз, когда спишь на новом месте, если хочешь увидеть сон, который потом сбудется), мы легли между холодными простынями и попытались убедить себя, что это чудесно! Никаких штор не было, и мрак стеной стоял за окнами. Шелестели верхушки деревьев, и я подумала: женщины капризны, так что кто его знает — не явится ли сюда, вопреки всему в середине марта, делая широкие шаги, Черная дама.

А дома, на Стургатан, как раз теперь было светло. Наверняка сейчас там Бенгт и Йёран прогуливаются и забыли уже Черстин и меня. «Ха, — с горечью подумала я, — теперь у Гарриет и Лены, вероятно, наконец появился шанс». А вечером состоялась премьера в Гранд-театре. Я вздохнула.

— Не будешь ли ты, Барбру, столь любезна проспрягать глагол *mourir*¹, — услышала я голос с соседней раскладушки.

¹ Умирать (фр.).

И не зная я, что это Черстин, я подумала бы, что наша учительница французского языка лежит там, ведь Черстин абсолютно точно, тютелька в тютельку, скопировала ее манеру говорить и ее слова.

— Охотно, — ответила я. — При условии, что Черстин сделает сначала доклад о возникновении нововавилонского государства, — продолжила я, пытаюсь говорить как лектор¹ Линдберг.

— А ты, Барбру, не перечислишь ли несколько растений из семейства масличных? — поинтересовалась Черстин.

Она говорила уже на сконском² наречии, как наш учитель биологии.

— А ты, Черстин; может, заткнешься, чтобы можно было заснуть? — сказала я, потому что теперь наконец, когда я заставила себя задуматься, мне стало совершенно ясно: будет ли премьера в Гранд-театре или нет — прекрасно жить в усадьбе Лильхамра. А теперь я хочу только спать, только спать...

¹ Преподаватель высшего учебного заведения (шв.).

² Сконе — одна из южных провинций Швеции.

Третья глава

х какое время! Какие дни были в первые недели нашей жизни в усадьбе Лильхамра, какое время! Это была борьба не на жизнь, а на смерть со всякого рода ремесленниками — столярами, малярами и обойщиками. С рабочей силой было туго; маме в конце концов удалось заманить в дом двух столяров и соблазнить их взяться за дело и настелить новый пол на кухне. Они уже сорвали бóльшую часть старого, и тут-то оба старика решили устроить небольшой перерыв, чтобы построить новый скотный двор в совершенно противоположном конце прихода. Правда, тогда они, разумеется, ничего не знали о том, какой, собственно говоря, личностью была мама. Как только они узнали об этом — произошло это довольно скоро, после того как в один прекрасный день мама навестила их в самый разгар строительства скотного двора, — они тотчас же, бросая испуганно-косые взгляды на маму, вернулись, чтобы настелить пол в нашей кухне.

В доме стоял ужасный запах клея и краски. Мы бродили по всему дому, бросая убийственные взгляды по сторонам, и повсюду натыкались на ведра красок, а иногда на голову падала деревянная колода. Мама, облачившись в комбинезон, командовала битвой, как настоящий полководец. Она воодушевляла свои войска, перемежая добрые советы жуткими угрозами. Она рисовала стенные кухонные шкафы, выбирала обои и утешала папу, приходившего в отчаяние при мысли о том, сколько денег будет стоить такой ремонт. Папа частенько сидел в своем кабинете, читая книги по земледелию, а для нас было безумным удовольствием видеть, что кто-то так неистово занимается зубрежкой. Время от времени мама заходила к нему с каким-нибудь новым счетом, и мы слышали, как он издавал мучительные стоны: «О-о-о-ох!», сила и горечь которых приумножались в зависимости от суммы счета.

Черстин и я, правда, тоже не сидели сложа руки. Хотя за стенами дома было много соблазнительного и притягивавшего нас, но именно сейчас у нас не было на это времени. Мама была полностью занята своими ремесленниками. Эдит приходилось помогать, когда доили коров, обихаживать кур и делать тысячу разных других вещей, так что на нашу долю выпадало довольно много работы: мы мыли посуду, готовили еду и убирали дом. Но как бесконечно прекрасно было делать что-то своими руками! Я совершенно не мечтала вернуться обратно за школьную парту, где нужно спокойно сидеть, пока не почувствуешь, что все тело твое окостеневает и тебя начинает обуревать страстное желание кричать и размахивать руками. Я блаженствовала, бегая в постоянной спешке, а когда мы постепенно

начали наводить порядок в хаосе дома, нас охватило восхитительное чувство удовлетворения. В конце концов порядок был наведен. Когда последний ремесленник наконец пустился в путь по аллее, чтобы уже никогда не возвращаться обратно, мы вздохнули с чувством глубокого облегчения, а Эдит, Черстин и я взялись за работу — вымыли все полы в доме и смыли всю краску с оконных стекол.

— У меня руки шершавые, словно наждачная бумага, — пожаловалась Черстин. — А у тебя?

— Убедись сама, — сказала я, проведя своей красной и мокрой ручищей по ее щеке. — Если мои руки не бархатные, то наверняка что-нибудь в этом роде.

— Такая пустота: идешь, а стружка не цепляется за пальцы ног, — сказала Черстин, оглядываясь в нашей свежeweымытой кухне.

В теперешнем виде кухня была такой отрадой для глаз! Она казалась попросту совсем другой кухней, а вовсе не той, что мы увидели по приезду в усадьбу Лильхамра. Теперь здесь была новая красивая железная плита, на полу лежал новый пробковый ковер, практичные и удобные шкафы стояли у голубых крашенных стен, а над всем возвышался побеленный потолок. На окнах висели маленькие прелестные хлопчатобумажные занавески в мелкую голубую и белую клетку, а на большом столе красовалась новехонькая клеенка, — за ним мы и сидели, закончив работу, Эдит, Черстин и я. Эдит поставила на стол кофе и свежееиспеченные булочки. Мы макали булочки в кофе и обменивались с Эдит мыслями о жизни и любви. Эдит выказала большую осведомленность как в том, так и в другом вопросе. Она была к тому же такая

веселая, что нам не хотелось покидать ее, когда пришла мама и спросила, не хотим ли мы пойти посмотреть общую комнату. Там мама весь день пребывала в полном одиночестве, и нам не терпелось увидеть результаты этого затворничества. Папа сидел в своем кабинете, погруженный в чтение книги «Учение о домашних животных», часть первая, но мы потянули его за собой, и, когда мама распахнула двери в общую комнату, ощущение было, я думаю, примерно такое, словно видишь, как поднялся занавес на премьер в опере.

То была красивая комната! То была неопишимо красивая комната со светло-золотистыми стенами и цветными кретоновыми шторами на окнах и со всеми нашими книгами на встроенных книжных полках! А на одной из стен — портреты дедушки и бабушки, которые наконец вернулись туда, где им, собственно говоря, и надлежало висеть. В открытом очаге горел огонь, а на журнальном столике стояла белая чаша с фиалками, которые Черстин и я в тот день собрали в парке. Мы сели всей семьей на диван перед огнем, и папа сказал маме:

— Ты была прилежна, моя милая девочка, ты была необычайно прилежна!

— Ну а мы разве нет? — спросили Черстин и я, показав наши отмеченные тяжким трудом кулачищи.

Нам казалось, что и мы действительно заслуживаем хотя бы маленькой похвалы. И мы получили ее. А потом мама хвалила папу за множество разных дел, а папа начал пыжиться, как петух, и поклялся, что осенью, прежде чем опадут листья, Лильхамра станет самым красивым и самым ухоженным имением во всей

округе. Мимоходом коснулся он небольшой части своих планов, и мне показалось, что для того, чтобы осуществить хотя бы половину из задуманного им, понадобится по меньшей мере несколько жизней. Мама, конечно, одобрила далеко не все, но, когда он сказал, что велит оборудовать в старой пивоварне финскую сауну, она проявила большой энтузиазм. И наоборот, отвергла его идею устроить псарню для овчарок. А когда папа заявил, что хочет построить еще и несколько теплиц — выращивать помидоры на продажу, она, словно защищаясь, отмахнулась, хотя папа уверял, что это принесет целое состояние.

Когда огонь погас, а папа при содействии мамы уразумел, что ему следует и чего не следует делать, настало время пойти в наши комнаты в правом флигеле, которые папа окрестил Гнездовьем Патрончиков. Мы уже полюбили наше Гнездовье страстной любовью, какую испытываешь только к своей неотъемлемой собственности. Нам в известных границах разрешили обставить наши комнаты точь-в-точь так, как мы хотели, и мы сами выбрали себе обои и шторы.

Левый флигель стоял заколоченным аж со времен дедушки. Он не входил в договор об аренде, так как дедушка намеревался разместить там мебель, которую он не мог взять с собой в город, но с которой не желал расстаться. Все эти годы мама с папой знали, конечно, что там стоит мебель. Однако же, когда в один прекрасный день мы во главе с мамой впервые отворили скрипящую дверь левого флигеля и сунули наши любопытные носы в затхлую, пахнущую пылью темноту, для Черстин и меня это было равносильно открытию золотых приисков в угодьях усадьбы Лильхамра.

Войти туда было все равно что отправиться в какую-нибудь исследовательскую экспедицию. Мы позвали на помощь Улле, чтобы он выудил мебель на свет божий. Часть ее оказалась просто хламом, многое уничтожено в потоке времени, но часть обстановки была такова, что самой маме пришлось выразить свое восхищение в восторженных восклицаниях. Самые красивые вещи, конечно же, конфисковала мама. Они потребовались ей, чтобы заполнить большие комнаты. Но нам, в наши полные ожидания кулачки, тоже перепали кое-какие крошки с господского стола, и мы целый день надрывались — таскали мебель и без конца переставляли ее, пока наше Гнездовье не стало наконец таким, как было задумано.

Кровати полированного орехового дерева из спальни дедушки и бабушки мы взяли себе, без всякого сожаления распрощавшись с двуспальным диваном, прежде служившим местом нашего отдохновения. Большая битва разгорелась из-за старого бюро с откидной крышкой, которое каждая из нас хотела взять себе. Черстин утверждала, что, поскольку она на десять минут старше меня, бюро должно отойти к ней по праву первородства. Эти десять минут она извлекает всякий раз, когда появляется что-то, чем ей хочется завладеть. Я ответила Черстин, что считаю подобные речи предательским фокусом с ее стороны и что она, как более старшая и более разумная, должна уступить это маленькое несчастное бюро своей младшей сестренке. Но поскольку Черстин так упрямо настойчива, а я всегда питала уважение к старости, то я, так и быть, вместо бюро удовольствуюсь красивым письменным столом красного дерева. И не успела се-

стрица опомниться, как я поспешно конфисковала еще и маленькое удобное кресло-качалку, намереваясь темными осенними вечерами укрыться в нем от всех беспокойств и горестей этого мира. Бóльшая часть нашей белой мебели из детской и той, что мы привезли из города в усадьбу, досталась Эдит. И она обрадовалась этому, полагая, что мы просчитались, совершив такой дурацкий обмен! Мы сохранили только книжные полки, куда поместили все наши книги. Черстин хотела сложить учебники в чемодан, стоявший в платяном шкафу, но я решила выставить свои на полку, потому что все-таки не собиралась изгонять из памяти школу, одноклассников и учителей, к тому же книги эти стали постоянным источником радости оттого, что их никогда больше не надо будет читать. А ведь еще можно себе представить, что в один прекрасный день в твоих знаниях обнаружится пробел, который необходимо будет восполнить!

Ведь Черстин и я в школе никогда не были особо прилежны, но никто не может отрицать, что в практической домашней работе мы обладаем изрядной сноровкой. Мы сами сшили шторы, украсили кровати орехового дерева колышущимися воздушными пологам, хотя Эдит уверяла нас, что это лишь собиратели пыли. Когда позже нам достались несколько лоскутных ковриков, которые мама купила у одной старушки торпарки, мы радовались нашему Гнездовью, считая, что никаким девочкам на всем земном шаре не живется так уютно, как нам!

— Все-таки не так уж глупо быть «*charmant* фрёкен из господской усадьбы», Черстин, — сказала я, и она была полностью со мной согласна.

Четвертая глава

ет, не так уж глупо! Но потребовалось немало труда, чтобы начать новую жизнь. Во всяком случае, папе пришлось тяжелее всех! Нелегко на старости лет осваивать совершенно новую профессию, и он принялся за дело с таким усердием, что его рвение было просто трогательно. Он просиживал полночи, читая о кормовых культурах и дренаже, о самых распространенных заболеваниях домашнего скота, и с детским доверием обращался к окрестным крестьянам за помощью и советом. Особенно прилепился он к нашему ближайшему соседу, адвокату Самуэльссону из усадьбы Блумкулла¹, и всякий раз, когда заседатель появлялся в наших краях, папа, словно ястреб, набрасывался на него и буквально заставлял заглянуть к нам выпить кофе, а когда ему удавалось втиснуть Самуэльссона в кресло у себя в кабинете, он ухитрялся выжать из него небольшую лекцию об оптимальных со-

¹ Блумкулла — цветочный бугор (шв.).

ставах минеральных удобрений для глинистых почв и добавок еще о многом другом. Теперь, принося в папин кабинет поднос с кофе, я слышала только «калий», «чилийская селитра», «суперфосфат». Казалось, минеральные удобрения буквально кружатся в воздухе, а папа взирает на Самуэльссона, словно маленький школьник на высокочтимого учителя.

Юхан также старался изо всех сил помочь папе постичь тайны земледелия. У папы рождалось множество безумных проектов, и когда он излагал их Юхану, то неизменно получал один и тот же ответ:

— Па мне, дак ему энто дельть ни к чаму!

В конце концов папино терпение лопалось, и он рычал:

— Кто, собственно говоря, здесь хозяин — я или ты, Юхан?

И Юхан невозмутимо-спокойно, как всегда, отвечал:

— Видать, вы, майор! Только па мне, дак ему энто дельть ни к чаму!

А после того как Юхан скажет свое слово, дискуссию можно считать оконченной.

Все чаще и чаще крестьяне из окрестных усадеб появлялись у нас. Думаю, помощь невежественному майору из усадьбы Лильхамра превратилась для них в настоящее народное гулянье. Как приятно, должно быть, выложить все свои познания тому, кто так благоговейно тебя выслушивает! Папа, естественно, совершал множество ошибок, о которых наверняка рассказывали и разглагольствовали на пирах во всем приходе, а прежде всего на молокозаводе в поселке, куда каждое утро крестьяне свозили молоко от своих

коров и где они каждое утро блистали друг перед другом. Черстин и я тоже привозили молоко из нашей усадьбы. Вначале с нами ездил и Юхан, потому что никто по-настоящему не верил, что мы сумеем править лошадьми. Но в конце-то концов, мы ведь дочери кавалериста, и вот так мало-помалу нам полностью доверили развозку молока. Вставать по утрам надо было рано, и мы с Черстин ездили на молокозавод по очереди. Каждый второй день удавалось выспаться. Развозить молоко было весело, и на дворе молокозавода мы перезнакомились почти со всеми обитателями здешних мест. Я, широко раскрыв глаза и наострив уши, слушала их разговоры — за всю свою жизнь я никогда не встречала такого множества веселых и интересных людей, да еще с таким чувством лукавого юмора. Они были и благожелательны, и добры! Почти все... Но однажды, когда я оставила лошадку Блаккен на дворе молокозавода, я услышала, как крестьянин из усадьбы Лёвхульт¹, стоявший ко мне спиной, заявил в самом что ни на есть надменном тоне:

— Этакий крестьянин-барин! В земледелии он смыслит куда меньше моего... Ну и чудно-то будет, коли он не разорится!

Я поняла, что они говорят о папе. Ну и разозлилась же я в ту минуту! Просто жуть! И подумала, что не стану, черт возьми, просить помочь мне отнести бидон с молоком. Я тужилась изо всех сил, пытаясь снять его с повозки, но почувствовала, что мои жилы вот-вот лопнут. Тут подоспел крестьянин из

¹ Лёвхульт — лиственный лесок (шв.).

Лёвхульта и, презрительно ухмыляясь, поднял бидон и поставил на землю, а я не успела помешать ему. И надо же, чтобы именно он помог мне!

— Спасибо, — как можно развязней поблагодарила я его, надеясь, что выгляжу так, словно и я, и все мое семейство успешно сдали на прошлой неделе экзамен в Альнарпском высшем сельскохозяйственном училище. А потом я на огромной скорости помчалась домой, пошла прямо к папе и излила ему все свое негодование, но он только рассмеялся и сказал, что крестьянин из Лёвхульта имеет полное право выказывать свое превосходство, потому что на самом деле он — человек профессионально сведущий, чего нельзя сказать о нем самом.

— Однако, — заявил папа, — если я какое-то время буду делать эту работу, то я во всяком случае узнаю о земледелии не меньше семейства из Лёвхульта, а это ведь цель, к которой можно стремиться.

Как уже говорилось, мне нравилось возить молоко на молокозавод. По дороге туда я с бешеной скоростью мчалась вниз по склону каждого встречного холма. Молоко плескалось в бидонах, ну просто одно удовольствие, а я всерьез беспокоилась, что, пока я доеду, оно, сбиваясь, превратится в масло. Поездка домой тоже была чудесной. Весна в этом году наступила рано, и, пока Блаккен трусила тихой рысью в гору, я сидела, опустив вожжи, и предавалась изумительным наблюдениям, а солнце грело мне спину. Над верхушками деревьев слышались трели зябликов и синиц. Пахло смолой, и влажным мхом, и лошадьё. Я ощущала свою близость к земле и была счастлива так, как никогда прежде, и думала сделать что-то

важное, отблагодарить жизнь, такую добрую ко мне. Я принимала самые разные возвышенные решения: попытаться тоже быть доброй и приятной и не доставлять никаких неприятностей маме с папой, никогда не огрызаться в беседах с Черстин или с кем-нибудь другим... И когда в конце концов, дребезжа бидонами, повозка въезжала на аллею и сворачивала на скотный двор, я была так тронута своим собственным благородством, что едва не плакала. Надо же!

Иногда, если повезет, удавалось задержать Юхана, прежде чем он отправится в наши уголья. Дорогой Юхан! Часок беседы с ним — именно то, что нужно. Удивительно — Юхан узнавал обо всем, что творилось в околотке, почти в тот самый миг, когда это случалось. Он знал всех и каждого, а прежде всего — каждую лошадь на расстоянии многих миль в округе, потому что лошади были его страстью и он, слыша ржание, догадывался, кто из крестьян проезжает мимо. В свободное время Черстин и я следовали за ним по пятам, как две собачонки, и благодаря этому знали, что делается в нашем приходе, а кроме того, колоссальное количество еще более полезной информации оседало в наших невежественных черепушках. Юхан был очень привязан к папе и не скрывал своего восхищения мамой. Стоило ей появиться поблизости, как он с наслаждением вдыхал слабый аромат духов, постоянно овевавший ее, а потом с явным одобрением говорил нам — мне и Черстин:

— Дух от ее, как от цельной аппотеки!

Однажды он повредил себе палец, и мама провела его в свою маленькую комнатку, чтобы перевязать рану.

Остановившись на пороге, он глубоко вздохнул и сказал:

— Хе-хе, ну и дух здесь... пахнет курениями да лададаном. Хе-хе!

Несмотря на свои пятьдесят лет, Юхан был холостяком и собирался, по его словам, оставаться им и дальше. «Покедова голова у меня на плечах», — говаривал он.

«Живу я по своей поговорке, — добавлял Юхан, — „Негоже мушшине жить одному, но энто куда лучше“. И так-то горя не оберешься, даже если ты неженатый», — повторял он работнику Улле.

Тот тоже был холостяком, но не желал пребывать в этом звании хотя бы минутой дольше, чем требовалось для того, чтобы уговорить Эдит пойти с ним к священнику. К сожалению, Эдит бурно сопротивлялась его сватовству. Она не желала выходить замуж второпях, а когда час настал, у нее кроме предложения Улле оказалось по крайней мере еще несколько, из которых она могла выбирать. В усадьбе Блумкулла был работник — злейший соперник Улле, и ему-то Улле и сказал, что убьет его, как только у него выдастся свободная минутка. Так что, может, просто повезло, что у Улле, как и у всех прочих в усадьбе Лильхамра, руки всегда были заняты. Постоянно находилась масса работы, которую надо было переделать, к тому же постоянно что-то случалось. В один прекрасный день, например, у кобылы Сиккан появился жеребенок. Когда утром мы вошли в конюшню, то увидели, что рядом с матерью совершенно неожиданно уже стоит на нетвердых ножках маленькое очаровательное

золотисто-коричневое чудо с гладкой бархатистой мордочкой.

А на другой день у коровки Аудхумбы, которую Черстин и я перекрестили в Эльхумлу¹, началось воспаление вымени. Так что случались не одни лишь приятные события. Пришлось тут же послать за ветеринаром. Он явился, страшно торопясь, и ему пришлось разрезать у Эльхумлы один сосок. Ферм и Юхан помогали держать корову, а Черстин и я, стоя на почтительном расстоянии, внимательно смотрели. Но как раз в самый решающий момент Юхан на секунду расслабил руки, и ветеринар жутко разозлился. Он отчитал Юхана так, что от сострадания к нему у меня и впрямь защемило сердце, и я подумала, что теперь-то уж Юхан, верно, огорчится. Но не тут-то было. Когда ветеринар закончил свою работу, на миг наступила тишина. А Юхан, повернувшись к Ферму, вежливо и спокойно спросил:

— Ты слышал, чаво он тут тявкал? Я дак ничаво не слышал.

Черстин и я вечно побаивались, вдруг нагрянет какой-нибудь мор и начнется падеж скота. Ведь до чего тогда будет беспокоиться и огорчаться папа! Думаю, он с удовольствием навлек бы на себя какую угодно, самую страшную хворь, даже чуму, только бы животные были здоровы. Но иногда случалось так, что один за другим в усадьбе рождались телята и подыхали чуть ли не в ту же минуту, и папа горевал так, словно погибала его собственная плоть и кровь, его дети. Чтобы все телята не почили в бозе от этого

¹ Эльхумла — пивная пчела (шв.).

таинственного недуга, ветеринар прописал новорожденным два вида зелья: одно вливали теленку с помощью воронки через пару часов после его рождения, другое для наружного употребления, которым его растирали. Средство это оказалось прекрасное! Телята оставались в живых, а папа ликовал. Но через некоторое время мы узнали, что Ферм, более старательный и скромный, нежели смысленый, перепутал зелья и вливал в телят то, которым их надо было растирать, и наоборот. После этого лечения мне так и не удалось возродить мою детскую веру в ветеринарное искусство.

А еще была у нас большущая толстенная свиноматка, которая к тому же вбила себе в голову, что ей надо приумножать свое потомство и заполнить поросятами всю землю. Но поскольку эта тварь была так жестока, что загрызала своих собственных новорожденных детенышей, необходимо было денно и ночно сторожить ее. Юхан, Ферм и Улле все ночи, перед тем как ей опороситься, поочередно караулили ее в свинарнике.

Но днем им нужно было заниматься своей тяжелой работой, так что мы с Черстин предложили сторожить поросят. Мы просидели в свинарнике всю ночь, и, как назло, свинью угораздило произвести на свет одиннадцать розовых поросят именно в тот момент, когда мы завели оживленную дискуссию на тему: красиво ли, в самом деле, полировать ногти или нет. Мы спасли малюток поросят от прожорливой пасти их мамы, переложив их поочередно за деревянную решетку, после чего совершенно разочарованная свинья, улегшись на бок, заснула.

Все было бы ладно и хорошо, не будь у папы такого множества денежных тревог! Удивительно, как дорого стоило возродить усадьбу и земельные угодья, сколько надо было прикупить всякой всячины, а ведь Лильхамра такая маленькая! Некогда это было самое большое поместье в приходе, но дедушка, а до него дедушкин отец — наш прадед — распродали огромные участки земли окрестным крестьянам. И теперь несчастная маленькая запущенная Лильхамра стояла в окружении великолепных огромных крестьянских усадеб, оснащенных доильными машинами, и тракторами, и сноповязалками, и всевозможной другой техникой, которой у нас не было и которую мы не в состоянии были приобрести.

Мы не раз слышали, как папа сетовал на то, что денег уходит слишком много, но в конце концов так привыкли к этому, что уже не обращали внимания на его жалобы. И по мере того как весна вступала в свои права, мы с Черстин обнаружили, что в нашем гардеробе кое-чего не хватает. Отвозя молоко на молокозавод, я каждый раз видела в магазине Лёвберга при фабрике и в магазине «Мода» несколько действительно шикарных темно-синих брюк из манчестерского бархата с металлическими заклепками. Брюки эти, пожалуй, отлично подошли бы для прохладных вечеров. А еще я подумывала о том, чтобы купить новую спортивную куртку. К тому же нужны были два-три летних платья. Чтобы смягчить наши просьбы, мы решили начать с брюк. Однажды вечером мы неустрашимо ввалились к папе в кабинет и бесцеремонно заявили, что именно сейчас настало очень подходящее время купить нам две пары брюк из перво-

классного манчестерского бархата с блестящими металлическими заклепками и по умеренной цене: всего 28 крон пара. Папа, онемев, смотрел на нас. Трагически, словно Гамлет в предсмертной сцене, вращая глазами, он протянул нам счет на минеральные удобрения. Счет был большим и мог, пожалуй, сломить кого угодно. Ты приходишь и просишь со всей доступной тебе благожелательностью пару брюк, а взамен получаешь семь тысяч килограммов минеральных удобрений, которые бросают тебе прямо в лицо! Мы оскорбленно ретировались, чувствуя, что с нами поступили скверно; в течение нескольких дней мы пребывали в жутком настроении и совершенно не питали склонности к работе. Но однажды вечером, когда мы, болтая, сидели в комнате Черстин, в дверь Гнездовья Патрончиков постучали, и вошла мама. Она принесла нам молоко и бутерброды, и мы неожиданно почувствовали настоящий голод. Пока мы ели, мама спросила:

— Черстин и Барбру, вам понравится, если мы переедем обратно в город?

От страшного испуга мы тут же перестали жевать бутерброды. Переехать обратно в город? Что мама имеет в виду? Да не хотим мы этого! Ни за какие коврижки!

— Лучше смерть! — заявила Черстин.

— Да, но подумайте, сколько прекрасного, чего мы не можем дать вам здесь, если хотим удержать за собой усадьбу, вы получили бы в городе! Бархатные брюки, например!

Мы с Черстин пристыженно посмотрели друг на друга.

— Поймите, — продолжала мама, — нам приходится экономить каждую монетку, чтобы справиться с делом, за которое взялись.

Мы с Черстин скорчились на стульях. Такая чудовищная, кошмарная мысль до сих пор еще никогда не всплывала в наших головах: неужели нам вот так попросту придется покинуть усадьбу?

Но мама еще не до конца расправилась с нами. Она сказала: мы должны помнить — жизнь такова, что невозможно получить все, чего желаешь. Нужно научиться отказываться от своих желаний и уметь выбирать. Надо жертвовать нужным, чтобы получить необходимое, а как раз сейчас самое необходимое для всех нас — Лильхамра. Мы с Черстин только кивали, молчаливо соглашаясь с мамой. А потом она окончательно добила нас, сказав: мол, они с папой заметили, что в последние дни мы стали упрямы, ленивы и всячески отлынивали от работы. А потом добавила: отказываться от вещей и всяких штучек-дрючек — пожалуй, этого еще недостаточно. Есть кое-что поважнее, и это — работа. Только тот, кто работает и учится любить работу, может стать счастливым, уверяла мама.

— Кроме того, — продолжала она, — ваш труд необходим усадьбе, и нам без вас просто не обойтись. Мы сможем сохранить усадьбу Лильхамра, если только все вместе с жаром возьмемся за дело, помните это!

Заключительный аккорд ее речи был эффектным и совершенно неожиданным.

— А эти брюки вы получите, — сказала она. — Потому что раньше были прилежны. А теперь — спокойной ночи!

Мы, Черстин и я, опомнились не сразу. Несмотря на обещание купить брюки, мы сидели с мрачным видом над стаканами с молоком. Нам, по крайней мере мне, было стыдно. Но потом, к счастью, мне вспомнились слова мамы: мы, мол, были прилежны и наша работа колоссально необходима усадьбе Лильхамра. И я сказала Черстин:

— Во всяком случае, это счастье — жить в усадьбе и рабским трудом зарабатывать деньги для старика отца!

Тут Черстин просияла, и тени покинули наши лица.

Пятая глава

один прекрасный день мы устроили себе выходной, поехали на велосипедах в поселок и купили те самые пресловутые брюки. Одновременно мы воспользовались случаем, чтобы выкроить свободную минутку. Почти два часа просидели мы в кондитерской и, до отвала наевшись разных печений и пирожных, превратились почти что в два куба. Мы входили в магазины и выходили оттуда, мы интересовались тканями, которые и не собирались покупать, мы просто шатались по улицам (там было их примерно две), заглядывая во все витрины.

— Быстро, — вдруг сказала Черстин, — взгляни, не высовывается ли из-под платья нижняя юбка, или, может, что-то не в порядке в нашей одежде?

Я посмотрела, но никаких отклонений не заметила.

— Чудесно, — сказала Черстин. — Значит, в том, что на нас оглядываются, виноваты исключительно наши красота и очарование!

Мысль об этом оживила нас до такой степени, что мы еще больше, чем когда-либо, задрали носы. Но как раз в тот момент нашего триумфального шествия, когда мы проходили мимо почтовой конторы, оттуда вышел молодой человек, который, в свою очередь, заставил нас вылупить глаза. Совершенно темноволосый, с загорелым лицом, он походил на южанина. На голове у него ничего, кроме беспорядочной кудрявой копны, не было. Одет он был в очень светлый trench-coat¹, а вокруг шеи с небрежной элегантностью был повязан шарф.

— Чур, он мой, я первая его увидела, — прошептала Черстин.

— Да, — с убийственной иронией откликнулась я, — ясное дело, ты увидела его первая. А вдобавок ты ведь еще на десять минут старше. Но даже если он, вопреки всем ожиданиям, заинтересуется такой ветхой старухой, то как ты считаешь с ним познакомиться? Надеюсь, дорогая Черстин, — и тут я заговорила в таком тоне, который сделал бы честь любой старой тетушке, — надеюсь, ты не принадлежишь к тому сорту девиц, которые заводят знакомства с молодыми людьми на улицах и площадях?

— Можешь быть совершенно спокойна, — с досадой ответила Черстин. — Но если он живет в здешних краях, то, возможно, встречи нам не избежать, ну так, постепенно.

— Да не живет он в здешних краях, — заверила я ее. — Ты, наверное, и сама видишь, что такой

¹ Плащ (англ.).

парень не может родиться здесь, в нашей захолустной дыре. Вообще-то, он наверняка иностранец!

Черстин сказала:

— К сожалению, ты, пожалуй, права.

И мы сошлись на том, что на незнакомце лежит какой-то шикарный отпечаток великосветскости и веет от него ветром дальних стран и чужеземных столиц.

— Меня не удивит, если он прибыл прямо из Парижа! — воскликнула я.

Мы глубоко вздохнули, увидев, как он исчез в книжном магазине.

Черстин надо было идти к зубному врачу, а я, взяв свой велосипед со двора молокозавода, покатила домой. Несколько часов спустя явилась Черстин. Я как раз орудовала граблями, убирая двор, когда она вошла в калитку.

— Дело сделано, — заявила Черстин. — Я уже познакомилась с ним.

— С кем?

— С иностранцем! — сказала она.

— Черстин Маргарета Элисабет, что ты натворила?! — в ужасе заорала я. — Ты навлекла позор на имя, унаследованное тобой от предков?! Неужели, несмотря на все мои предупреждения, ты завела знакомство на улице с дико незнакомым парнем?

— Не горячись, — защищалась Черстин. — Знаешь, когда поднимаешься в гору к нашей усадьбе, таща за собой велосипед все триста метров, а тут по противоположной обочине идет юноша и тащит *свой* велосипед, то, естественно, имеешь право обменяться с ним мыслями о перемене погоды, даже если ты ему не представлена. Мы шли вместе, понимаешь!

— Шли вместе... — строго заметила я. — Ты что, не понимаешь, он шел за тобой! Подозрительный иностранец, вот он кто! Ты выяснила, он жил в Париже?

— Не-а, — тихонько хихикнув, ответила Черстин, — зато довольно долго жил в Йёнчёпинге¹. Он учился там в школе. Отгадай-ка, кто он? Он — сын Самуэльссона из усадьбы Блумкулла, что ты мне дашь за это?!

Вот так и бывает в жизни! Сами того не подозревая, мы были ближайшими соседями настоящего шейха! Разумеется, он отсутствовал большую часть того времени, что мы провели в усадьбе Лильхамра, но во всяком случае... Кто-то же мог нас предупредить!

Он немало успел поведать Черстин, пока они поднимались в гору. И то, что он ходил в школу в Йёнчёпинге, а потом занимался в сельскохозяйственном училище, и что теперь живет в усадьбе, помогая отцу, и что целыми днями работает, а по вечерам учится заочно и читает книги по селекции растений и ведению сельского хозяйства, и еще не знаю что!

Судя по рассказу Черстин, он — совершеннейшее чудовище любознательности и энергии!

Черстин уселась на лужайке, а я продолжала работать.

— Ну, все равно что решено! — помолчав, выпалила она. — Я выхожу за него замуж и объединяю усадьбы Блумкулла и Лильхамра в одну...

— Ты сказала... что, что ты объединяешь? — спросила я, угрожающе подняв грабли.

¹ Йёнчёпинг — административный центр шведской области.

Она повторила свои бесстыдные слова.

— Фиг ты объединишь, — с ударением произнесла я. — Выходи сколько хочешь за этого Адониса¹, пожалуйста, если тебе так уж хочется. Но усадьбы Лильхамра тебе не видать! Она достанется мне. Я сама окончу сельскохозяйственное училище и стану суровой старой девой, неженатым земледельцем, и буду железной рукой управлять и своей усадьбой, и всей округой, а также обеспечу маме с папой надежную старость!

— Старой девой! Это ты-то! Конечно! С твоей-то внешностью! — воскликнула Черстин.

Ну и самовлюбленная же дура! Ведь она сама выглядит почти точь-в-точь как я!

Но когда адвокат из усадьбы Блумкулла в следующий раз объявился у нас, с ним был его сын Эрик. Черстин и я пригласили его в беседку — выпить сока. Мы болтали там с ним несколько часов подряд. А потом мама заметила, что он кажется ей очень красивым и порядочным молодым человеком.

— Фи, порядочным! — фыркнула Черстин.

Мне тоже показалось, что Эрик красив и порядочен, но я уже заранее немного ревновала, так как Эрик мало-помалу отбирал у меня Черстин. Естественно, она только шутила, говоря, что выйдет за него замуж, но это не мешало ей каждый день неукоśnieательно отправляться с Эриком на длительные прогулки, несомненно наносившие большой вред его заочному образованию. Но к чести моей, должна

¹ Адонис — бог плодородия и символ красавца в древнефиникийской мифологии. Культ Адониса был распространен с V в. до н. э. в Греции, позднее в Риме.

сказать: я всегда знаю, когда я — лишняя. Возвращалась Черстин поздно вечером; я уже лежала в постели, и Черстин надоедливо излагала мне всю ту премудрость, что преподавал ей Эрик. Разумеется, не было ни одного предмета, который он не изучал бы. Он знал решительно все и обо всем, так что в конце концов я, уже абсолютно не в силах выслушивать это, произносила те слова, которые некий старый житель Вермланда¹ говорил священнику, когда тот хотел развлечь его своей дружеской болтовней:

— Дорогой пастор, поговорим о чем-нибудь другом, я так *устаю* от вас!

Но потом я раскаивалась и заверяла Черстин, что не смогу успокоиться, если не узнаю мнения Эрика о теплом течении Гольфстрим.

В конце концов папе, конечно же, показалось, что Черстин слишком надолго пропадает по вечерам, и однажды, когда она, как обычно, собралась в путь, он недовольно сказал:

— Эту вечную беготню я не могу одобрить.

— Да, но, милый Нильс, — вступилась за Черстин мама, — ведь девочка работает целые дни напролет, надо же ей пробежаться часок-другой в свободное время!

По мнению Черстин, мама произнесла очень умную речь. Ущипнув папу за щеку, моя сестра патетически продекламировала:

Разгневались они на нее за злато и поместье
И за юной ее любви предвестье...

¹ Вермланд — одна из живописнейших областей Швеции.

И, накинув свой красный пиджачок, она вприпрыжку двинулась в путь. Но, обернувшись на пороге, посмотрела с упреком на папу.

— «Она приняла это так близко к сердцу...» — Продолжая декламировать, Черстин исчезла за дверью.

Во всяком случае, она лично, казалось, вовсе не приняла это так уж преувеличенно близко к сердцу, потому что я слышала, как она весело замурлыкала: «Don't let it mean goodbye»¹, спеша вниз к калитке, где ее ждал Эрик.

В своем одиночестве я изо всех сил старалась развиваться. Детишки Ферма охотно толпились вокруг меня по вечерам. Сидя на крыльце их сеней, я рассказывала им сказки. Иногда послушать меня являлся и сам папа Ферм, а Юхан и Улле частенько сидели совсем рядом на крыльце людской. Если Улле бывал в соответствующем настроении, он играл нам на гитаре, и тогда уж непременно из окна вскоре высовывалось веселое лицо Эдит. Юхан был мастером рассказывать истории о привидениях, и, хотя вечера были светлые, никак не обходилось без того, чтобы холодный ветерок ужаса не пробежал по спине, когда он рассказывал о скелете без головы, что бесчинствовал в жилой горнице у порядочных людей, и о стариках торпарях, которым приходилось возить этого «важного хозяина», поседевших от страха. Детишки Ферма тоже казались до смерти напуганными, и я поспешно принималась рассказывать им не такую кошмарную сказку — об удивительной лошади, что поднималась ввысь и летала

¹ «Не произноси слова прощания» (англ.).

над землей, стоило лишь дернуть ее три раза за хвост и произнести: «Пирум-лирум». Но назавтра Малыш Калле — предпоследний ребенок Ферма — отправился на конюшню и попытался, трижды крепко дернув за хвост Блаккен, заставить ее взвиться в воздух. Меж тем Блаккен в тот день была вовсе не расположена подниматься ввысь. Она лягнула Малыша Калле задним копытом, и ребенку пришлось самостоятельно совершить воздушный полет, который едва не стал для него гибельным. Фру Ферм явилась ко мне и совершенно справедливо сказала: вечный позор мне за то, что я вбиваю в головы малышам всяческую ерунду, и со сказками пришлось покончить.

Стоял один из самых красивых майских вечеров, и невозможно было усидеть дома взаперти. Я бродила по лугам вокруг усадьбы абсолютно сама по себе, и в моем одиночестве меня одолевали многие глубокие мысли. Неподалеку находилась небольшая рощица, благословенно, прекрасно изобиловавшая весенними первоцветами. Черемуха благоухала так, что голова моя шла кругом. Были там и березы, и одна из них росла так чудно, что ствол ее превратился в отличное сиденье. Там я и провела однажды вечером несколько часов подряд и продумала множество вопросов о Жизни и Смерти и о Смысле всего сущего. И почувствовала, что если бы мне удалось все это опубликовать, то, вероятно, это дало бы мощный толчок развитию человечества.

Где-то вдали, на овечьем выгоне усадьбы Блумкулла, сидела маленькая печальная кукушка и пела. «Кукушка с юга — уж поверьте — кукушка смерти», —

гласит пословица. «Да, что другого можно еще ожидать», — думала я, преисполненная мрачайшей меланхолии. Я сорвала несколько весенних первоцветов для мамы и стала вновь и вновь перебирать свои глубокие мысли, но при ближайшем рассмотрении нашла их такими жутко нудными, что затосковала от всей души о том, чтобы топтаться вместе с каким-нибудь своим ровесником на танцах и легко относиться к жизни.

Но увы и ах, в домах было темно, все спали глубоким сном, и, когда уже в сумерках я плелась домой, дорога была безлюдна и пустынна, пустынна, как мое сердце. Спустившись вниз, в погреб, я отрезала себе большой ломоть ветчины. Я чувствовала — мне это просто необходимо!

Шестая глава

оселок городского типа вырос вокруг завода, по имени которого и был назван. Завод стоял там несколько столетий, а поселку исполнилось не более пятидесяти лет. Завод был известен на всю округу. Там изготавливали всякие машины, а еще там делали печи для бань. Папа был в доброй дружбе с главным инженером и заказал себе одну такую печь. Старая пивоварня, так красиво расположенная среди берез, стала и вправду по-домашнему уютной финской баней — сауной. По субботам после полудня баню топили, и мы купались там по порядку и по очереди: сначала мама и папа, потом Черстин и я, и Эдит, и, по возможности, фру Ферм со своими дочерьми, а уж потом все работники и Ферм с сыновьями; словом, купались все — от Юхана до Малыша Калле. Это мытье придавало субботам особый привкус праздничного вечера, да и в самом деле, по-настоящему уютно было лежать в полном покое и согласии на полке в бане и выслушивать неоспоримые мнения фру Ферм о мужчинах

вообще и о Ферме в частности, между тем как с тебя льет пот, а по всему телу растекается приятная вялость.

Тем временем выяснилось — с печью что-то неладно. Папа позвонил главному инженеру, и тот пообещал прислать печных дел мастера починить нашу печь. Время шло, а мастер все не приходил. Папа снова позвонил, и ему удалось поговорить с самим мастером Сёдерлундом. Тот обещал прийти. Но опять не пришел. Тогда папа разозлился. И однажды в полдень, когда я собиралась ехать по делу на велосипеде в поселок, он сказал мне:

— Сходи-ка там на завод и, смотри, привези к нам домой мастера Сёдерлунда.

— Будет сделано, господин майор, — отчеканила я. — Сёдерлунд явится сюда, даже если мне придется изловить его с помощью лассо.

Когда я подошла к зданию завода, там стояло уже несколько рабочих. Я спросила, где можно встретить мастера Сёдерлунда.

— Он там, в здании, — сказали рабочие, показав на дверь.

Я вошла. Там стояла личность мужского пола в грязном комбинезоне и с обильно вымазанным машинным маслом лицом.

— Здравствуйте! — бесцеремонно поздоровалась я, считая, что здесь обходительность ни к чему. — Вы сейчас же последуете за мной — решительно и бесповоротно.

Вид у него был несколько насмешливый.

— Кто вам... — спросил было он.

— Я из усадьбы Лильхамра, где вам надлежало быть давным-давно, если бы в вас хоть капельку говорила совесть.

— Да, но... — снова начал было он.

— Никаких возражений! — воскликнула я и, словно защищаясь, подняла руку. — Вы поедете со мной, даже если я буду вынуждена сначала усыпить вас хлороформом. Потому что можете быть абсолютно уверены — я собираюсь купаться в субботу, а уж устроить это — ваше дело.

Больше он не возражал. Более чем охотно последовал он за мной и тут же прыгнул на свой велосипед. Мы молча катили рядом. Когда нам пришлось сойти с велосипедов, чтобы подняться в гору, я чуточку, украдкой взглянула на него. Право, это был и правда очень молодой мастер и к тому же внешне весьма привлекательный. Но он все время чему-то усмехался про себя, и в конце концов я пришла в страшное раздражение.

— Нельзя ли узнать, почему, собственно говоря, вы столь юмористически настроены? — спросила я. — Мне бы тоже хотелось посмеяться.

— О, ничего особенного! — ответил он.

Став серьезным, он немного расспросил меня о том, как нам живется в усадьбе Лильхамра, и обо всем таком. Я, со своей стороны, ответила, что Лильхамра, если не считать негодной печи в баньке, — место идеальное. Когда мы поднялись к дому, папа как раз стоял у калитки.

— Я привела его, я привела его! — еще издали крикнула ему я. — Если вам надо изловить какого-нибудь парня, доверьте это Барбру! Дайте ей часок другой — и дело сделано!

Папа подошел к нам.

— Вот он, этот маленький негодяй! — довольно неуважительно сказала я.

Но ведь мастер был так молод!

— Господин Сёдерлунд — мой отец! — представила я их друг другу.

Папа дико вытаращил глаза, а потом сказал:

— И этот вот человек — мастер Сёдерлунд? Если я не ошибаюсь, это сын Вальдемара!

Вальдемар был на заводе главным инженером. Сначала я совершенно онемела и только, как рыба, глотала ртом воздух. Но увидев с ясностью, достойной сожаления, что мой триумф обернулся позором, я безумно разозлилась. Ходишь тут и тратишь силы, чтобы притащить домой мастеров, а когда они благополучно являются к тебе в усадьбу, то оказывается — никакие они не мастера!

— Почему вы сразу не сказали?! — взорвалась я.

— Я пытался. Но не смог вставить даже слово, — смиренно отвечал он. — Но, быть может, я все-таки могу взглянуть на печь, — добавил он.

Папа, дико хохотавший над этим происшествием, похлопал его по спине и хотел было пригласить остаться с нами на ужин, но мальчишка попросил разрешения приехать в другой раз, когда он будет выглядеть чуточку более прилично. Во всяком случае, изъян в печи он устранил довольно быстро.

Я сидела на заборе, довольно далеко, когда он катил на велосипеде по аллее домой. Остановившись, он сказал:

— До свиданья!

— До свиданья! — ответила я. — Но я все равно считаю, что вы и есть мастер Сёдерлунд, хотя вас подменили еще в детстве.

В субботний вечер, когда недельной работе настал конец и мы были чисто вымыты и красивы, Черстин, как обычно, бросила меня ради Эрика, а я вышла из дому, чтобы прогуляться в своих новых брюках. Я пошла вниз к поселку и, когда зашла уже довольно далеко, к самой осине, которую в детстве ободрал папа, встретила молодого человека, катившего на велосипеде. У него были светлые волосы и голубые глаза, и он показался мне очень знакомым, но далеко не сразу я узнала своего мастера.

— Добрый вечер! — поздоровался он. — Это вы или ваша сестра-двойняшка?

— Все зависит от одного... — ответила я. — Видите ли вы у меня на левой щеке коричневую крапинку?

Он внимательно посмотрел на меня, а потом ответил:

— Да, крапинка у вас есть.

— All right!¹ — обрадовалась я. — В таком случае это я. Вообще-то я так и думала.

Потом мы постояли молча.

— Так-так, значит, вы, господин Сёдерлунд, катаетесь по округе на велосипеде, — нарушила я молчание.

— Вам обязательно называть меня Сёдерлунд? — спросил он.

— А как мне звать вас иначе?

¹ Прекрасно! (англ.)

— Меня зовут Бьёрн. По-моему, это вполне произносимое имя.

— Пожалуй, — согласилась я. — И что же привело вас в нашу сторону, Бьёрн?

— О, я приехал сюда, только чтобы проконтролировать, хорошо ли искупалась сегодня в баньке некая юная особа. Мне было строго приказано это сделать, — ответил он.

Тут мы оба жутко расхохотались, и нам потребовалось немало времени, чтобы нахохотаться вволю. Затем он поставил велосипед возле канавы на обочине, и мы продолжили нашу болтовню. Я поведала ему почти все, что можно было узнать обо мне, а он рассказал, что проходит практику на заводе, чтобы получить возможность через год поступить в Высшее техническое училище. По его словам, он очень интересуется машинами, моторами и надеется, что когда-нибудь, как и его отец, сможет добиться хорошего положения на этом заводе. Он не желал жить ни в каком другом месте на нашей земле — только здесь, если бы представилась возможность. Здесь он родился.

Потом он проводил меня домой, и мы как раз попали на небольшой субботний вечерний праздник мамы и папы. На этот раз Бьёрн, когда его пригласили, сказал «да» и поблагодарил. Только мы собрались накинуться на салат, как в комнату ввалились Черстин и Эрик, так что пришлось вытащить еще парочку приборов. Эрик и Бьёрн знали друг друга с давних пор. В этот вечер папа был особенно в ударе. Ведь у него появилась надежда продать молодого бычка, и Эрик был очень польщен, когда папа по-

интересовался, сколько, по его мнению, в пределах приличий можно запросить за восьмимесячного теленка. Папа явно полагал, что эта сделка с бычком поправит его финансовое положение на много лет вперед. Он то пел, то смеялся, то декламировал стихи.

Обнося всех пирожными с корицей, мама сказала:

— Как чудесно с вашей стороны, Бьёрн, позаботиться немного о Барбру. Она в последнее время бродила здесь совсем одна.

Черт возьми, лучше бы мамы все же не говорили такие ужасные вещи!

— Спасибо! — поблагодарила я, бросив воинственно-косой взгляд на Бьёрна. — Знаешь, мама, по-моему, я вполне в состоянии позаботиться о себе сама!

Пусть Бьёрн не воображает невесть что! Правда, он ничего такого вообще не воображал. Когда я налила всем еще по чашечке кофе и Бьёрну надо было взять сахар, его угораздило опрокинуть свою чашку. Он чуточку покраснел и с глубоко несчастным видом попросил извинить его. Бьёрн нагнулся, чтобы помочь маме вытащить блюдо с пирожными из лужицы, и белокурая прядь волос упала ему на лоб. И подумать только, именно в тот момент я вдруг почувствовала, что он совершенно определенно мог бы мне очень понравиться. Вне себя от сочувствия к нему, я тоже поспешила опрокинуть свою чашку с чаем, ведь скатерть все равно уже была в пятнах, а пирожным как-никак могла понадобиться влага.

Прежде чем расстаться, мы — Черстин и я, Эрик и Бьёрн — решили отправиться в воскресенье на

экскурсию. Мальчики покажут нам обрыв — пропасть, в которую с крутого утеса бросались наши предки, чтобы попасть в Вальхаллу¹, и пещеру, где в стародавние времена обитали разбойники. Сначала мы переплывем озеро, а потом пройдем полмили пешком. Черстин и я возьмем с собой бутерброды, а мальчики — прохладительные напитки.

В тот вечер я не ходила в погреб и не ела ветчины. Но когда я легла спать, уснуть не могла. Я лежала, широко открыв глаза и глядя прямо в окно. Ночной ветер тихо колыхал шторы, а за окном в белоснежном цвету стояло вишневое дерево.

¹ Вальхалла — чертог мертвых (*др.-сканд.*). В скандинавской мифологии — дворец верховного бога Óдина, куда попадают павшие в битве воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь. Согласно народной легенде, примерно с такого крутого утеса бросались старики, чтобы не быть в тягость своему роду.

Седьмая глава

Мы побывали на этой экскурсии и провели чудесный день. Мне кажется, Лильхамра, пожалуй, расположена в на редкость красивом уголке страны. Во всяком случае, мне нравится это смешение суровости и нежной прелести окрестной природы. Могучие, покрытые мхом глыбы, похоже, лежат там со времен ледникового периода, что на самом деле недалеко от истины, высокие горные кряжи и сосновые леса, под темной сенью которых можно бродить во мраке по ковру мягчайшего мха и думать, что именно здесь и предстает перед нами первозданная дивная природа, бродить до тех самых пор, пока лес внезапно не открывается и ты не понимаешь, что ошибся. Потому что Господь не мог создать ничего более сладостного, чем зеленые луга со всеми растущими там полевыми цветами, с огороженными пастбищами, где береза, осина и рябина простирают к небу свою светлую зелень, чернолесье окутывает ландшафт мягкой вуалью, которая может затушевывать самый злобный старый валун.

А мелкие чистые внутренние озерца сверкают то тут, то там, созданные лишь для того, чтобы исключить намеков на какое-либо однообразие. Вот именно на лоне такой природы мне и хочется жить.

Мы посмотрели на тот обрыв, о котором шла речь, и поползли по-пластунски, извиваясь, вплоть до самой крутизны, чтобы проверить, будет у нас кружиться голова или нет. Мы заползли в пещеру, такую большую, что там могло поместиться по меньшей мере человек десять! И пещера показалась нам просторным и комфортабельным жильем для той банды разбойников, что обреталась там в минувшие времена.

В полдень мы загорали на горе высоко-высоко над озером. Мы ели, пили и болтали. При ближайшем знакомстве Эрик оказался гораздо приятнее, чем я ожидала. А Бьёрн, да, Бьёрн... он был точь-в-точь так приятен, как я и ожидала! Иногда я украдкой смотрела на него, а иногда он украдкой смотрел на меня. Бьёрн взял с собой удочку и вытащил из воды пять окуней. Черстин и мне тоже дали поудить рыбу. Я вытащила лишь одну уклейку, а Черстин выудила самого большого окуня, какого я только видела в своей жизни.

Мы задержались там до самого захода солнца. Небо пылало огнем, озеро простиралось перед нами тихое-претихое, и только иногда какая-нибудь рыба всплескивала хвостом и описывала несколько кругов по воде. На верхушке ели, по другую сторону залива, дрозд заливался, словно сумасшедший. То есть я хочу сказать: я не знала, что это дрозд, пока Эрик не назвал эту птицу. Под конец дрозд смолк, и тогда настало время отправиться по домам.

— До свиданья! — крикнула Черстин эху, и с гор по другую сторону озера донеслось в ответ «до свиданья!».

Мы влезли в лодку. Я была совершенно одурманена солнцем и воздухом и чем-то еще неведомым, о чем я как следует не знала.

После воскресенья так же надежно и неизбежно, как всегда, настал понедельник, и нам с Черстин предстояло выполоть весь огород, где сорняки — звездчатка и лебеда — грозили задушить все наши посадки пастернака, свеклы и моркови. Огород надо было к тому же полить, потому что солнце сияло каждый день с безоблачного неба и мы тщетно ожидали тучи, надеясь на дождь. Это одна из теневых сторон занятий земледелием: никогда нельзя от всего сердца радоваться солнечному сиянию и прекрасной погоде. Напротив, твой долг заключается в том, чтобы быть абсолютно вне себя от восторга, если польет основательный ливень, причем как раз тогда, когда ты катишь на велосипеде домой со свежей укладкой только что из парикмахерской, что внизу в поселке. И когда ты почувствуешь, как капли дождя оседают у тебя на лбу так, что исчезает всякий намек на локоны, а твое новенькое свежевыглаженное полотняное платье превращается в тесный противный и мокрый футляр, ты быстро закричишь самой себе:

— Чудесно! Должна сказать, такой дождь очень полезен для урожая кормовой свеклы. *Вероятно*, дождь должен пролиться и днем, чтобы мы не смогли встретиться с Бьёрном.

Одно я уяснила довольно быстро: дождь продолжается всегда либо слишком мало, либо слишком

долго. Я никогда не слышала о том, чтобы дождь когда-нибудь шел в меру. Я часто думала о том, что когда после длительной засухи разражается всемирный потоп, то *должен же* ведь настать такой удивительный благословенный миг, когда дождя выпадет в меру! Ах, как хотелось узнать, когда такой миг настанет, чтобы можно было как-то его отпраздновать.

Но именно сейчас у нас стояла засуха, поэтому Черстин и я вырывали лебеду с такой силой, что дымилась земля. На обед у нас был подан выловленный Черстин окунь, тушеный с большим количеством петрушки. Как раз когда мы сидели за столом и ели, в столовую ворвался Ферм. В глазах его застыл ужас.

— Бык! — заорал он. — Бык! Он подыхает!

Папа побледнел, уронив со страшным звоном нож и вилку. Мы — папа, мама, Эдит, Черстин и я, а также Ферм — выбежали из дому с быстротой, сделавшей бы честь пожарной команде.

Внизу за скотным двором, на клеверном поле, мы нашли беднягу Адама Энгельбрехта — жертву ужа-сающей колики. Он болезненно мычал, а брюхо его вспучилось и увеличилось чуть ли не в два раза. Потом я узнала, что такое случается довольно часто, когда животные объедаются клевером, из-за чего в брюхе образуются газы. Это называется «метеоризм» и опасно для жизни.

Не знаю, кого мне было больше жаль — папу, стоявшего рядом с быком и ломавшего руки, или Адама Энгельбрехта, мычание которого выражало ужа-сающие боль и страдания.

— Не могли бы мы поставить ему небольшую клизму? — боязливо предложила Черстин.

И тут со скоростью спринтера примчался Юхан.

— Не болтайте глупости! — сказал совершенно сломленный папа. — Схожу за револьвером и пристрелю его. Я не могу видеть, как он мучается!

Но тут Юхан, как обычно, сказал:

— Па мне, дак ему энто дельть ни к чаму!

Он вытащил из кармана какую-то маленькую острую штучку и изо всех сил вонзил ее в бок Адама Энгельбрехта, да так, что там образовалось отверстие. Симсалябим!¹ Вот газ и вышел через отверстие, а жизнь Адама Энгельбрехта была спасена. В эту минуту я любила Юхана, и он представлялся мне каким-то высшим существом, которое может вмешиваться в ход событий. А папа обнял и Юхана, и Адама Энгельбрехта, после чего мы снова перешли к тушеному окуню.

— Интересно, сколько таких потрясений можно выдержать, не нанеся вреда своему здоровью и разуму? — спросил папа.

Он всегда побаивался, что животных может постичь какая-нибудь беда, и каждый вечер отправлялся на прогулку вокруг своих владений, чтобы проверить, все ли в порядке. Зачастую мы шли всей семьей. Я обожала эти вечерние обходы. Так легко было болтать тогда, и папа приходил в восторг, демонстрируя нам, как красиво поднялась рожь и какой замечательный, единственный в своем роде уродился клевер. Мы шли вокруг огороженных выгонов, вокруг полей и лугов и проверяли, есть ли соль, чтобы коровы лизали ее, и все ли ягнята в целости и сохранности. Папа пересчитывал овец и ягнят, а потом мы

¹ Восклициание иллюзионистов в момент завершения фокуса.

шли дальше, к следующему выгону, где он пересчитывал своих четырех лошадей, из которых одна была с жеребенком, а потом к следующему, где пересчитывал телок и телят.

— Не пойти ли тебе домой, чтобы пересчитать и свиноматку? — шутиливо спрашивала мама.

Когда видишь, как в траве среди берез лежат коровы и жуют траву, а Эльхумла мелкой рысцей бежит тебе навстречу, слышишь, как тихо звенят коровьи колокольчики, невозможно не обрести душевное спокойствие! Мне часто хотелось быть художницей, искусной художницей, чтобы запечатлеть на полотне коров, и вечернее солнце, и зелень, и все это вместе. «Сельская идиллия» назвала бы я свою картину, или «Жующая траву Пивная Пчела среди берез», или, пожалуй, «Вечерний мирный отдых среди шведского красного и белого рогатого скота»!

Однажды во время такой прогулки папа сказал:

— Черстин и Барбру совершенно необходимо научиться доить коров. Если что-то помешает Эдит или фру Ферм, прекрасно было бы иметь резерв. Ведь доильных машин у нас нет... — завистливо вздохнув, добавил он.

Черстин и я в тот же миг решили стать доярками в резерве, чтобы папа не терзался мыслями об этих доильных машинах! Накануне вечером он побывал у владельца усадьбы Блумкулла и теперь пронзительно отчетливо видел все недостатки усадьбы Лильхамра.

— У нас нет даже механизированной кормушки для скота, — мрачно изрек он.

Никто не знал, что это такое, но я подумала: пожалуй, можно было бы подарить папе такую кормуш-

ку для скота на следующий день рождения. Папа объяснил нам: оказывается, механизированная кормушка — своего рода приспособление, всю зиму снабжающее коров свежим зеленым кормом. Клевер или другие растения запихивают в цистерну или в колодец и орошают сверху кислотой. Мы все думали, как ужасно печально, что наша скотина так обделена, а воздух, казалось, был полон невысказанных упреков. Я абсолютно не смела смотреть в глаза Эльхум-лы, но успокоила свою совесть гневным возгласом:

— Нынче коровы тоже с претензиями! Кто, по-вашему, может позволить себе лопать свежий корм круглый год?!

Папа вскоре стряхнул с себя все горести и переключился на поиски старых земляничных полянок. Несколько самых лучших находилось на коровьем выгоне. Но, кажется, земляничные полянки обладают способностью с годами передвигаться с места на место. В конце концов он нашел одну из лучших, где земляника росла на каменистой осыпи. Там было множество цветов, множество незрелых зеленых ягод и одна-единственная — спелая. Я посмотрела на папу. Так оно и есть, в глазах у него стояли слезы.

— Когда-то воскресным утром я набрал здесь целый литр земляники, отнес домой и отдал бабушке, — дрогнувшим голосом произнес он.

Совсем рядом росла могучая старая береза, и папа непременно должен был взобраться на нее, потому что ребенком он постоянно этим занимался. Он сорвал с себя ботинки и носки, и ему удалось, хотя и с трудом, влезть на дерево. Вскоре он поднялся аж до самой верхушки и ликующе запел, как петух:

— Кукареку! Кукареку!

Черстин и я полезли следом за ним, меж тем как мама, прислонившись к изгороди, смотрела вверх на своего кукарекающего господина и супруга и говорила:

— Какое счастье, что в семье есть хоть один человек, который в любом случае прочно стоит на земле.

С высоты перед нами открылся чудесный вид. Ведь Лильхамра была расположена так, что мы видели усадьбы и селения на расстоянии многих миль отсюда. То тут, то там сверкали озера, а далеко-далеко синели леса. Широкие просторы и прекрасные пейзажи настроили папу на возвышенный лад.

— «Швеция, Швеция, Швеция, отчизна моя... — пел он громовым голосом, спускаясь с дерева, — край нашей мечты, наш дом на зе-е-емле...»¹

Он все пел и пел:

— «Вот звенят колокола...»

Адский шум помешал нам услышать остальное.

Не кто иной, как майор и помещик, рыцарь Ордена меча и т. д., и т. п. с шумом, словно злобный метеор, пролетел сквозь листву. Он коснулся земли как раз у маминых ног и прочитал стишок, что, несомненно, не был предназначен для наших детских ушей. Мы не осмеливались смеяться, только чуточку стонали. Мама сказала: просто чудо, что он не нанес себе никаких более серьезных увечий, а папа, разглядывая свои синяки, заметил:

— Но в прежние времена эта ветка меня выдерживала!

¹ Стихотворение Вернера фон Хейденштама «Швеция» из сборника «Паломничество и годы странствий».

— Да, милый Нильс, — сказала мама. — Но тогда ты был по меньшей мере на семьдесят килограммов легче.

На следующее утро мы принялись учиться доить коров. Встали мы безбожно рано, почти в пять часов утра. Вылезать из теплой постели в такую рань показалось не очень-то приятно. В воздухе веяло прохладой, и мы побежали в кухню к Эдит выпить чего-нибудь горячего. Затем мы — фру Ферм, Эдит, Черстин и я — пустились в путь с подойниками и всем прочим. Утро было свежее и росистое, и внизу, на лугу Ваккерэнген¹, парили легкие дымки, которые, пустив в ход немного фантазии, можно было принять за танцующих эльфов. Некоторое время ушло на поиски коров, так как им, естественно, не улыбалось пастись или спать поблизости от загона для скота, где их собирались доить. Но поиски коров были вовсе не обременительны. Я наслаждалась, бродя по огороженному выгону и видя, как в стволах деревьев играют солнечные лучи, и слыша, как щебечет на свой лад каждая малая пташка.

— Коровушки, коровушки! — звала Эдит.

И вдруг, откуда ни возьмись, донеслось мычание, и мы увидели, как все стадо во главе с Эльхумлой трусцой движется к нам.

Расставив коров на выгоне для скота, мы взяли по скамеечке, висевшей на ограде, и уселись рядом со своей коровкой.

Мне досталась Мона Лиза, потому что, как утверждала Эдит, доить ее было особенно легко. Я начала

¹ Ваккерэнген — красивый луг (шв.).

доить, абсолютно уверенная в том, что вот-вот увижу, как теплое молоко заструится в ведро. Но не увидела ни единой капли. Я стала смотреть, как доит Эдит, и стала делать все точь-в-точь как она. Результат был тот же самый. Я стала думать, что коровища, эта подлая тварь, торчит тут и сознательно саботирует, срывая намеченный мною план, согласно которому я уже в самый первый день должна была подоить по меньшей мере трех коров. Однако сдаваться я не собиралась — Мона Лиза еще узнает, с кем она сражается. Я начала доить с такой силой, что косточки рук побелели. Тогда хвост Моны Лизы пришел в движение и обвился, как маленький теплый шарфик, вокруг моей шеи. А молока все не было! Эдит захохотала так, что чуть не свалилась со своей скамеечки. Я, толкнув Мону Лизу, сказала, что даю ей последний шанс показать, как должна вести себя хорошо воспитанная корова из лучших коровьих семейств! Но подумать только, она так и не воспользовалась этим шансом! Она лишь, повернув голову, уставилась на меня, и я уверяю, что подлинная Мона Лиза¹ на том самом портрете, что в Париже, даже отдаленно не могла бы выглядеть столь загадочно, как моя корова, которую, по словам Эдит, доить было легче всех. Если б она умела, то, я уверена, она бы улыбнулась. И тут я решительно отказалась от Моны Лизы: если уж эту корову доить

¹ Портрет Моны Лизы («Джоконда», ок. 1503 г., Лувр, Париж) — одно из самых прославленных полотен великого итальянского художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи (1452—1519). Одухотворенность модели сделала портрет Моны Лизы своеобразным символом эпохи, а улыбка Моны Лизы стала символом загадочности («улыбка Джоконды»).

легко, то лучше ввязаться в драку с той, которую доить тяжело. Потому что я, во всяком случае, уже привыкла к коровьей злобе и недоброжелательству! И могу выдержать абсолютно все, что угодно! Между тем и следующий экземпляр, должно быть, происходил из особо подлого коровьего племени, которое приобрел папа, так как и дальше все шло из рук вон плохо. Но больше всего огорчало меня то, что Черстин фактически освоила профессию доярки. При этом она воображала, как если бы научилась стоять на голове и доставать до носа пальцами ног.

— Надо иметь врожденную способность доить коров, — уверяла она.

Я ответила, что мои способности более высокого плана и мне достаточно радости труда, которую я испытываю, глядя, как она работает и надрывается.

Фру Ферм доила, стиснув зубы, с такой энергией, что просто не родилась еще на свет корова, которая осмелилась бы недодать ей хоть самую маленькую каплю молока. Эдит пела, она делала это всегда — и у нее была особая песня, которую она пела, как раз когда доила. Песня была любовная, с ужасающе печальным содержанием, но с бойкой мелодией, выдержанной в ритме залихватского марша, а молоко било струей в такт стимулирующим корову звукам.

Вот скачет с поля боя гусар молодой,
Ведь хочет он навсегда покончить с войной,
И первый вопрос, что задал он, был:
Жива ль его возлюбленная иль больше нет на свете
милой такой.

Да, ясное дело, здравствует и благоденствует она
сейчас,

Так как свадьбу свою справляет как раз.
Тогда поскакал наш гусар быстрее, чем птиц
небесных полет,
Ведь с милой встречи скорой он ждет.

Затем прозвучали остальные куплеты, вплоть до последних строк, где солдат и его возлюбленная купаются в собственной крови. А корова меж тем была подоена.

Дояркой в резерве я так и не стала, а когда мы с Черстин прикатали домой тележку с молоком, я произнесла пламенную речь о преимуществах машинного доения. Я считала, что государство должно основательно поддержать шведских земледельцев и смонтировать доильные аппараты на всех скотных дворах. Это нужно для того, чтобы положить конец допотопным условиям, предоставляющим ныне возможность любой ничтожной строптивой корове восстать против своего верховного владыки, против венца творения, а именно против меня. Но Черстин в ответ на мою речь заявила, что единственная поддержка, в которой нуждается шведское земледелие, — это необходимость отстранить меня от всего, что называется дойкой. А меня необходимо приставить к работе, требующей меньших умственных и физических затрат.

Восьмая глава

последующие дни я проводила много времени с Бьёрном. Светлыми июньскими вечерами мы бродили, глаза на все, что только можно было увидеть в нашей округе. Думаю, иногда мы проходили несколько миль в день. Совершенно удивительно, как легко гулять на воздухе, любуясь природой. Когда шагаешь большими шагами по луговой траве или топчешь ковер из опавшей хвои сосен и елей, никогда не устаешь. В городе после такой прогулки на каждом пальце ноги появились бы мозоли. Однажды вечером мы с Бьёрном отправились посмотреть на старую заброшенную мельницу, а в другой раз вечером взяли курс в совершенно противоположную сторону — к горному ущелью — и развлекались, сползая оттуда вниз. Мы совершали самые умопомрачительные открытия, во всяком случае, умопомрачительными они были для меня, бедного несчастного городского ребенка, не успевшего еще привыкнуть к уникальной расточительности природы. Я вскрикивала от восторга, когда мы находили кана-

ву, заросшую мелкими ярко-красными цветами примулы и другими первоцветами. А когда мы однажды нечаянно наткнулись на куропатку с птенцами, которые тут же исчезли в каменистой осыпи, для меня это было таким примечательным событием, что я рассказывала об этом всем, кто желал меня слушать, и хвасталась находкой несколько дней подряд. В лесах вокруг усадьбы Лильхамра водится множество лесных птиц. Я научилась распознавать, как токует глухарь, и Бьёрн обещал мне, что следующей весной мы ранним утром отправимся послушать тетеревов и посмотреть тетеревиные игры. Я пыталась запомнить, как выглядят разные мелкие птички, как они пищат или щебечут, и уже не понимала, почему в школе биология казалась мне такой смертельно скучной и сухой!

Знакомилась я и с людьми. Поблизости находился торп, относившийся прежде к усадьбе Лильхамра, туда мы часто ходили с Бьёрном. Там теперь жил торпарь Свен Свенссон с женой, и более трогательной пожилой пары невозможно было найти даже за деньги. Они помнили папу с тех самых пор, когда он был еще маленьким мальчиком, и этого было достаточно для того, чтобы угощать нас соком и сухариками. При виде самого торпа американские шведы¹ заплакали бы от тоски по родине: низенькая красная лачуга с цветами — «разбитым сердцем»² и фиалкой

¹ В начале XX в., в «пору бед и нищеты», как называет этот и некоторые другие периоды жизни Швеции Астрид Линдгрен, многие шведы, особенно торпари из провинций, эмигрировали в Америку.

² Высокое растение со свисающими ярко-красными цветами в форме сердца. По-шведски буквальное название — «сердце лейтенанта». По описанию, возможно, это смолистая дрёма.

под окнами — и с ухоженным небольшим клочком земли. Там я увидела, как нужно по-настоящему обрабатывать огород, и смущалась, вспоминая о нашей с Черстин неравной борьбе с лебедой у нас дома.

Неподалеку от торпа находилось маленькое озеро Кварнбушён¹. Там водилось много рыбы, и по вечерам мы с Бьёрном часто отправлялись туда удить. Я купила себе удочку. Бьёрн помог мне закрепить леску, и грузило, и крючок. Помог он и насадить на крючок червяка, поскольку у меня, говоря по правде, натура слабая. Мы сидели каждый на своем камне и глазели каждый на свой поплавок, и просто немыслимо, сколько всего успевали мы доверить друг другу за это время. Чтобы не спугнуть рыбу, мы заставляли себя почти все время говорить шепотом, и я, сидя на камне, шипела, выдавая один свой секрет за другим, рассказывала о своих чувствах и мыслях, о том, что мечтала поведать кому-нибудь, кроме Черстин. И Бьёрн был так же чистосердечен со мной, как и я с ним.

Разумеется, мы часто проводили время с Черстин и Эриком. Настроение тогда обычно бывало веселым и приподнятым. Но только до тех пор, пока Эрик не переводил разговор на международную политику, или жилищные условия в сельской местности, или на другую тему, на которую он считал себя призванным пролить свет. В таких случаях нам почти нечего было добавить, но ведь, пожалуй, полезно научиться слушать и других. Во время всех дискуссий Бьёрн был молчалив и деликатен. Время от времени он вставлял

¹ Кварнбушён — мельничное озеро (шв.).

ироническое замечание. Эрик иногда приглашал нас к себе домой в Блумкуллу, и, когда он показывал нам все тамошние технические чудеса, глаза Черстин, да и мои, буквально вылезали из орбит, словно держались на тонких стебельках. Каких только машин там не было, да еще и трактор, и доильные аппараты, и две поилки с кормом, и сноповязалка — и не знаю, что еще... И все высшего класса! Вообще вся усадьба Блумкулла была так ухожена! И неудивительно, что Эрик гордился, демонстрируя лоснящихся от чистоты откормленных коров и толстуших поросят. А зерно в поле уродилось явно благодаря приемам, проверенным многими поколениями и обеспечившим рост зерновых в полную силу. И мы с Черстин решили, что так прекрасно будет когда-нибудь и в усадьбе Лильхамра.

У нас, у всех четверых, были велосипеды, и вскоре во всей округе не осталось ни единой дороги или тропки, по которой бы мы не ездили. Чаще всего то были извилистые и холмистые дороги, не обозначенные ни на одной топографической карте. Повсюду стояли красивые старинные крестьянские усадьбы, выглядевшие так, словно были тут с незапамятных времен. А еще нам повсюду попадались доброжелательные люди. Многих, уже знакомых нам по молокозаводу, мы встречали в их собственных усадьбах, и они были исключительно гостеприимны. Возможно, оттого, что с нами был Эрик. Во всем приходе, в каждом доме к нему относились все равно что к собственному ребенку.

В конце концов я решила, что уже знаю всю округу вдоль и поперек, что изучила здешнюю природу, которая мне казалась самой изумительной из всего, что я видела. Я узнала и людей, которые всегда доб-

ры ко мне. Я совершенно не чувствовала себя пришедшей иностранкой. Я считала, что мое место здесь и всегда было здесь.

Однажды томительно жарким июньским вечером к нам домой пожаловали Бьёрн с Эриком. Черстин и я лежали на лужайке перед Гнездовьем Патрончиков и, словно выброшенные на берег рыбы, ловили ртом воздух. Черстин, вяло обороняясь, отмахнулась от ребят рукой:

— Не вздумайте сказать, что нам надо выйти из усадьбы и идти, идти без конца, иначе стрясется беда!

— Не-а, я думаю, мы поиграем в бадминтон, — сказал этот чертенок Эрик, который как раз на днях укрепил на ровной площадке сетку для бадминтона в овечьем выгоне усадьбы Блумкулла.

Черстин, с отвращением глядя на него, ничего не ответила. Потом, приподнявшись на локте, она взглянула на Бьёрна и сказала:

— Я думаю, ты, должно быть, жутко влюблен в Барбру!

— Почему ты так решила? — спокойно и невозмутимо спросил Бьёрн.

— Потому что иначе ты не примчался бы сюда на велосипеде, поднимаясь несколько раз в гору и рискуя заработать тепловой удар!

Я не отрывала глаз от неба, делая вид, что ничего не слышу.

— Я люблю моцион, — ответил Бьёрн и насмешливо посмотрел на меня.

Но немного погодя, когда Эрик и Черстин, глядя на часы Эрика, спорили, стоят они или нет, Бьёрн взял мою руку и быстро поцеловал. И я, с моим врожден-

ным больным воображением, начала тотчас же ломать голову, что мне, собственно говоря, будет больше к лицу — маленький миртовый веночек или приходский, из горного хрусталя в золоте, венец невесты?!

Эрик прервал мои размышления, предложив все-таки совершить небольшую прогулку на велосипедах. Ведь тогда тебя постоянно обдувает легкий ветерок. И после некоторых переговоров мы отправились.

Если проехать еще полмили от поселка мимо усадьбы Блумкулла и Лильхамра, то доберешься до самого что ни на есть роскошного поместья Моссторп¹. Главное здание там — белое и великолепное, в два этажа, парк — в английском стиле, со знаменитыми на всю округу парковыми сооружениями. На скотном дворе содержится семьдесят коров, молоко от которых доставляют на молокозавод на грузовике. Господ же возят в семиместном автомобиле марки «паккард». Однако мимо нашей усадьбы они никогда не ездят. От них в поселок ведет более широкая и прямая дорога. Черстин и я множество раз проезжали на велосипедах мимо Моссторпа, но единственный обитатель усадьбы, которого мы не раз видели, был маленький противный десятилетний мальчишка, показывавший нам язык. Между тем мы знали, что там есть и девочки примерно нашего возраста, но увидеть их нам так и не довелось.

В этот вечер мы покатали в сторону Моссторпа. Оптимистическая вера Эрика в то, что нас обдует легкий ветерок, оказалась совершенно беспочвенной. Дождя уже давным-давно не было. Воздух, казалось, застыл, и ощущение такое, будто все тело покрыто

¹ Моссторп — мшистый торп (шв.).

теплым, влажным компрессом. Проезжая неподалеку от Моссторпа, мы вдруг заметили, что небо позади нас покрыто плотным слоем угрожающих туч. Ясно, что и гроза не за горами. И мы решили как можно быстрее возвращаться домой. Но было уже слишком поздно. Как раз когда мы спускались по широкому склону холма прямо против Моссторпа, разразилась гроза. Я никогда не переживала ничего подобного. Дождь стоял такой плотной стеной, что под самым носом ничего не было видно. Свинцово-серое небо между тем непрерывно освещалось вспышками молний, которые сопровождались ужасающими ударами грома. Вдруг раздался настоящий адский грохот. Я услышала крик ужаса — это Черстин, поскользнувшись, скатилась вниз вместе с велосипедом и въехала прямо в каменистую осыпь. Мы тут же затормозили и повернули обратно, чтобы вытащить Черстин. Но она против ожидания не так уж страшно пострадала. Она только основательно ободрала локоть и вообще отделалась несколькими синяками. Хуже было с велосипедом. Искореженное переднее колесо было похоже на восьмерку, а заднее сломано.

— Вот весело-то! — сказала Черстин, разглядывая то велосипед, то свою рану, то тучу, которая продолжала извергать на нас потоки воды.

«Это полезно для кормовой свеклы», — собралась было выговорить я, но тут раздался новый удар грома, который вообще лишил меня удовольствия высказываться.

— Давайте зайдем в Моссторп, — сказал Бьёрн. — Анн и Вивека наверняка обрадуются незнакомым гостям.

Выбора не было, да и не хотелось тащиться полмили под проливным дождем.

Ну и живописный же маленький караван пятью минутами позже поднимался по высокой лестнице в Моссторп! Волосы свисали мокрыми прядями, обрамляя наши посиневшие лица, мы промокли до нитки, а когда остановились на веранде, вокруг наших ног образовалась целая водная система.

Ретиво залаяла собака, послышался ужасающий удар грома, да такой, что зазвенели стекла. Черстин вскрикнула, двери отворились, и к нам вышла девочка в красном джемпере, с самыми ясными серыми глазами, какие я только видела. Ее сопровождал злоущий эрдель терьер.

— Милые вы мои! — только и выговорила она.

— Привет, Вивека! — поздоровался Бьёрн. — Пред тобою четверо бродяг, которые очень нуждаются в человеческом милосердии!

И кажется, мы встретили истинно милосердную самаритянку¹. Вивека ринулась к Черстин, огорченно осмотрела ее локоть и сказала:

— Надо немедленно перевязать!

Втолкнув нас всех в холл, она изо всех сил закричала:

— Анн, Анн, у нас грабители! На помощь!

На лестнице верхнего этажа показалась другая юная девица, явно это была Анн. Ах, ах, до чего ж она была хороша! Именно такой мне всегда хотелось быть! Кроткие голубые глаза, точеный носик и див-

¹ Самаритянка — самоотверженное бескорыстное существо, всегда готовое прийти на помощь.

ные светлые волосы, словно ореол обрамлявшие ее лицо.

Секунду спустя кто-то уже съезжал по перилам. Это был тот самый маленький противный мальчишка, которого мы видели раньше. Малыш Гангстер плюхнулся к нашим ногам и мгновенно сказал:

— Чего вам надо? Мамы и папы дома нет!

Вид у него был до того наглый, что мне захотелось его ущипнуть. Но Анн и Вивека были непревзойденны в своей доброжелательности. Они перевязали рану Черстин. Остальным они велели снять свои мокрые тряпки и облачиться в их пижамы и купальные халаты. Затем, закутавшись в одеяла, мы уселись в удобные складные кресла на веранде, пили чай и чувствовали, как в наши окоченевшие руки возвращается жизнь. Одновременно мы наблюдали грандиозное представление, которое давали могучие силы природы. Гроза удалилась на почтительное расстояние, а раскаты грома сменились глухим бормотанием. Однако дождь лил по-прежнему, а далеко на горизонте скрещивались молнии. Это слабое бормотание и окутавшая нас дождевая завеса, ощущение полной безопасности и благоденствия сблизили нас, оживили и развеселили.

Вдруг на лестнице вынырнул откуда-то промокший насквозь субъект. То был студент, который, как выяснилось, был домашним учителем Малыша Гангстера Класа и этим тяжким трудом зарабатывал свой кусок хлеба. Торкель — так звали учителя, — как и мы, был застигнут дождем, прошло совсем немного времени, и он уже сидел в нашем тесном кружке, облаченный в купальный халат, и играл с нами в «голубец».

Мы вдруг почувствовали себя такими хорошими знакомыми и преисполнились уверенности в том, что Черстин и я станем по-настоящему добрыми друзьями с Анн и Вивекой. Меня радовало это, потому что, как бы там ни было, есть очень много такого, о чем с мальчишками не поговоришь, и время от времени необходим часок-другой задушевной болтовни «между нами, девочками». Да и мама имела обыкновение внушать Черстин и мне:

— Самое главное для девочки — вовсе не то, чтобы нравиться мальчикам. Самое главное — чтобы она пришлась по душе представительницам ее пола.

Поэтому я была рада, что, по-видимому, мы пришли по душе Анн и Вивеке так же, как они пришли по душе нам.

Но вот мало-помалу дождь прекратился, и на небо ворвалось солнце. Капли воды заблестели на листьях и цветах, и чудесно было думать, что земля наконец-то утолила свою жажду. В саду среди кустов, в одних лишь плавках, но вооруженный луком и стрелами, бегал Малыш Гангстер. Он все время издавал громкие воинственные крики, а потом, неожиданно высунув голову из-за моего стула, вскричал:

— Никогда не убивать в субботу — таков закон обитателей диких прерий и их постоянная тревога и забота!

И, судя по выражению его лица, только счастливое обстоятельство — а именно то, что сегодня действительно была суббота, — спасло меня от верной гибели. Я не завидовала Торкелю, его домашнему учителю.

Анн и Вивека строили грандиозные планы наших будущих встреч. Для начала они предложили, чтобы

мы ежедневно после полудня приезжали к ним на несколько часов играть в теннис. Они очень удивились, когда мы сказали, что, к сожалению, не сможем, так как в понедельник начнем прореживать свеклу. Кажется, они подумали, что просто какой-то странный, чуть ли не болезненный каприз гонит нас на свекольное поле. Когда же мы объяснили, что вынуждены заниматься этим, хотим этого или нет, они от всего сердца пожалели, что у нас такие жестокие и бесчеловечные родители. На какое-то мгновение я призадумалась. Действительно ли плохо то, что мы вынуждены работать? Ведь мы все работаем! Эрик, быть может, больше нас всех, а Бьёрн в своей черной от сажи мастерской с семи утра до пяти часов пополудни, а Черстин и я, по правде сказать, не так упорно, как они, но, во всяком случае, в меру наших сил. Я взглянула на Черстин. Она совершенно не производила впечатления изможденной рабыни. Наоборот, я никогда не видела ее такой свежей и загорелой. И знала, что выгляжу точь-в-точь так же. И вообще, разве это лето не было гораздо веселее — раза в два, — чем все прежние, которые мы обычно проводили на Западном побережье? Лежать на скале и жариться на солнце, пока не начнешь менять кожу, как змея, вероятно, в общем и целом не самое великое счастье в жизни.

— Самое большое счастье в жизни, — сказала Черстин, буквально перехватив слова, готовые сорваться с моих губ, — это работать! А теперь послушайте!

Пустив в ход властный мамин тон, Черстин почти буквально воспроизвела мамины слова из той самой речи по поводу новых брюк. Когда Черстин наконец

закончила свое выступление, среди присутствовавших не нашлось никого, кто совершенно не уяснил, какие мы, собственно говоря, безгранично прилежные и как для благосостояния усадьбы Лильхамра необходима наша рабочая сила! Меня почти охватило страшное беспокойство, когда я подумала, сколько я стою и какие деньги практически расточила, сидя здесь в полном безделье.

Когда мама и папа девочек примчались вечером домой на своем «паккарде», они нашли своих дочерей в обществе нескольких «голубцов», которые быстренько «развернулись», сбросив купальные халаты, и облачились в свои штатские одежды, успевшие к тому времени высохнуть. Мы поблагодарили за приют и были радушно приглашены приехать вновь. Велосипед Черстин хозяева предложили отправить завтра в поселковую мастерскую на грузовике с молоком. Эрик посадил Черстин на багажник. И мы ринулись домой, овеваемые прохладным вечерним ветерком.

Девятая глава

А в понедельник мы уже горели на работе, прореживая свеклу. И было самое время! Ботва свеклы уже заметно вымахала, стала совсем высокой, да и уборка урожая была не за горами. Юхан, Улле и Свен Свенссон шли впереди и прореживали свеклу, то есть срезали часть свекольной ботвы, сохраняя лишь съедобное корневище. А нам в каждой ямке нужно было безжалостно убрать все свеколки, кроме одной, чтобы оставшаяся впитывала в себя солнце, и воздух, и корм и превратилась к осени в небольшой тяжелый овощ.

Эдит, Черстин и я, а также четверо ребяташек Ферма — вот кому предстояло позаботиться об окончательном прореживании свеклы. Мне казалось, что свекольное поле выглядит головокружительно огромным. Юхан отмерил на всех двадцать рядов, но Черстин и я соединили наши ряды и решили помогать друг другу. Таким образом, мы все время могли двигаться рядом, работая и вместе с тем приятно болтая. Я тотчас вызвала Черстин на соревнование: кто

быстрее дойдет до края канавы, до межи, которая маячила вдаль, словно Мекка для пилигрима¹. Мне казалось, что я должна взять реванш за поражение в тот день, когда доила коров. Мы принялись за дело с быстротой истинных спринтеров, но ведь и так было ясно, что Черстин, которая должна была остаться позади, уходит вперед, хотя я неистовствовала так, что свекла и сорняки просто кружились в воздухе. Однако мне удалось добиться признания и реабилитации. Юхан пришел проверять нашу работу и обнаружил, что Черстин оставляет в ямках и по две, и по три свеклы. Черстин сочла его мелочным.

— Неужели, Юхан, вы не понимаете, что маленькая свеколка может почувствовать себя одинокой! — сказала она. — Я думаю, что, когда они там вдвоем или втроем, это мило!

— Дурацкая болтовня! — возмутился Юхан.

И Черстин пришлось все переделывать заново, а я оказалась в победителях уже после первого ряда. Но мало-помалу мы утратили вкус к соревнованию. Скорость значительно понизилась, и Черстин вдруг растянулась на земле.

— Мне так хорошо думается, когда я лежу, — сказала она.

Но Юхан терпеть не мог лентяев.

— А ну вкалывайте! Только не останавливайтесь! — подстегивал он нас.

А мы отвечали, что ему отлично подошло бы место надсмотрщика на галерах, где бы он избивал

¹ Мекка — священный город мусульман в Саудовской Аравии, место их паломничества.

рабов, если бы только в наше время не было так туго с рабами. В ответ на это он только удовлетворенно улыбался:

— А ну вкалывайте!

Вот единственный результат наших речей. И мы вкалывали. Сорняков было великое множество. Самым мерзким оказался пырей, который рос там, прикидываясь красивой, скромной травкой, а на самом деле его длиннющие корни разветвлялись во все стороны.

— Что до меня, — произнесла я, — то я считаю: эти корни пронзают весь земной шар и вылезают наружу по другую его сторону.

— Да, — поддержала меня Черстин. — А там, внизу, в Юго-Восточной Африке, сидит маленький злой зулус — туземец из племени кафров — и не выпускает эти корни наружу. Только чтобы поддразнить нас.

День неудержимо клонился к вечеру. Нещадно пекло солнце. Болели коленки, а руки устали сражаться с пыреем. Земля забивалась в глаза, в уши и в нос, жажда мучила так, что ты начинал чувствовать себя Свеном Хедином¹, ползущим за водой в пустыне Такла-Макан².

Но выпадали и минуты блаженства. Например, перерывы, когда пили кофе. Тогда мы все вместе собирались у межи и доставали термосы с кофе и бутерброды. Испачканными землей руками мы макали

¹ Хедин Свен (1865—1952) — известный шведский географ, путешественник и исследователь, член Шведской академии (1913).

² Такла-Макан — пустыня на западе Китая.

бутерброды в кофе и весело прихлебывали из кружек. Еда сопровождалась беседой, и столько жизненной мудрости ухитрялись выжать из себя лишь за один-единственный такой перерыв Свен Свенссон и Юхан, что какому-нибудь профессору понадобилось бы прочитать по меньшей мере десять лекций, чтобы соответствовать им. Улле, обычно такой веселый и переполненный забавными шутками, был в тот день чуточку удручен.

— Ну и бяда быть челвеком, — сказал он, бросив обвиняющий взгляд в сторону Эдит. — Памрет челвек аль будит жив, все одно: никто по яму не заплачит.

Мы все знали, что тяготило Улле, лишая его радости жизни. Мы все видели, как Ивар, работник из усадьбы Блумкулла, пробирался по субботам закоулками нашей усадьбы. Мне было жаль Улле, но, лежа на спине среди цветов — камнеломки и солнццета — и глядя на плывущие по небу мелкие летние тучки, я ни в коем случае не могла согласиться с Улле, что «быть челвеком» — «бяда»! Наоборот, несмотря на пропалывание свеклы и на пырей, я от всего сердца радовалась, что ухитрилась грохнуть-ся на эту планету. Как легко могла бы я стать фрёкен марсианкой с плавательными перепонками между пальцами ног или, может быть, с одним только громадным глазом посреди лба! Уныние Улле вообще-то возымело некоторое действие, поскольку Эдит с сияющей улыбкой подала ему кружку крепчайшего кофе.

Но день был длинный и трудный, и домой мы шли усталые, особенно Черстин. Да и настроение у нее было неважное. С отвращением смотрела она

на свой грязный комбинезон и черные, как уголь, руки с землей отечества под ногтями.

— Хочу быть благородной дамой, — недовольно сказала она. — Хочу ходить в нейлоновых чулках и в туфлях на высоком каблуке. Хочу быть красивой и неотразимой и чтобы от меня пахло «курениями и лададаном». *Не желаю* прореживать свеклу!

— «Высшее счастье — работа», — напомнила ей. — Кажется, не далее как в субботний вечер мы выслушали твою краткую, но содержательную проповедь на эту тему.

— Да, но я никогда не говорила, что работать надо лежа, ковыряясь в земле. Я скорее всего думала о каком-нибудь престижном занятии, не столь уничтожающе губительном для ногтей.

Теперь уже я прибегла к властному маминому тону. Я сказала, что она должна отбросить причуды капризной барышни и что любая работа хороша, если только трудиться честно. Я все больше и больше распалялась и с дьявольской логикой выдвигала разные аргументы в пользу необходимости трудиться. Так что вскоре не осталось уже никаких сомнений в том, что «высшее счастье жизни» есть. И это не более и не менее как прореживание свеклы.

Тем временем мы вышли на проселочную дорогу. И как раз когда я, размахивая руками, вбивала в Черстин мысль о том, что ей следует чуточку больше думать о работе и чуточку меньше о том, как она выглядит, из-за угла вынырнул маленький красный спортивный автомобильчик. Я тут же забыла о внешнем виде Черстин и переключилась на раздумья о своем собственном. Потому что в автомобиле, резко

затормозившем прямо перед нашим носом, сидели двое молодых людей в летной форме. Никогда раньше нам не приходилось их видеть. А остановились они из чистого любопытства. Видимо, молодым людям была известна Лильхамра, потому что им захотелось услышать мнение юных сельскохозяйственных тружениц о своем новом хозяине.

— Что, собственно, за человек этот сумасшедший майор? — поинтересовался один из них.

— О, это никому не известный мучитель детей, — ответила Черстин. — Он не щадит даже свою собственную плоть и кровь. Его дети знай только работают и надрываются с утра до вечера!

После этого ошеломляющего заявления мы ушли, и понадобилось довольно много времени, прежде чем молодые люди, опомнившись, смогли двинуться дальше.

К счастью, папа затопил баньку, и именно сегодня нам было особенно приятно мыться. Во время ужина раздался телефонный звонок из Моссторпа. Анн и Вивека поинтересовались, не хотим ли мы прокатиться на велосипедах и познакомиться с их старшим братом, который как раз приехал с товарищем в отпуск.

— Ага, мой дорогой доктор Ватсон, — сказала я Черстин, — загадка красного автомобильчика разрешена!

Поев, мы тут же ринулись в Гнездовье Патрончиков, и началось такое прихорашивание, подобного которому на человеческой памяти еще не бывало.

Мы расчесывали щетками и гребнями волосы, мы чистили зубы, мы полировали ногти на каждом паль-

це и, правда-правда, чуть ли не полировали ногти и на ногах. Мы смазывали наши натруженные руки благоухающими кремами и накладывали на наши отчаянно блестевшие после бани носы пудру из коробочки, которая вынималась в особо торжественных случаях. А случай этот был особо торжественным! Ведь нас буквально снедало желание показать этим летающим юношам, что мы, право же, можем выглядеть как все люди, хотя и валялись целый день на свекольном поле. Черстин зашла так далеко, что предложила надеть пикейные платья, но я сказала:

— Стоит ли? Подумай, что будет, если мы ослепим их нашей необыкновенной красотой до потери сознания?

Поэтому мы решили на всякий случай надеть что-то менее обворожительное. Черстин одолжила велосипед у Эдит, и мы отправились в дорогу. Папа бросил нам вслед слова предупреждения:

— Возвращайтесь скорей домой и ложитесь спать вовремя. Завтра в половине седьмого утра — подъем, побудка; не забудьте об этом!

Но мы уже были почти на полпути к Моссторпу. Прямо при въезде в усадьбу нас встретил Малыш Гангстер с высунутым, словно у муравьеда, языком.

— Мой миленький, славный, прекрасно воспитанный дружок, — сказала Черстин, — не против ли ты, чтобы мы попросили тебя убрать язычок в рот и сказать, где твои сестры?

— Сидят в саду и кривляются перед парнем, — просветил он нас. — Туссе тоже там. И Торкель. Туссе — хаспирант при авиации. Я тоже стану хаспирантом при авиации, и у меня будет собственный

самолет-истребитель. Туссе — мой брат. Он — хаспирант при авиации...

— Мы верим тебе! — сказала Черстин.

— Там есть еще один хмырь, и он тоже хаспирант при авиации.

— Что мне особенно хотелось бы знать, — продолжила Черстин, — это в какую сторону нам идти, чтобы увидеть этих «хаспирантов».

— Туда, — сказал Клас, неохотно ткнув пальцем в сторону сада. Затем мы расстались, выказав взаимную учтивость: то есть он показал язык нам, а мы показали языки ему. Мы пошли в указанную сторону, но не обнаружили ни малейшего следа какого-либо «хаспиранта».

— Впечатление такое, будто аспиранты взлетели в воздух, прихватив с собой Анн и Вивеку, — решила Черстин.

— Летите с миром! — напутствовала их я.

— Аспиранты *испарились*, — услышали мы восхищенный писк Вивеки.

Он доносился с гигантского клена, и, взглянув вверх, мы увидели среди ветвей пять веселых лиц.

— Будьте добры, поднимитесь по лестнице наверх и выпейте с нами чашечку кофе, — пригласила Анн.

И действительно, на верхушку клена вела лестница. На высоте нескольких метров, там, где ствол дерева разветвлялся на четыре могучие ветви, была устроена площадка из досок, на которой размещались стол и скамейки.

То была совершенно очаровательная беседка, приспособленная для кофепития и веселой болтовни.

Анн представила своего старшего брата Тура и его товарища Кристера.

— Вот как, значит, это и есть изможденные дочери неизвестного мучителя детей! — воскликнул Тур.

— Именно так! — сказала Черстин. — А это — тот самый любопытствующий и любознательный аспирант?

— Так точно! — ответил Тур.

Кристер вначале не произнес ни слова, только не отрывал от нас взгляда глубоко сидящих темно-синих глаз, и я было подумала, что он чрезвычайно молчаливый индивидуум.

Но это оказалось жестоким заблуждением. В течение следующих десяти минут он пустил в ход все свое красноречие. И он, и Тур старались превзойти друг друга, сиюсь вести беседу, изобилующую смешными шутками, отчаянными остротами и забавными словечками.

Черстин, и я, и Вивека старались не отставать от них. Торкелю и Анн, конечно, доставляла большое удовольствие роль слушателей. Мы же выступали примерно так, словно играли в каком-нибудь американском фильме, но только еще энергичнее. В конце концов я почувствовала, что, если мне придется еще хотя бы пять минут быть остроумной, я умру. Но с помощью крепкого кофе и одной-другой минуты перерыва, когда Тур и Кристер пели песни ополченцев, я пришла в себя, и нам стало ужасно весело. Посреди всего этого веселья я вдруг опомнилась и подумала, как там Бьёрн и чем он занимается... И тут же почувствовала угрызения совести, что не позвонила ему, прежде чем уехать, и не предупредила, что нас не

будет дома. Ведь возможно, сегодня вечером он напрасно преодолевал все эти холмы... Но долго размышлять об этом я не могла, так как Кристер нагнулся ко мне, как раз когда Тур рассказывал какую-то историю, и, понизив голос, спросил, не хочу ли я как-нибудь на этой неделе совершить небольшую прогулку в его автомобиле?

Ведь он никогда не бывал в здешних местах, сказал он, и ему нужен гид. Я возразила, что в таком случае гидами удобнее быть Анн и Вивеке, которые здесь под рукой. В ответ он заявил, что по моему лицу видно, какой я великолепный гид, и я подумала: *all right*, если ты так чертовски великолепна, то тебе, вероятно, не помешает маленькая прогулка по окрестностям. Во всяком случае, я ведь могу спросить маму, считает ли она это возможным. И вообще автомобиль — очарователен. И черт его знает, не так ли и Кристер? Мы договорились на четверг.

Десятая глава

Всю эту неделю мы прореживали свеклу, и всю эту неделю Бьёрн был болен. Мне было его ужасно жаль, и я ежедневно звонила маме Бьёрна, осведомляясь, как он себя чувствует, и посылала ему приветы. Да, я даже зашла так далеко, что отыскала у себя книгу, которую он, как мне было известно, хотел прочесть, и послала ее Бьёрну на завод с одним из детишек Ферма.

Но если быть беспощадно честной к самой себе, то должна признать: по правде говоря, меня очень устраивало, что он не мог приезжать в усадьбу Лильхамра, по крайней мере явиться сюда в четверг вечером. Потому что в тот день я разъезжала в красном спортивном автомобильчике с Кристером. Все обитатели Моссторпа приехали в среду вечером к нам в усадьбу и познакомились с мамой и папой, так что мама после некоторых колебаний позволила мне поехать с Кристером в качестве его чичероне¹.

¹ Чичероне (*ит.*) — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей. Иногда, как здесь, это слово употребляется в иронически-шутливом смысле.

А в субботу Анн исполнялось восемнадцать лет. Она отметила свой день рождения блистательным праздником. Черстин и я получили приглашение. Эрик и Бьёрн тоже, но Бьёрн по-прежнему был болен и не избавился еще от своего бронхита.

В усадьбу Моссторп, находившуюся на расстоянии всего полумили от нашей усадьбы, нас с Черстин отвез Юхан, — потому что мы были в длинных платьях и не могли трястись на велосипедах. Мы ехали в дрожках, которые папа обнаружил среди прочего инвентаря. Они были куплены еще в дедушкины времена и выглядели, естественно, старомодно, но дрожки в любом случае дрожки и есть, и мы чувствовали себя вполне соответствующими нашему сословию, когда, свернув с аллеи Моссторпа, подкатили к парадному подъезду.

— О юность, да чаво ж ты прекрасна, — вздохнул Юхан, когда мы вылезли из экипажа. — Ну да ладно, чаво там, вселитесь!

— Будь уверен, Юхан, нам будет весело! — сказала я. — Заруби себе это на носу!

И он покатил обратно с довольной улыбкой на своем добром лице.

Мы поздоровались с хозяевами, которые, стоя на крыльце веранды, принимали гостей, а потом разбредлись по саду вместе с двадцатью другими молодыми людьми и девушками, приехавшими сюда снизу из поселка и из окрестных усадеб. Это была картина, которую можно назвать впечатляющей: сад с бархатно-зелеными ухоженными лужайками и девочки в длинных платьях среди цветущих жимолости и боярышника. Я заметила, что абсолютно все девочки

были одеты в светлые цветастые платья, абсолютно все, кроме Черстин и меня. Наши платья для танцев были сшиты из полотна в красно-белую клетку, и я уже серьезно подумывала, не обрести ли мне из-за этого небольшой комплекс неполноценности, но, к счастью, к саду появилась мама Вивеки и Анн и, пощупав мою юбку, сказала:

— О, какое очаровательное платье! Надо мне заказать такие же для Анн и Вивеки.

Так что после этих слов все девочки на свете могли быть сколь угодно цветастыми, мне, во всяком случае, это было уже все равно.

Как рассказывала впоследствии Черстин, она бродила по всему саду в поисках Эрика и встретила Кристера, который, пылко схватив ее за руку, сказал:

— Детка, сегодня вечером я хочу танцевать только с тобой!

— Осмелюсь заметить, — холодно произнесла Черстин, — что перед тобой — Черстин, а Эрик — необыкновенно сильный парень и может в любую минуту вынырнуть из-за ближайшего куста. Но если ты найдешь кого-то с коричневой крапинкой на левой щеке и с видом жуткой воображалы, то можешь попытаться пригласить ее вместо меня.

Обеденный стол, украшенный красным боярышником и белой сиренью, накрыли на большой открытой веранде.

Это был едва ли не первый настоящий праздничный обед, на котором присутствовали мы с Черстин. То есть, точнее, мы бывали на обедах, которые устраивали мама и папа, но тогда мы только помогали накрывать на стол. Совершенно другое дело, когда

ты сам сидишь за столом, а тебя обслуживают... Мы чувствовали себя чудесно: словно абсолютно взрослые, а к тому же все было так вкусно! Сначала сандвичи, потом цыпленок и, наконец, мороженое с теплым шоколадным соусом. Когда мы ели мороженое, я жалела, что нет Бьёрна, я знала, что оно бы ему понравилось. Но, право же, это был один-единственный раз за весь вечер, когда я о нем подумала. Да, честно!

Виновница торжества — Анн — восседала в торце стола и в самом деле была так красива, что нельзя было насмотреться на нее. После того как подали мороженое, ее отец произнес в честь Анн речь, утверждая, что она всегда была доброй и милой дочерью. Этого даже не нужно было говорить, это было написано на ее лице!

— Анн — совсем не такая, как я, — сказала Вивека, сидевшая как раз напротив нас с Кристером вместе с симпатичным веснушчатым мальчиком. — Я и не красива, и не добра. Но умна, как пуделиха.

После обеда мы убрали стол и стулья и включили радиолу¹. Мы танцевали на веранде, а между танцами сидели на перилах крыльца или слонялись по саду. Кристер танцевал непростительно великолепно. Протанцевав вместе три танца подряд, мы влезли на клен и уселись немного поболтать. Разумеется, беседовать с ним всерьез было невозможно, но если хочется с кем-нибудь потрепаться, то трудно найти кого-либо лучше Кристера.

¹ Радиола — аппарат, соединяющий в себе радиоприемник, электропатефон и репродуктор.

Папа собирался приехать за нами в половине двенадцатого, и мы с непритворным огорчением видели, что роковой удар часов близок. Необходимость прервать праздник, прежде чем по-настоящему исчерпает каждую каплю развлечений и веселья, была отвратительна. Черстин и я, мрачно забившись в угол, держали совет. Увидев это, Анн подошла к нам и спросила:

— Почему бы вам не переночевать сегодня в Моссторпе? Мы с Вивекой дадим вам пижамы, а зубы почистите каплей зубной пасты на чистой тряпочке.

Черстин и я взглянули друг на друга. Известная история с колумбовым яйцом¹ показалась нам попросту хитрой уловкой по сравнению с предложением Анн. Мы вяло возражали, как того требовала учтивость, но нам ужасно хотелось остаться. И чем больше мы думали, как весело было бы остаться, тем большую жалость испытывали к бедному папе, которому пришлось бы проехаться впустую посреди ночи. Я ринулась к телефону и позвонила домой. К телефону подошел папа.

— Привет! — сказала я. — Ты случайно не спал?

— Нет, случайно не спал, — ответил он.

— Как жаль! — огорчилась я. — Тогда ложись спать!

¹ Выражение «колумбово яйцо» изредка употребляется по поводу неожиданно смелого выхода из какого-нибудь затруднительного положения. (Из ходячего рассказа о знаменитом мореплавателе Христофоре Колумбе (1451—1506), который в ответ на предложение поставить куриное яйцо укрепил его стоймя, надколов снизу.)

— Что за глупости ты болтаешь?

— Ну, ты ведь понимаешь, что в общем и целом Черстин и я не из тех дочерей, которые выгоняют своего старика отца посреди ночи на проселочную дорогу, чтобы он замерз или наехал на что-нибудь. Этого нам просто наши сердца не позволят.

— Говори так, чтобы тебя поняли! О чем идет речь? Какую еще чертовщину вы придумали?

— Не надо жестоких слов, — отпаривала я. — Мы собираемся здесь переночевать. Этого хотят Анн и Вивека. Этого хотят их мама и папа. Всеобщее желание, чтобы мы остались ночевать в Моссторпе. Спроси маму, можно ли нам остаться?!

Он что-то слабо пробормотал, и я услышала, как он советуется с мамой. Через минуту я уже снова кружилась в вихре танца. Но вот стихли звуки последнего вальса. Эрик вызвался отвезти Черстин домой на багажнике, но об этом ведь не могло быть и речи!

У Анн и Вивеки была большая красивая комната в мансарде на втором этаже, и там мы должны были ночевать. Их мама настойчиво просила нас не поднимать слишком большого шума. Ее как раз в тот период мучила бессонница, а спальня находилась совсем рядом с комнатой девочек. А мы, в свою очередь, призвали Тура и Кристера не поднимать слишком большого шума над нашими головами. Молодые люди жили в комнатке на чердаке прямо над комнатой Вивеки и Анн.

Приглушенно болтая и беспрестанно хихикая, мы поделились с определенными предосторожностями, чтобы не нарушить ночной покой хозяйки дома. Первой

разделась Черстин и быстро прыгнула на раскладную походную кровать, где должна была спать. Но походная кровать явно не привыкла к таким резким движениям. Она рухнула с грохотом, который наверняка был слышен даже внизу в погребе. И мы хохотали до визга, заткнув рот подушками. Успокоившись, мы снова поставили кровать на ножки и залезли в постели. А потом долго болтали о том о сем. Как раз в тот момент, когда Анн призналась: она, пожалуй, думает, что, возможно, чуточку влюблена в Торкеля, я случайно бросила взгляд в окно. И следом за этим тишину прорезал ужасающий крик. Мой крик. Потому что за окном парила, размахивая руками, страшная белая фигура. Кровь застыла у меня в жилах, волосы встали на голове дыбом, глаза чуть не вылезли из орбит, все происходило точь-в-точь как в самой наиклассической истории с привидениями. У меня вырвался крик. То же самое произошло и с остальными, когда они взглянули на чудовище за окном. Но фигура продолжала однообразно парить, по-прежнему размахивая руками. И мы решились взглянуть на нее. Это оказалась всего-навсего большая кукла, сделанная из простыни и перевязанная веревками, — кукла, которая качалась на пожарном канате. И вышеупомянутый канат раскачивали взад-вперед Тур и Кристер, чьи радостные ухмылки мы увидели, глянув вверх на их окно.

— Подумать только! Как легко напугать современных юных дам! — с чувством превосходства заметил Тур.

— И подумать только, что современные молодые люди так ребячливы, что играют в куклы, — сказала Черстин.

— Почему вы не спите? — спросил Кристер, поднимая куклу в окно.

— Спи сам, тогда увидишь, как это хорошо, — ответила Вивека.

Мы снова двинулись вглубь комнаты. Но мир и покой были кратковременны.

— Я только хочу посмотреть, хорошо ли вы подоткнули одеяла, — услышали мы голос за окном.

И увидели, что там на пожарном канате висит Тур. Упершись ногой в стену, он с довольным видом раскачивался взад-вперед, этакое статное явление в голубой пижаме. Тогда, вытянув указательный палец, я совсем чуточку пощекотала его. Я, пожалуй, и представить себе не могла, что он *так* боится щекотки! Но он именно *так* ее и боялся! Он не мог бы заорать громче, даже если бы я стала вырезать кровавого орла у него на спине¹. И Тур, извиваясь словно змей, заскользил вниз по веревке, извергая ужасающие проклятия в мой адрес. Благополучно спустившись на землю, он быстро успокоился и решил пропеть нам серенаду. Играя на воображаемой лютне, он пел, исполненный томления:

Твои жемчуга и алмазы
Нельзя ни с чьими равнять.
Глаза твои всех прелестней, —
Чего ж тебе больше желать...²

¹ «Вырезать кровавого орла» — лишить кого-либо жизни, вырезав ребро, а затем вытащив легкое.

² Тур исполняет на шведском языке стихотворение «Твои жемчуга и алмазы...» великого немецкого поэта Генриха Гейне (1796—1856) из сборника «Книга песен» (1827). Цит. по: Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С. 112. Перевод Т. Сильман.

И как раз в эту минуту Вивека, схватив лейку, вылила воду в его широко разверстую пасть, в результате чего сладостные звуки превратились в неотчетливое бульканье. Мы расхохотались от всего сердца и довольно грубо.

— А вот и Тарзан¹, сын обезьян! — вдруг услышали мы голос сверху, и, элегантно спускаясь по пожарному канату, держась лишь одной рукой, появился Кристер.

Он совершил промежуточную посадку на лист жести под нашим окном. Но мы принялись щипать его за ноги, и он счел целесообразным ретироваться и спустился вниз к Туру.

В мировой истории известны примеры того, как великая идея эпохи приходит одновременно в две различные человеческие головы. Именно это и произошло. Вивека и я разом ринулись из комнаты, взбежали вверх по чердачной лестнице в комнату мальчиков, дрожа от радости, отцепили канат от скобы, на которой он держался, и сбросили его вниз, в сад. Услышав протестующий вой, мы поспешили обратно к Анн и Черстин. Затем мы все четверо высунулись в окно и стали смотреть на несчастных мальчишек, стоявших в пижамах, босиком; они оказались основательно изолированы на всю ночь. Мы хохотали изо всех сил.

— Нечего стоять там и глазеть, — сказала Анн. — Можете пошататься немного по лужайкам, вот ночь быстренько и пройдет.

¹ Герой многотомной серии приключенческих книг известного американского писателя Эдгара Райса Берроуза (1875—1950).

— А бывает, что в это время года наступают заморозки, — с надеждой в голосе продолжила я.

— Да, если только приметы не врут, нынче под утро грянет мороз! — добавила Вивека.

— В таком случае вам надо с размаху бить себя руками — это лучший способ согреться, — сказала Черстин. — А когда пальцы ног начнут синеть, можете подуть на них, это всегда немного помогает.

— Ха! — воскликнул Кристер. — Вы еще не видели, на что способен Тарзан, сын обезьян!

С этими словами он влез на высокий клен, что рос как раз перед мансардой, и, обвязавшись пожарным канатом, взобрался на ветку, простиравшуюся высоко над крышей дома. Выбрав подходящее местечко, он крепко привязал канат, а затем совершил прыжок, который сделал бы честь любому артисту цирка. Секунду спустя он уже стоял на коньке крыши. Восхищенные его доблестью, мы висели в окне буквально на ногтях. Брошенный Кристером пожарный канат помог Туру взобраться наверх и перевести дух, — не мог же он остаться на клене на вечные времена, словно мемориальная доска. С бьющимся сердцем и с опасностью для жизни свисая из окна, узрели мы потом, как Кристер медленно спускается вниз с крыши. Он висел на руках и болтал ногами, заставляя нас беспокоиться. Когда он наконец очутился в безопасности на жестяном подоконнике своей комнаты, мы испустили глубокий вздох облегчения.

Но Тур был по-прежнему изолирован — он ведь не мог проделать тот же маневр, потому что тогда пожарный канат остался бы висеть на дереве, выдав наши ночные приключения.

— Ладно, брось-ка мне канат! — посоветовал Кристер.

Тур сделал достойную уважения попытку последовать его совету. На одном конце каната был железный крюк, но, несмотря на его тяжесть, Туру никак не удавалось подбросить канат до чердака. Зато ему отлично удалось добросить его до нашего окна.

— Берегитесь, я бросаю канат! — крикнул он.

И бросил его... прямо в окно!

Бух, дзинь! — сказала окно — это сломалась лейка.

Мы заорали, а вода заструилась по полу.

— В чем дело? — воскликнул Тур.

— О, ничего особенного, — ответила Вивека. — Всего лишь жалкая лейка! Не отчаивайся и не сдавайся! Лампа еще цела!

Между тем Кристер высидел идею. Длинная веревка — наверное, та, которой они связывали простыню, — пролетела в воздухе, и Тур крепко привязал ее к крюку. Мы отрезали кусочек веревки только один раз, когда Тур забрасывал ее наверх. Второй попытке мы мешать не стали, так как нам уже очень хотелось спать, и Тур забросил веревку. Кристер поднял пожарный канат наверх, Тур с торжеством взобрался по нему и исчез в окне.

— Спокойной ночи, девчонки! — закричал он. — И не воображайте, что можете издеваться над двумя важными аспирантами при Королевской авиации Швеции! Черта с два!

Мы забрались в постели.

— Бедная мама! — сказала Анн. — Она, конечно, глаз не сомкнула нынче ночью.

Ой, об этом мы совершенно забыли! И, преисполненные беспокойства по поводу того, что скажет утроем хозяйка дома, мы мало-помалу погрузились в глубокий сон.

Около десяти часов утра солнце, озарив своими светлыми лучами Моссторп, осветило также и голодную ораву кающихся грешников, собравшуюся на балконе, где хозяин и хозяйка дома восседали во главе стола, на котором уже стоял кофе. Даже самые страшные запоздалые угрызения совести не помешали нам накинуться на булочки и рулет с кремом.

— О, у меня сегодня такое чувство бодрости! — сказала мама Вивеки и Анн. — Спасибо, милые мои, вы так тихо вели себя вчера вечером! Не припомню ночи, когда бы я так сладко спала!

Мы ничего не ответили, только многозначительно переглянулись. И я подумала: она так сладко спит во время бессонницы, что даже трубы иерихонские¹, оглушительно гремящие прямо над ухом, не смогут заставить ее пробудиться. Но Малыш Гангстер, которого по какой-то непонятной причине не было видно во время вчерашних торжеств (должно быть, его убрали куда-нибудь подальше, связав руки за спиной), подошел к Кристеру и став прямо против него, хитро улыбнулся и очень выразительно сказал:

— Тарзан!

¹ Труба иерихонская — чрезвычайно громкий звук. Город Иерихон (VII—II тысячелетие до н. э.) в Палестине (территория современной Иордании) в конце II тысячелетия до н. э. был разрушен еврейскими племенами. По библейскому преданию, стены Иерихона рухнули от звуков их труб.

Тогда Кристер вынул из кармана монетку в двадцать пять эре и дал ему.

В назначенное время приехал Юхан и забрал нас. Мы покатались домой, лениво откинувшись на подушки качающихся дροжек. Щебетали птицы, светило солнце, колокола в приходской церкви звенели над окрестностью. Нас охватило чувство рассветного воскресного покоя. Утро было чудесное!

— Ну, было вам весело? — спросил Юхан, обернувшись на облучке.

— Можешь быть уверен и заруби себе на носу: нам было весело, — сказала я.

Одиннадцатая глава

днако же потом стало еще веселее. Праздник середины лета¹ грянул, словно веселые торжественные трубные звуки фанфар, прямо в разгар сенокоса. И однажды ярким солнечным утром папа поднял флаг на флагштоке усадьбы Лильхамра. Юхан расхаживал непривычно нарядный, в темно-синем шевиотовом костюме и с причесанными мокрым гребнем волосами. Он был, в виде исключения, совершенно свободен целый день, а такое не часто случается в сельской усадьбе, где за животными, будь то воскресенье или будни, все равно надо присматривать. В полдень он запряг Блаккен и Мунтера в телегу, на которой возят сено, и туда же мы запихнули всех детишек Ферма. А потом понеслись по ухабистой дороге через лес к лугу Челлаэнген², где нало-

¹ Праздник середины лета приходится в Швеции ближе всего к дню летнего солнцестояния, 24 июня. (В России этот праздник называется Иван Купала, Иванов день.)

² Челлаэнген — родниковый луг (шв.).

мали веток и насобирали цветов. После полудня все обитатели усадьбы Лильхамра и несколько детишек статарей¹ из усадьбы Блумкулла собрались внизу на лугу Ваккерэнген, чтобы поднять майское дерево — праздничный шест, украшенный гирляндами из зелени и цветов.

Эрик тоже пришел. Дома у них никакой шест не воздвигали. Эдит, Черстин и я сплели гирлянды из зеленых веток. Мужчины подняли шест, а дети бегали вокруг, словно телята на выгоне. Мама, сидя на зеленой траве, угощала всех желающих соком и булочками, а папа расхаживал с довольным видом. Потом мы танцевали вокруг майского дерева и пели «Вышел я вечером в рощу зеленую», «Пляшут семь девиц-красавиц, фалле-рал-ля...» и еще много других песен, не помню даже каких. И играли в разные игры: «Последняя пара, выйди вон!» и «Двоих бьет третий!». Когда же мы только-только отдышались после всех этих песен, танцев и игр, явился папа и объявил соревнования по бегу в мешках среди юноеров.

Не успела я присесть на камень — освежиться стаканом сока, как рядом со мной вынырнул Бьёрн. Я так обрадовалась, что просто подскочила. Бьёрн был бледен, и я испытывала страшные угрызения совести, будто он стал таким не из-за бронхита, а по моей вине.

Мама пригласила Эрика и Бьёрна на наш скромный ужин. После этого на току должны были состояться

¹ Статари — работники, нанимающиеся на год и получающие оплату натурой.

танцы. Ивар — работник из усадьбы Блумкулла — явился со своей шестирядной гармонью, и со всех сторон начал стекаться народ. Люди потихоньку спускались вниз к току. Специально никого на танцы не приглашали, но все были желанными гостями. Примчался, весело сигналя, и красный спортивный автомобильчик. За рулем сидела Анн, рядом с ней — Вивека, а на заднем сиденье жались Тур и Кристер.

После некоторых небольших подготовительных пассажей на гармонии Ивар рванул вальс «Угол за печкой», и мама с папой открыли бал. Вся площадка на току мигом наполнилась танцующими.

Я танцевала с папой, и с Юханом, и с Улле, и с Эриком, и с Туром, и с Бьёрном, и с Кристером. Думаю, пожалуй, больше всего с Кристером. У него была необычная способность держаться впереди всех, и виден и слышен он был повсюду. Он пел, он смеялся и, казалось, был абсолютно уверен, что он здесь — главное лицо. Несколько раз случалось, что Бьёрн приглашал меня одновременно с ним, и не знаю даже, как это получалось, но Кристер всегда одерживал победу. Впрочем, вообще-то я точно знаю, как это получалось! Все очень просто: я предпочитала танцевать с Кристером.

— «Мой эльф, ты танцуешь столь неслышно, столь тихо...» — пел он; и я чувствовала себя похожей только на эльфа и уже не обращала внимания на то, что Бьёрн еще больше побледнел и что у него усталый вид.

Вечер стоял теплый, а в соседнем приходе была, должно быть, великолепная грозовая погода, так как горизонт застлали черные тучи и уже на расстоянии

слышались раскаты грома. Вдруг полил короткий, но сильный дождь, хорошо освеживший воздух и наше настроение. Кристер счел, что нам необходимо постараться вдохнуть в себя целебный воздух, и мы с ним направились к изгороди и уселись.

— По-моему, слушать гармонь вот так, на расстоянии, восхитительно, — сказал он. — А ты так не думаешь?

Ну да, конечно, я думала то же самое. Но как раз в эту минуту перед нами возник Бьёрн и спросил:

— Можно пригласить тебя на танец?

Я не знала, как мне быть. Бьёрн требовательно смотрел на меня, а Кристер держал за руку.

— Милый Бьёрн, а мы не можем потанцевать в следующий раз? — спросила я. — Я так устала!

Глаза его блеснули.

— Как хочешь! — ответил он.

И, повернувшись на каблуках, ушел. А я, непонятливая скотина, позволила ему уйти, а сама осталась сидеть у изгороди, чувствуя необычайное удовлетворение: этакая прожженная пожирательница мужских сердец — просто до мозга костей. Когда начался следующий танец, мы вернулись обратно. Но Бьёрн больше не появился — ни тогда, ни потом. Он исчез. И даже тогда я не обратила на это внимания. Я танцевала с Кристером до тех пор, пока папа, захлопав в ладоши, не сказал, что теперь вечер кончен.

Обитатели Моссторпа покатили домой, а нам с Черстин пришлось отправиться спать.

— Ой, подумать только... мы совсем забыли... — внезапно сказала Черстин.

— Забыли... что? — удивленно спросила я.

— Мы забыли перепрыгнуть через девять изгородей, собрать девять видов цветов и положить их на ночь под подушку, чтобы нам приснился суженый.

Она была права. Такой шанс упускать нельзя. Мы быстро перепрыгнули через первую изгородь в березовой роще. Я сорвала маленький цветок вероники, а Черстин блуждала чуть подальше в поисках уж не знаю какого там цветка. Как тихо было кругом! А как пахли березы! Я не припомню, чтобы они когда-нибудь благоухали так, как этой ночью. Трава была мокрая после дождя. Стояла тишина, тишина абсолютно беззвучная, если не считать подомашнему уютного свиста коростеля на ржаном поле, совсем рядом. То была тишина, какой я никогда прежде не знала. Казалось, само лето на миг затаило дыхание.

Все вместе было так непереносимо сладостно: и то, что стояло лето, и то, что мне было шестнадцать лет, а потом будет семнадцать, и восемнадцать, и девятнадцать, и то, что есть на свете Черстин, и то, что так непростительно пахнут березы. Я не знала, что бы мне такое сделать! Совсем рядом со мной стояла, так могуче благоухая, маленькая бедняжка березка. И в моем диком упоении я обвила руками ствол и поцеловала деревце, да, я поцеловала его, и, если бы Черстин увидела меня в тот миг, я убила бы ее на месте.

Мы сорвали по девять разных цветов и отправились домой, в Гнездовье Патрончиков, как раз когда начало светать. Я легла, но не могла заснуть, я лежала и болтала сама с собой.

— Летняя ночь, — повторяла я, — летняя ночь!

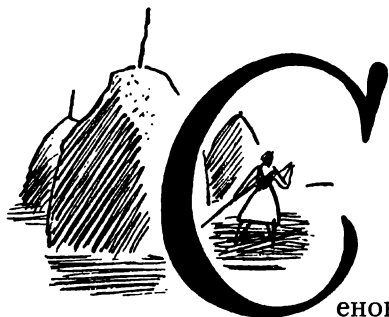

Я говорила громко, потому что мне хотелось услышать, как звучат эти слова. А звучали они красиво! Я подумала, что никогда в жизни не слыхала более красивых слов. Потом я подумала о Бьёрне, и в душе моей загорелось нечто, причинившее мне ужасную боль. Что я наделала, Боже мой, что я наделала!

В мрачном настроении сунула я руку под подушку, где лежали цветы, и позволила маргаритке и дикой герани увянуть в моей руке.

И кто же приснился мне той ночью? Мне приснился Юхан! Ха-ха!

Двенадцатая глава

Сенокос был в полном разгаре, и сенокосилки, которые тянули Блаккен и Мунтер, непрерывно стрекотали на полях. Лошадьми правил Юхан, а Улле и Ферм раскладывали сено на просушку. Следом за ними шла я и правила конными граблями, которые тянула Сиккан. А Черстин и Бленда, запряженная в воз, развозили подставки для сушки сена.

Когда сидишь там, на конных граблях, времени на размышления достаточно. Строго говоря, это единственное, что можно делать. Если, конечно, не спорить и не перебраниваться с Юханом или не слушать перепалки Улле и Ферма — кто, собственно говоря, лучше: по-настоящему красивая девушка или по-настоящему красивая корова. Ферм считал, что корова. Но когда Эдит приносила в поле после полудня кофе и сидела на снопах сена в голубом полотняном платье с засученными рукавами, а голова ее была вся в шаловливых локонах, Улле, показывая на нее пальцем, угрожающе говорил Ферму:

— Неужто ты все еще будешь утверждать, что корова Эльхумла красивее?

Тут Ферм оказывался в затруднительном положении. Ему ведь не хотелось быть явно неучтивым, и он говорил тогда:

— Может, Эльхумла не красивее Эдит, но, пожалуй, внешность ее как бы содержательнее.

Что это означало, никто не понимал. Но Эдит совсем не обижалась.

Да, на размышления времени у меня было предостаточно! Я думала о Бьёрне больше, чем когда-либо прежде, и каждый вечер, когда работа на этот день бывала закончена, я не отрывала глаз от аллеи в надежде увидеть хорошо знакомую фигуру. Однако он так и не пришел, и я с каждым днем становилась все печальнее!

Кристер... он-то приходил, да — он приходил. Каждый вечер красный спортивный автомобильчик останавливался возле нашей калитки, и, если Черстин гуляла с Эриком, я могла немного покататься с Кристером, ведь Бьёрна, чтобы ездить вместе с ним на велосипеде, не было. Но, как ни странно, с каждым разом мне все меньше этого хотелось, и каждый вечер, ложась спать, я грустила.

Днем, во время работы, становилось легче. Юхан утверждал, что сена в этом году чрезвычайно мало, так как в самом начале лета грянула засуха. Но мне-то, мне казалось, что сена у нас слишком много. И когда мы сложили все сено на подставки, где оно должно было сохнуть, то, не поверите, как назло, прилежно полили дожди.

— Чего и следовало ожидать! — сказал папа, мрачно глядя на небо.

Но Юхан возразил ему, что даже если дождь, возможно, не слишком полезен для сена, то он тем не менее куда полезнее для ржи — папиной гордости. Рожь стояла сине-зеленая и нарядная. И вдруг снова засияло солнце, и день или два дул сильный ветер, и папа, выставив большие пальцы рук в сторону запада, сказал:

— Теперь сено высохнет!

И все в усадьбе обрадовались.

У нас не хватало инструментов, снастей и сельскохозяйственных машин, но вот однажды Юхан пришел к папе и спросил, надумал ли он, как быть, когда придет пора собирать урожай.

— А разве уборочная машина не годится? — неуверенно поинтересовался папа.

— Не-а, она и вправду никуда не гожа, — ответил Юхан. — Энту машину нада бы давным-давно сдать в металлолом. Нам бы нада сноповязалку. У всех таперича такая павсеместно, а пачему у нас должно быть хуже?

Рванув себя за волосы, папа сказал, что он не знает, где взять средства на такой непредвиденный расход в несколько тысяч крон.

— Но все же, — вздохнув, произнес он, — мне, вероятно, в любом случае придется заказать одну сноповязалку.

— Не-а, па мне, дак ему это дельть ни к чаму! — пришел на помощь Юхан со своей обычной репликой.

И сунул папе вырезку из газеты с объявлением, в котором было написано, что «по причине смерти в ближайшую субботу состоится в усадьбе Лин-

докра¹ открытый аукцион», где среди прочего «будут продаваться повозки и всякое оборудование, необходимое в земледелии, как-то (следующее слово Юхан подчеркнул красным мелком): *одна сноповязалка фирмы „Мак-Кормик“*...» и т. д.

Нужно же было, как утверждал Юхан, всем человеческим законам вопреки устроить аукцион в самый разгар сенокоса! «Такого, — сказал он, — никогда еще свет не видывал!» Но владелец усадьбы скончался скоропостижно, а «евонная вдова» собиралась уехать к дочери в Америку, а тому, кто купит усадьбу, никакой сноповязалки от Мак-Кормика не понадобится.

— Но она понадобится мне, — удовлетворенно сказал папа.

Аукционы, по его словам, самое лучшее на свете, что он знает, даже если до сих пор никогда не имел обыкновения покупать там сельскохозяйственное оборудование, а лишь старые ветхие стулья и шкафы, рушившиеся на глазах, уже ничего не стоящие скрипки и маленькие хрупкие фарфоровые вазы, заставлявшие маму удрученно качать головой, когда он притаскивал домой свою добычу.

В субботу после полудня Юхан запряг дрожки, и мы — Юхан и папа, Черстин и я — отправились в усадьбу Линдокра со строгим наказом мамы не привозить ничего, кроме сноповязалки. Папа уже заранее радовался как дитя и все время шутил с Юханом. Время от времени Юхану приходилось осаживать лошадей, чтобы папа мог констатировать: ни

¹ Линдокра — липовое поле (шв.).

одно ржаное поле, мимо которого мы проезжали, не может сравниться с его полем, там, дома, в усадьбе Лильхамра. Иногда ему приходилось останавливаться, чтобы мы с Черстин могли выйти из дрожек и собрать землянику на обочинах.

Линдокра оказалась маленькой уютной усадьбой, где, несмотря на разгар сенокоса, собралось множество людей. Впрочем, в субботу в послеполуденное время все были уже свободны от работы и счастливы. Ведь аукционы — это народные гулянья, которые ни в коем случае нельзя пропускать. Мы встретили толпы знакомых. Среди первых, кого я заметила, был крестьянин из Лёвхульты, с которым я частенько имела обыкновение сталкиваться на молокозаводе. Он постоянно раздражался и приставал с оскорбительными вопросами, как, например: понимаем ли мы в усадьбе Лильхамра разницу между рядовой сеялкой и молотилкой, и еще многими другими в том же духе...

— Да, представь себе, мы понимаем эту разницу, — ответила я ему, когда однажды терпение мое лопнуло. — Мы понимаем разницу между многими вещами, даже между чистым молоком и грязным. А на это способны далеко не все, — сказала я.

И тогда — единственный раз — крестьянин из Лёвхульты промолчал. Дело в том, что ему много раз ставили на вид: молоко, которое он привозил, чистым не было, в нем было полно остатков торфяной подстилки и всякой дряни.

И вот здесь, на аукционе, стоял тот самый крестьянин из Лёвхульты и таращил на нас глаза.

— Ну гляньте-ка, экие благородные девицы тут разъезжают, — сказал он. — Чаво вам тут надо?

— Мы собираемся купить сноповязалку, — объяснила Черстин.

— Вон оно что! — воскликнул крестьянин из Лёвхульты. — Ну да! Да только глядите в оба, как бы вам не воротиться домой с тележкой для навозу вместо сноповязалки. Больно легко их перепутать!

Забавно было смотреть на папу, когда аукционщик начал предлагать разные предметы. Не было ни одной вещи, за которую папа не хотел бы предложить свою цену, и он то и дело взывал к Юхану. Может, разумно приобрести это... или это... или это? Так что Юхан вовсю трудился, повторяя свою неизменную вечную поговорку:

— Па мне, дак ему энтого дельть ни к чаму!

И вот мало-помалу наступила и очередь сноповязалки.

— Предложь спярва пять сотен! — шепнул папе Юхан.

Папа так и сделал.

— Пятьсот пятьдесят! — это выкрикнул крестьянин из Лёвхульты, предложив больше.

Вот вредина! Мы-то знали, что у него есть все равно что новая сноповязалка, он сам рассказывал об этом, когда мы сдавали молоко в посёлке. А сейчас он хотел лишь вздуть цену для нас. Никто больше ничего не выкрикнул.

— Шестьсот! — предложил папа.

— Шестьсот пятьдесят! — выкрикнул крестьянин из Лёвхульты.

Я так нервничала, что даже подпрыгнула!

— Семьсот! — предложил папа.

Я сложила руки, словно для молитвы. Наступила долгая пауза.

— Семьсот пятьдесят! — выкрикнул крестьянин из Лёвхульта.

Я могла бы убить его голыми руками...

Вид у папы был совершенно подавленный, и после некоторого колебания он сказал:

— Семьсот семьдесят пять!

Я вперила взгляд в крестьянина из Лёвхульта и подумала: если он теперь поднимет цену, я умру, а после смерти стану являться, как привидение, в Лёвхульт до тех пор, пока этот несчастный жив. И еще чуточку после его смерти. А когда он через несколько секунд выкрикнул: «Восьмьсот!» — я, совершенно спятив, исключительно на нервной почве вонзила ногти в руку совершенно незнакомого, кроткого низкорослого бедняги крестьянина, который, насколько мне известно, никогда ничего дурного мне не сделал. Но тут я услышала, как чей-то пронзительный голос выкрикивает:

— Восьмьсот пятьдесят!

Это кричала я сама. Начался легкий переполох. Старики крестьяне, обернувшись, глядели на меня, аукционщик же вопросительно посмотрел на папу.

— Это моя дочь, — сказал папа, — и я отвечаю за ее предложение.

Крестьянин из Лёвхульта, казалось, немного растерялся.

— Восьмьсот пятьдесят — раз, восьмьсот пятьдесят — два, восьмьсот пятьдесят — три! — произнес аукционщик.

Я не спускала глаз с крестьянина из Лёвхульта, и, по-видимому, у меня был такой кошмарный вид,

что он не осмелился предложить более высокую цену, а может, эта история уже не казалась ему такой забавной, потому что он промолчал. И молоток упал. Сноповязалка была нашей. А Черстин и я обняли друг друга и в радостном похмелье исполнили воинственный танец.

«Надежные и хорошо известные покупатели получают отсрочку платежа на шесть месяцев», — было написано в объявлении. А сегодня папа выглядел таким надежным и хорошо известным, как никогда! Значит, мы успеем наскрести необходимую сумму, прежде чем ее у нас потребуют. Юхан сказал, что, во всяком случае, для такой прекрасной сноповязалки цена невысокая. А папа казался довольным и веселым.

Через несколько дней нам доставили ее домой. Сноповязалка стояла на скотном дворе, и все наше семейство ходило вокруг и рассматривало ее, словно какой-то древний ковчег¹, в котором хранились ветхозаветные скрижали.

Папа захотел немедленно испытать сноповязалку, но Юхан сказал:

— Погоди-ка уж, господин майор, — покедова рожь созрет.

Папа меж тем настаивал на своем противоестественном желании. Он хотел, чтобы Юхан запряг лошадей в сноповязалку и они испытали бы ее на ржаном поле, ну только немножко, немножко, ну совсем немножко...

Юхан страшно возмутился:

¹ Обрамленный золотом ящик, содержащий доски, таблицы с написанными на них священными текстами (*истор.*).

— Сдается мне, господин майор вовсе спятил! Па мне, дак ему *и в самом деле* энто делить ни к чаму!

Однако Черстин сказала:

— Не будь, Юхан, так жесток! Разве ты не понимаешь: это все равно что подарить мальчишке на Рождество игрушечный поезд, а потом потребовать — пусть, мол, дождется Пасхи, чтобы поиграть с ним.

И Юхан, бурча, запряг Блаккен, Сиккен и Бленду в сноповязалку, и впечатляющее представление на ржаном поле началось. Все, что жило и дышало в усадьбе Лильхамра, присутствовало там в качестве публики. Сноповязалка тронулась в путь и, о радость, начала услужливо выплевывать нарядно связанные снопы! Папа же выглядел таким высокомерным, словно он сам, а не Мак-Кормик сконструировал это чудо.

— Подумать только, все изменилось с тех пор, как я был ребенком, — сказал он. — Помню, тогда четыре работника сначала скашивали рожь, а за каждым косарем шла женщина, собиравшая урожай, а потом являлись еще четыре женщины, связывавшие рожь в снопы. Двенадцать человек требовалось для этой работы, а теперь Юхан выполняет ее совершенно один и при этом сидит себе спокойно на сноповязалке и разъезжает по полю, что твой граф!

— Да, уж в техные времена были люди в Швеции, которые хотели быть землепашцами. А ноне подались они все вместе в город, вот и корячиться вместо их должны машины, — сказал Юхан.

Папа и Юхан, углубившись в эту тему и дав волю фантазии, рисовали картину будущего. Папа считал,

что работники тогда будут вовсе не нужны. Только крестьянин проснется поутру, как ему понадобится лишь нажать сколько-то кнопок, и — раз! — множество машин и заработает. Откроются люки, из которых посыплется корм для коров и лошадей. Не успеешь и глазом моргнуть, как с потолка протянутся длинные автоматические руки, которые сразу же начнут чистить лошадей. Молоко от коровы полетится прямо в длинную трубу на молокозавод. Сено будет скошено самоманеврирующей по полю сенокосилкой и, высыхая по дороге, станет задуваться на сеновал с помощью вентиляционной трубы. Юхан с сияющими глазами слушал папу, а я понимала, как у него и у папы прямо-таки чешутся руки, так им не терпится поскорее нажать на эти самые кнопки и поглядеть, как сразу заработают все эти машины.

— Да, а еще бы завести огромный агрегат, чтобы разбрызгивал навоз прямехонько от коров через ворота скотного двора да на поля, — с воодушевлением произнес Юхан.

Но тут Черстин сказала, что попросила бы сообщить ей заранее, когда они нажмут на все эти кнопки, чтобы она могла провести тот день дома за чтением интересной книги.

В ожидании всех этих технических шедевров мы пока откровенно радовались нашей сноповязалке. Но Юхан сказал, что в здешнем приходе вплоть до третьего и четвертого поколения будут рассказывать о том, что однажды летом учудил этот психованный майор из усадьбы Лильхамра еще до того, как рожь созрела.

В тот вечер лошадям задали сытный корм.

Мне же, по правде говоря, чтобы взбодриться, требовался еще один-другой аукцион. Мое настроение большей частью было на нуле. Я ничего не говорила ни одной живой душе, даже Черстин. Но однажды вечером, когда я переодевалась, чтобы пойти погулять с Кристером, Черстин, сидя на краешке своей кровати и глядя на меня, вдруг сказала:

— Черт побери, как же подло ты себя ведешь!

— Разговаривай с больной поласковой, — дрожащим голосом сказала я, так как именно тогда ее неодобрение было больше того, что я могла вынести. — И подумай о том, что ты гораздо старше и разумнее!

И прежде чем я успела этому помешать, слезы точно горошины покатались у меня по щекам. Тогда Черстин смягчилась, и я горько заплакала, прижавшись к ее плечу.

— Не думаешь ли ты, — выдавливала я из себя между всхлипываниями, — не думаешь ли ты, что лучше бы мы были тройняшками? Тогда бы этого никогда не случилось, потому что нас троих хватило бы на них на всех.

— Возможно, — сказала Черстин. — Но кто в таком случае дружил бы с Бьёрном, а кто бы разъезжал по округе с Кристером?

— Абсолютно ясно, что я бы дружила с Бьёрном! Нам не хватает еще одной сестры!

Я вдруг почувствовала глубочайшую неприязнь к своей нерожденной сестре-тройняшке. Чего она явилась сюда и развоображалась? По мне, так пусть бы разъезжала хоть по всей стране в красном автомобильчике, но держалась бы подальше от Бьёрна! Если она из таких, что думает наложить лапу на *моего*

Бьёрна, то все же хорошо, что она никогда не появилась на свет.

Но у меня было совсем немного времени, чтобы злиться на нее. Знакомый гудок автомобиля раздался у ворот, и мне пришлось быстро окунуть лицо в холодную воду и надвинуть на одно ухо беретик.

— До свидания, глупый ты зяблик, — сказала Черстин и как бы в знак утешения ткнула меня кулаком в бок.

Кристер был весел и возбужден, как обычно, а я болтала чепуху, все, что приходило мне в голову. Мы собирались полюбоваться видами природы на расстоянии нескольких миль отсюда. Но не успели мы еще доехать туда, и автомобиль еще не остановился, как Кристер, пытливо заглянув мне в глаза, сказал:

— Я без ума от тебя, Барбру! Ты не такая, как все. Ты не похожа ни на одну из девочек, которых я встречал.

— «Гм», — сказал *граф*¹ с ударением на каждом слоге! Скольких маленьких девчонок ты пытался сбить с пути истинного, произнося эти слова? — поинтересовалась я.

И тогда он заявил, что я, мол, слишком молода, чтобы быть столь циничной.

Я же ответила ему: то, что он назвал цинизмом, — всего лишь обычный здравый крестьянский разум.

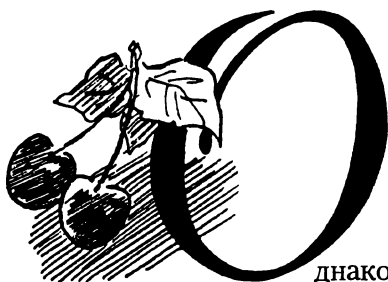
¹ Поговорка, к которой Линдгрэн, используя ее, прибавила несколько слов.

Мы довольно долго любовались открывшимся перед нами видом. Так долго, что в конце концов я устала от всего и подумала: «Этот ландшафт так же правдив, как то, что я живу на свете».

Когда он высадил меня у калитки, я так же правдиво сказала Кристеру, что ему надо поискать себе другую девчонку, чтобы разъезжать с ней по окрестностям и любоваться видами природы.

— Но смотри, поищи сильную девчонку, — добавила я. — Девчонку с сильным характером и с сильными руками. Потому что это понадобится.

Тринадцатая глава

днако же жизнь в усадьбе Лильхамра шла своим размеренным ходом, совершенно независимым от моих сердечных мук. Сено все равно пришлось бы складывать на сеновал, даже если бы я в это время, нагоревавшись, довела себя до чахотки. Черстин и я правили каждая своей парой лошадей, хотя Юхан постоянно протестовал, считая рискованным разрешать маленьким девочкам править возом с сеном. Слова его были, разумеется, справедливы, потому что в один прекрасный день меня угрозило наехать на камень и опрокинуть воз, да и сама я упала и сильно ушиблась, так что моя многообещающая карьера возницы закрылась для меня навсегда. Папа, прежде совершенно не возражавший, чтобы мы правили лошадьми, и полагавший лишь, что Юхан просто труслив, побледнел под своим загаром и решил вдруг запретить нам возить даже молоко. Но Юхан сказал, что между возом сена и повозкой с молоком огромная разница, а Юхан всегда прав. Потом Юхан и Улле правили возами с сеном, а Ферм

грузил сено в поле на повозку. Черстин и я помогали разгружать сено дома на сеновале. Это требовало бесконечно большего труда, но зато было не так рискованно.

Для ребятишек Ферма время уборки сена было величайшей радостью! Они разъезжали на возах с сеном и прыгали, как воробышки, по всему сеновалу. Они залезали на балки высоко-высоко, под самую крышу, и падали оттуда навзничь на сено. Я всякий раз закрывала глаза от ужаса, думая, что если их внутренности и дальше останутся на прежних местах, то это будет просто настоящее чудо.

Иногда несколько дней подряд шли дожди, и тогда в развозке сена наступал перерыв до тех пор, пока оно снова не подсыхало. Но ни в коем случае не думайте, что это означало остаться без работы! Раньше мы даже не могли представить себе, что в мире столько работы и сколько ее требуется в сельской усадьбе. Ведь на нас с Черстин была возложена обязанность содержать в порядке огород, и там, клянусь, можно было потратить множество свободных часов. В поте лица своего очистишь наконец огород от сорняков до такой степени, чтобы получить хоть небольшое удовольствие от плодов своего труда, а когда дня через два приходишь порадоваться, от сорняков уже проходу нет. Никогда в жизни не видела я ничего более буйного и изобильного, чем сорняки.

— Здесь, должно быть, ужасно плодородная почва, — говорила Черстин. — Если так будет продолжаться, то нам придется приходить сюда с топором, чтобы прорубать себе путь, как в первобытных лесах Бразилии.

В усадьбе Лильхамра было много вишневых и черешневых деревьев, и, по мере того как созревали ягоды, мы с Черстин были страшно заняты их сбором. Да и не мы одни! Папа, мама и Эдит помогали нам, но Черстин и я были как будто лучше приспособлены залезать выше всех на верхушки деревьев. И сколько мне суждено жить, я буду считать одним из величайших наслаждений, какие только есть в мире, вспорхнуть солнечным днем на дерево и сидеть там с корзинкой на животе, бросая большие желто-красные черешни попеременно то в корзинку, то в собственный жаждущий рот. Думаю, вишен и черешен в саду усадьбы Лильхамра было больше, чем в любом другом саду округи. Мы ели вишни и черешни, мы дарили вишни и черешни, мы сушили и продавали их. Каждый день на нашей повозке с молоком стояла пара ящичков с ягодами, которые мы потом везли вниз к железной дороге. Скупщик забирал их там у нас, чтобы переправить дальше, в большие города. Черстин и я посылали также и множество сочувственных мыслей бедным тамошним жителям, которым приходилось платить грабительские цены за то, что мы поглощали в таком греховном изобилии. Нам, правда, грабительских цен за ягоды не платили. Ведь и скупщику надо на что-то жить, это понятно. В один прекрасный день Черстин и я решили продавать вишни сами — без посредников. Поставив по большой коробке из-под сахара на багажники велосипедов, мы покатали вниз в поселок. Стоя на рынке, мы продавали вишни до полудня — так, что пар стоял. Мы продавали дешево, а если появлялся ребенок, выглядевший голодным и у которого не было денег, мы все равно давали ему

кулечек с вишнями. Но, во всяком случае, вернувшись домой, мы все-таки привезли двадцать шесть крон и пятьдесят эре. Мы выложили деньги папе под нос, но он сказал, что мы можем оставить их себе.

— Не разбрасывайся деньгами, — сказала я ему, — потому что потом будешь раскаиваться.

— Можешь по крайней мере поделить с нами добычу, — великодушно предложила Черстин.

Но он продолжал настаивать, чтобы мы взяли деньги себе. Мы поблагодарили его звонкими поцелуями и ринулись в Гнездовье Патрончиков, где поместили сокровище в пустую коробку от сигар. Ощущение было примерно такое, будто нам открыли доступ в Государственный банк Швеции. Но хуже всего то, что наше богатство породило ужасающую алчность и нам захотелось его приумножить. Мы решили образовать акционерное общество, деятельность которого охватывала бы все — от продажи ягод до сбора металлолома. Мы бросали корыстные взгляды на все старые плуги и на другие железные предметы и произвели непосредственную ревизию всего железного инвентаря в усадьбе.

Но Юхан сказал, чтобы мы успокоились до тех пор, пока не появятся деньги, чтобы купить все новое.

— Деньги, чтобы купить все новое! — с чувством превосходства заявила Черстин. — Мы, вероятно, раздобудем их, если только нам удастся продать немного металлолома. Вообще-то мы можем разъезжать по усадьбам и петь, и выступать, и показывать разные фокусы. Да и за то, чтобы только увидеть, как мы с Барбру делаем гимнастические упражнения, стоит, должно быть, заплатить по крайней мере двадцать пять эре.

Но тут я сказала, что это, вероятно, слишком решительный способ попытаться справиться со скукой в сельской местности, и, подумав как следует, Черстин согласилась со мной. Вообще-то времени для сбора металлолома у нас не оставалось. Каждая минута все же была занята. Работы было много, но чувство глубокого удовлетворения приносило сознание того, что ты каким-то образом почти необходим. И что непременно будет заметно, если ты вдруг усядешься сложа руки и откажешься приносить пользу. А еще то, что всю работу в усадьбе Лильхамра мы выполняем вместе. То была совместная работа всей семьи, и думаю, именно поэтому мы ощущали такую неразрывную связь друг с другом.

Я была бы абсолютно счастлива, если бы не было так ужасно плохо без Бьёрна. Да и собой я была так недовольна! Под конец я не могла уже выдержать, мне необходимо было побеседовать с кем-то, кто бы понял меня. И однажды вечером, когда мама, сидя в одиночестве на кухне, нарезала ревеня и набивала им бутылки, я, усевшись на дровяной ларь, сказала:

— Мама, одна только работа не помогает!

— Как так, что ты имеешь в виду? — спросила мама.

— Я имею в виду: не помогает стать счастливой. Помнишь, ты об этом однажды говорила. А я надрываюсь, как маленькая рабыня-негритянка. Но разве я счастлива? Нет, ничего подобного! Должно быть, есть еще какое-то средство, которого я не знаю или уже давным-давно позабыла.

Мама некоторое время молча нарезала ревеня, но потом, задумчиво взглянув на меня, сказала:

— Думаю, я знаю средство, о котором ты позабыла. Оно, вместе с великим множеством других прекрасных заповедей, если мы ныне будем называть их так, запечатлено в Новом Завете и звучит так: «...Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»¹. Другими словами, я хочу сказать: если хочешь, чтобы кто-то был верен тебе, ты сама должна быть верна. Ты считаешь, что была верна?

— Нет, конечно, не была, не была я верна! Но что же мне теперь делать? Я должна терпеть муки раскаяния до самой смерти и никогда больше не быть счастливой?

— Будь добра, не преувеличивай! И готовься к тому, что будешь влюбляться еще полдюжины раз. Самое меньшее! Но если ты считаешь, что плохо вела себя по отношению к кому-нибудь, есть удивительно достойный способ — попросить прощения. А если и это не поможет, то, пожалуй, попытайся все-таки жить дальше и в будущем относиться к своим ближним так, как тебе хочется, чтобы они относились к тебе. Люби их, если хочешь, чтобы они любили тебя! Вообще, любить своих ближних — один из самых лучших способов быть счастливой.

— Да-а... ну и хорошенький совет ты мне дашь, — ответила я. — Ведь то, что я слишком любила своих ближних, и стало моим несчастьем. Я попыталась любить одновременно двоих из ближних, а как выяснилось, даже этого оказалось слишком много! А ты говоришь, что я должна любить два миллиарда ближних!

¹ Новый Завет. От Матфея, 7, 12.

Мама терпеливо объяснила мне, что есть разница в понятиях «любить» и «любить», и твердо настаивала на том, что я должна любить всех своих близких.

— Да, матушка, — послушно сказала я. — Но разреши мне, если можно, сделать небольшое исключение для крестьянина из Лёвхульга.

Мама сказала, что подумает об этом, и я ушла, так как Черстин со двора позвала меня. Она хотела, чтобы мы сбежали вниз к озеру и окунулись перед сном.

— Купайтесь не слишком долго! А после купания вытретесь хорошенько, — напутствовала нас мама.

— Нет, матушка! Да, матушка! — послушно сказала я. — Вообще-то ты мудра, как старая сова, — добавила я, потому что ведь надо же время от времени добрым словом поощрять родителей!

После купания я пошла за Адамом Энгельбрехтом, привязанным за скотным двором. Так как однажды у него был метеоризм, папа больше не разрешал оставлять его пастись по ночам, возможно из страха найти его утром сдохшим. Войдя в хлев, Адам Энгельбрехт с явным удовольствием стал чесаться о стойло, а я отправилась за скребницей, чтобы почистить его и продлить его наслаждение. Беседа с мамой открыла все шлюзы в моей душе, и даже сейчас, скребя быка, я не могла остановиться и продолжала жаловаться на свою беду.

— Адам Энгельбрехт, — говорила я, — если хочешь увидеть некую личность, которая еще большая скотина, чем ты, то, хотя бы развлечения ради, взгляни на меня одним глазком. Да, я — свинья, понимаешь, я — дура, я — скотина, страшная скотина, да, совершенная скотина, и не вздумай мне возражать! Полагаю, ты уже знаешь, что я натворила?

Естественно... естественно, я стала легендой всей усадьбы Лильхамра. Нет, Адам Энгельбрехт, не утешай меня поговорками типа: «Потеряешь одного, найдешь тысячу других». Так можешь говорить только ты, у которого хлев битком набит очаровательнейшими коровами. Они, конечно, сейчас на пастбище, на подножном корму, но, когда настанет осень, они снова вернутся к тебе, преданные и верные. Со мной же, понимаешь, все иначе! Единственный, кто действительно имеет для меня значение, ушел и не вернется никогда! И это — моя собственная ошибка! Ты говоришь, я не виновата, что нравлюсь другим. Ха-ха, Адам Энгельбрехт, теперь ты уже так по-мужски наивен, что этого просто предостаточно. Девочка всегда «виновата», можешь передать это Эльхумле от меня, на случай если бык из усадьбы Блумкулла начнет приударять за ней. Ты бы видел, как я кривлялась! Буйный смех, и лукавые взгляды, и все такое... Говоря между нами, хотя мне стыдно в этом признаться: если и было что хорошего у Кристера, так это автомобиль! И летная форма! Это чудовищно, но это правда! Однако теперь я излечилась, можешь мне поверить! Даже генерал-майор при полном параде, с галунами спереди и сзади, не заставит меня повернуть голову в его сторону. Мама говорит, что можно попросить прощения... А что ты-то, собственно говоря, думаешь о таком предложении? Я охотно бы так поступила, если бы только знала, что ему это хоть капельку интересно. Но ты, вероятно, понимаешь, что это не так! Он ушел! Ушел навсегда!

Бросив скребницу, я выбежала из ворот скотного двора. Мне ведь не хотелось, чтобы Адам Энгельбрехт видел, как я плачу.

Четырнадцатая глава

Ферм очень разболелся живот, и, поскольку она была из простонародья, то есть из тех людей, которые перенесут какие угодно муки, только бы не подвергнуться чему-то столь чудовищному, как посещение лекаря, она лежала дома, пока не лопнула слепая кишка. Но тут приехала машина «скорой помощи» и увезла ее в поселковую больницу. Дети плакали и громко орали, словно их резали, а Ферм был испуган и совершенно сломлен. Но не настолько, чтобы уже на следующий день не начать ломать голову, на ком ему жениться снова, если с Хильдой случится беда. В таком случае он возьмет в жены молодую и красивую женщину, доверительно поделился он с мамой.

Мама бросила критический взгляд на Ферма, чьей грязной физиономии было довольно далеко от расхожего идеала красоты — по меньшей мере на несколько метров.

Мама осторожно намекнула Ферму, что, возможно, будет не так-то легко найти кого-нибудь, кто

согласится выйти за него замуж. Но в этом отношении Ферм был полон уверенности в себе. Хотя и добавил, что, естественно, хотел бы сохранить Хильду, но предусмотрительность ведь никогда не помешает.

— Может быть, Ферм, ты начнешь с того, что найдешь кого-нибудь присматривать за хозяйством и детьми, — посоветовала мама.

Ферм обещал этим заняться, но все оказалось безрезультатно. В сельской местности человек не может вот так просто лечь и заболеть. Моментально возникает хаос, поскольку никогда нет никого, кто бы его заменил. Черстин пришлось вторгнуться в хозяйство в качестве доярки, и она ужасно воображала и пыжилась от гордости, что способна заменить Хильду. Но ей пришлось вставать в пять часов утра, и после нескольких дней всю гордость с нее почти как рукой сняло, и она начала немного склоняться к тому, что доильные машины нужны, да, и они тоже...

Но Ферм со своей орущей стайкой детей по-прежнему оставался без всякой помощи. Старшие дети подались из дому, чтобы найти работу на лето. Двое из них пристроились внизу на заводе, потому что гораздо престижнее быть заводским рабочим, чем рыться в земле, надрываясь в сельском хозяйстве. Самого младшего — новорожденного — фру Ферм взяла с собой в больницу, но дома оставалось еще по крайней мере пятеро ребятишек от четырех до десяти лет.

— Что будет, если нижеподписавшаяся возьмет на себя почетную обязанность? — спросила я маму. — Может, у нее тогда не будет времени думать о своих сердечных страданиях?

— Ты в самом деле думаешь справиться с этим? — колеблясь, спросила мама.

Но по выражению ее лица можно было догадаться, что она испытала чувство облегчения. Да и вообще, никакого другого выхода не было. Эдит нельзя было отрывать от ее дел. Частично ей приходилось доить коров, обихаживать кур и поросят, а частично стирать, гладить, печь и мыть посуду. Черстин же доила, собирала ягоды, пропалывала огород и помогала даже с прочими неожиданно появляющимися работами вне дома.

Я, нацепив на себя большой кухонный фартук и материнское выражение лица, отправилась к моему новому полю деятельности. На крыльце, ведущем в сени Ферма, сидели оставшиеся без матери детишки, все до одного белобрысые и голубоглазые, покорно ожидавшие моего появления. Я изо всех сил старалась, чтобы мое выступление было достойным и внушающим доверие.

— Мои дорогие детки, — сдержанно сказала я. — Вы видите перед собой тетеньку, которая будет заботиться о вас в ближайшее время. Вы даже представить себе не можете, как о вас будут заботиться! Но помните, — я угрожающе подняла указательный палец, — я потребую от вас слепого послушания.

— Дула! — произнес Малыш Калле.

Сметя на своем пути всю ораву детей, я вошла в кухню... Долгое время я молча, зажмурив глаза, стояла на пороге. Затем снова открыла глаза — быстро-быстро. Нет, к сожалению, то не был обман зрения. Немытые тарелки и кружки по-прежнему стояли высокими штабелями, занимавшими весь столик для

мытья посуды. Вообще весь интерьер был такой, что мне пришлось пробормотать себе самой несколько бодрящих крепких словечек, чтобы обрести силу и приняться за работу. Но приняться надо было немедленно! На плите появился котелок с водой. Бенгта и Вальтера, двух старших мальчиков, я послала принести дров и побольше воды. И с шумом и звоном примерно целый час я мыла посуду. Рут и Анна, маленькие девочки, помогали мне ее вытирать. Затем я убрала самый страшный накопившийся мусор, а потом жарила свинину и картофель как раз до тех пор, пока со скотного двора не явился Ферм. Затем я снова осталась одна с детьми. И тут моя жажда деятельности достигла невиданной высоты. Снова нагрев побольше воды, я выставила на крыльцо большую лохань. Вооруженная щеткой и мылом, я обрушилась на несчастных малышей. Они наверняка не соприкасались с мылом и водой с тех пор, как фру Ферм заболела, да и, возможно, еще задолго до этого. Они нуждались в купании, а больше я ни слова не скажу. После того как через десять минут я мало-помалу соскребла с них самую поверхностную грязь, я подобралась и к самим детенышам. И тогда уже показался нижний слой — розовая детская кожа. Некоторое время ребята подвывали, особенно мальчишки, но я обрушивалась на них, как стихийная сила, непреклонно и без всякого сострадания. Затем, принеся садовый шланг, я стала поливать их водой, и этот душ доставил им гораздо больше удовольствия! Мы играли, будто я колдунья, орудующая волшебным огненным лучом, которого надо во что бы то ни стало избежать, и детишки улепетывали от меня,

бегая с громкими криками и хохотом, да с такой энергией, словно действительно вопрос стоял о жизни и смерти. У Малыша Калле был ужасно испуганный вид, так как он был совершенно и абсолютно убежден, что, лишь только его настигнет огненный луч колдуньи, настанет его последний час. Я сама находилась в состоянии высочайшего охотничьего азарта, и мне, во всяком случае, было так же весело, как и детям. Мы продолжали игру, пока ребятишки не начали синеть от холода, и я заторопилась уложить их поскорее в постель.

Дом их располагал тремя спальными местами — одним выдвижным диваном в кухне и двумя кроватями в единственной горнице Ферма. В одной кровати спали Бенгт и Вальтер, в другой — Рут, Анна и Малыш Калле. Любящими руками я подоткнула им одеяла и тут же быстренько решила, что у меня самой когда-нибудь будет по меньшей мере десяток ребятишек, чтобы рассовывать их по вечерам в кровати, так как это в самом деле по-настоящему уютно. По настоятельным просьбам Малыша Калле я рассказала им сказку о маленьком мальчике, который отправился в лес и нашел там под камнем миллион золотых монет. Таким образом мы дошли до разговора о том, что бы мы сделали, если бы у нас был миллион. Бенгт и Вальтер приобрели бы себе самолеты, и автомобили, и карамельки, Рут и Анна купили бы кукол, и красивых платьев, и браслетов, и велосипедов. Малыш Калле ничего сначала не сказал, но, подумав немного, произнес:

— Дали бы мне миллион, у меня была бы собственная отдельная кловатка.

Я посмотрела на него, втиснутого между двумя старшими сестрами: маленькое, трогательное существо, у которого едва можно было разглядеть кончик носика. И я дала себе священную клятву, что маленький пострел получит собственную кровать, даже если мне придется ее украсть. Однако зайти так далеко мне не пришлось. Я позвонила Анн и посоветовалась с ней, а потом запрягла молочную повозку и поехала в Моссторп, и забрала кроватку, принадлежавшую Малышу Гангстеру, когда он был в более нежном возрасте. Она была по-настоящему хороша! В столбике кроватки виднелись, правда, следы от гангстерских зубов, предположительно оставленные там как-то раз, когда владельцу кроватки не позволили проявить свою волю. Кроватка была с матрасом, а шерстяное одеяльце дала мне добрая мама Вивеки и Анн. Потом я поехала домой, и мне вслед среди прочих махали рукой Тур и Кристер, уезжавшие в тот же вечер. Я была очень довольна своим приобретением. Потом я выпросила у мамы пару старых простынь и перетаскала все контрабандой на чердак Ферма, так как считала, что кроватка должна быть сюрпризом.

Она и *стала* сюрпризом! Я посвятила в тайну остальных детей, и только Малыш Калле парил в неведении о том, какая радость его ожидает. Когда вечером следующего дня настало время ложиться спать, кроватка, застеленная и красивая, уже стояла посреди горницы, а мы — в страшном напряжении — ожидали, что скажет при виде ее Малыш Калле. Другие дети уже сидели наготове в своих постелях. Вероятно, никогда прежде они так не торопились рухнуть в кровати и на диван.

Малыш Калле был у отца на скотном дворе и притопал домой в восемь часов вечера, голодный и грязный. Я отмыла его в кухне, и он поужинал.

Остальные дети уже лежали в постелях.

— Поторопись, если хочешь послушать какую-нибудь сказку! — сказала я Малышу Калле.

Он быстро вбежал в горницу и уставился совершенно непонимающим взглядом на кроватку.

— Она твоя, Малыш Калле! — ликующе закричали его сестры и братья.

Малыш Калле с сомнением во взгляде посмотрел на меня, и мне дважды пришлось заверить его, что кроватка в самом деле его собственная. Он чуточку дурашливо засмеялся, а потом подошел и осторожно ощупал кроватку. Затем похлопал ее ручонкой и быстро залез в постель — личико его выражало неизъяснимое блаженство. Этим вечером я снова рассказывала сказку, но Малыш Калле не слушал. Он только лежал, проводя ручонкой по простыне и время от времени поглаживая столбик кровати.

На следующий день я принялась за генеральную уборку, с одной стороны, из-за моей естественной страсти брызгаться в воде, с другой стороны, потому, что это действительно было необходимо. Подозреваю: у фру Ферм было предостаточно других дел кроме того, чтобы так уж тщательно заниматься уборкой. Когда необходимо доить коров, и мыть подошники, и готовить еду, и обстирывать такую громадную семью, то приобретаешь, пожалуй, некоторую склонность несколько снисходительно относиться к мушинуму дерьму. Похоже, оно пребывало в доме с середины девятнадцатого века. Стены и потолок были сплошь

покрыты черными крапинками, а шторы буквально просили, чтобы их выстирали. Именно такую работу я и люблю, мне хочется видеть, что там, где я прошла, все сверкает чистотой. Я чистила щеткой, и скребла, и терла мушиные следы, и мыла окна, и стирала шторы, так что Ферм под конец серьезно задумался, не перебраться ли ему совсем на скотный двор. Я постелила чистую бумагу на полки в шкафу, и проветрила постели, и надраила кастрюли, и почистила плиту. Рукам моим все это было не очень-то хорошо, зато полезно моему ноющему сердцу. Когда все было готово, я, взяв с собой Малыша Калле и девочек, пошла в поле нарвать немного цветов, чтобы украсить горницу и кухню. Мы собрали чудесный букет синих колокольчиков, и многолетнего лабазника с желто-белыми цветами, и алых маков, и разных других цветов.

Когда я поставила их в вазу посредине кухонного стола, а солнце проникло сквозь чистые стекла на кухню и во всей лачуге запахло чистотой, я испытала огромное удовольствие от дела рук своих. Но когда через некоторое время вошла, чтобы повидаться со мной, Черстин и я, восторженно вздохнув, спросила ее: «Чувствуешь, как пахнет в доме?» — она грубо ответила:

— Да, пахнет крупным и мелким шведским красным и белым скотом, вот чем тут пахнет!

И она, вероятно, была права, так как Ферм только что нанес краткий визит домой, чтобы выпить чашку кофе. И многое может погибнуть, и исчезнуть на свете, и стереться в памяти, но навсегда сохранится уютный запах скотного двора, овевающий старого скотника.

Слишком уж большого опыта в приготовлении пищи у меня не было, и, когда я читала в поваренной книге такие удивительные вещи, как: «Тушить в небольшом количестве мясного бульона», или: «Приготовь обычный белый соус», я начинала коситься на оба глаза. Я делала все, что в моих силах, готовя «обычный белый соус», но это было сплошное недоразумение! Ничего более необычного, нежели этот обычный белый соус, я никогда — ни раньше, ни позже — не видела. Один раз я варила рисовую кашу, и эта каша вошла в историю. Для начала я быстро вычислила величину детской оравы и подумала, что пусть, пожалуй, малыши наедятся досыта. И тогда, наполнив кастрюлю ровно до половины рисом, я плеснула туда молока. После чего стала причесывать Малыша Калле, чтобы он красиво выглядел. Посреди этого увлекательного занятия я услышала какое-то бульканье из кухни. То кипела каша, поспешно выливавшаяся на плиту. Я быстро вытащила кастрюлю бóльших размеров и перелила туда кашу. Снова перешла к Малышу Калле, однако новое бульканье прервало мое занятие. На плите высилось еще больше каши! Вытаскиваю новую, бóльших размеров кастрюлю! На этот раз я взяла котел для консервирования. Но и его едва хватило!

Я заглянула в поваренную книгу, что забыла сделать раньше, и прочитала: «Если думаешь сварить кашу на шесть персон, надо взять половину кофейной чашки рисовой крупы». Я же взяла, по-моему, как раз восемь-десять кофейных чашек. И с помощью таблицы умножения вычислила, что могла бы накормить рисовой кашей тридцать человек, и, пожалуй,

еще немного осталось бы. Ну и ели же в ближайшие дни в скромном жилище Ферма рисовую кашу! Когда она в четвертый раз появилась на столе, раздался легкий ропот, но я силой подавила все попытки мятежа и намекнула, что в мире полным-полно маленьких детей, которые радовались бы, если бы их накормили этой вкусной кашей.

— Пусть они ее и едят, — предложил Вальтер, с отвращением глядя в тарелку.

В тот же день мама спросила меня, как я, вообще-то, справляюсь с хозяйственными заботами.

— Чем ты кормишь детей? — поинтересовалась она.

— Гм... В основном — рисовой кашей, — ответила я.

Но я готовила довольно много и другой еды, которая мне удавалась гораздо больше. Я была специалистом по фруктовым супам и киселям и могла бы удостоиться почетного диплома в искусстве жарить сельдь и свинину. А за ужином, несмотря на то что он не всегда бывал удачен, я утешалась тем, что духовная пища важнее. Не было лучшего средства заманить ребятшек в постель, чем пообещать им рассказать сказку. И «Сампо Лопаренок»¹, да и «Мальчик-с-Пальчик»² обладали удивительной способностью заставить их уклониться от умывания по вечерам. Анна охотнее

¹ Сказка классика финляндской литературы Сакариаса Топелиуса (1818—1898), писавшего на шведском языке, из сборника «Детское чтение» (1847).

² Сказка известнейшего французского писателя Шарля Перро (1628—1703) из сборника «Сказки моей матушки Гусыни».

слушала рассказы из библейской истории. И когда я рассказывала об Иосифе и его немилосердных братьях¹, бросивших его в колодец, а затем продавших его в рабство в Египет, она пряталась под одеяло и плакала так, что ее всю трясло. И я вынуждена была заставить фараона явиться и надеть перстень на палец Иосифа гораздо раньше, чем было необходимо. Анна и Малыш Калле охотно слушали и о маленьком младенце Иисусе, и я, принеся нашу старую иллюстрированную Библию, показала им картинки. Там была цветная иллюстрация, изображавшая Иисуса в храме в возрасте двенадцати лет, и, когда я рассказала, как Иисус совершил вместе с родителями на Пасху паломничество в Иерусалим, где был этот красивый храм, Анна чрезвычайно задумчиво сказала:

— Повезло, что они отправились в тот год, ведь тогда Иисус в последний раз мог ехать по детскому билету за полцены.

Ведь Анна была девочка экономная и недавно сама впервые проехала по железной дороге, так что знала все шведские правила.

Я просто жутко прилепилась к выводу Ферма, и, вообще говоря, это было веселое время в моей жизни, но в дальнейшем оказалось, что даже моей немереной рабочей силы было явно недостаточно, чтобы обихаживать дом и большую семью. Бывали часы, когда я страшно уставала. Поэтому я испытала облегчение,

¹ Иосиф Прекрасный — сын патриарха Иакова (согласно ветхозаветному преданию) и Рахили, любимец отца, которого завистливые братья бросили в пустой колодец и обрекли на медленную смерть (Бытие, 37: 1-4, 5-20, 21-35; 41: 1-36, 37-48).

взявшее верх над чувствами, когда Ферм в один прекрасный день сказал, что ему удалось уговорить свою сестру помочь ему с хозяйством и дойкой коров.

Я сочла делом чести оставить своей преемнице дом в как можно более нарядном виде и последние дни страшно надрывалась, стараясь, чтобы повсюду было красиво. Поэтому я так устала, что меня угораздило почувствовать полное изнеможение; а вдобавок я стала ужасно злая и все время сердилась на малышей. Особенно однажды, когда все вокруг словно кто-то заколдовал. За что бы я ни бралась, все падало из рук, и малыши были необычайно шумливы, или же это мне только казалось. Мне надо было печь им на ужин блины, а они, сидя вокруг стола, кричали, словно воронята, требуя все новых и новых блинов. Выпечка не удалась, жидкое тесто накрепко прилипало к железу, и я скрежетала зубами и всеми возможными способами боролась со сковородкой, с круглыми углублениями для блинов. Но все превращалось лишь в отвратительную мучную кашу. Вдруг передо мной, вдобавок ко всему, предстал Малыш Калле и показал, что порвал сзади брючки и там появилась большая дырка. А поскольку у ребенка была всего лишь одна-единственная пара брючек, он заявил:

— Сицас зе засей их, а не то мне утлом не выйти из дому!

Это было уже слишком! Я почувствовала, что хочу топтать ногами и нагло оскорбить кого-нибудь. Крепко схватив Малыша Калле за руку, я стала трясти его изо всех сил, говоря, что я просто не в силах чинить какие-либо брюки. «Тот, у кого нет брюк, пусть ходит с голым задиком, как с выщипанными перьями

индюк», — немилосердно продекламировала я, и эти слова привели в восторг остальных братьев и сестер. Они стали повторять ту же поговорку, а Малыш Калле разразился душераздирающим плачем, после чего весь мой гнев мгновенно обратился против его братьев и сестер, и я сказала: тому, кто посмеет произнести хотя бы одно слово из этого стишка, я задам такую трепку, что он запомнит ее до глубокой старости. Потом я водворила их всех в постели и была настолько недружелюбна, что отказалась рассказывать сказку. Так что Малыш Калле жалобно произнес:

— Ни капельки не смешно, когда ты такая селдитая!

— Нельзя только и делать, что веселиться, — забыв о справедливости, заявила я.

Чем злее я становилась, тем больше ненавидела самое себя, а чем больше ненавидела самое себя, тем несправедливее становилась. В конце концов я подоткнула им одеяла так, что только пух и перья полетели, а потом вышла из домика и с шумом захлопнула за собой дверь.

Я остановилась на мостках, чтобы обдумать ситуацию, в которую попала. Я так устала, что ноги у меня подкашивались. И вот я стояла там, покинутая Богом и людьми, в грязном полотняном платье, а волосы мои пахли блинами. Мама и папа были на другом конце прихода, на пиру по случаю какого-то пятидесятилетия, Черстин прогуливалась где-то с Эриком, и даже Эдит не было дома. А Бьёрн, Бьёрн, БЬЁРН бродил по каким-то дорогам, далеко-далеко от меня.

Сначала мне хотелось отправиться прямо в Гнездовье Патрончиков и зарыться в кровать со своим

горем и усталостью. Но вечер был удивительно красив, и, еле волоча ноги, я отправилась в ту самую рощу, где обычно сидела на березе; мы с Бьёрном располагались там бесчисленное число раз, и, вероятно, погнался меня туда всплеск самоистязания. Я села, прислонившись головой к стволу березы, презиравая самое себя и желая себе смерти.

— Добрый вечер! — вдруг услышала я голос.

Я подняла голову и увидела... там стоял Бьёрн! Бьёрн стоял там!

— Добрый вечер! — ответила я. — Добрый вечер, господин Сёдерлунд, — добавила я в душераздирающей попытке перевести все на шуточный лад.

И улыбнулась, как мне показалось, очаровательной улыбкой. Но улыбка обернулась лишь жалкой гримасой, и, к моему собственному удивлению, я громко зарыдала. Я безудержно ревела, и Бьёрн жутко испугался.

— Нет... но, Барбру, милая, что случилось? — обеспокоенно спрашивал он.

Но я только плакала в ответ.

— Барбру, из-за чего ты плачешь? — спросил он.

— Я плачу из-за того, что... Я плачу из-за того, что Малыш Калле разорвал свои брючки... — заикаясь, выдавила я.

— Да, но это, пожалуй, вовсе не бедствие государственного масштаба, — сказал Бьёрн.

— Да-а-а-а, — плакала я. — Вообще-то бедствие государственного масштаба — я сама. Не трать время на разговоры со мной! Найди себе какую-нибудь другую девочку, желательно не законченную идиотку.

— Я совсем не собираюсь искать себе какую-нибудь другую девочку, — возразил Бьёрн. — Я хотел только спросить, нет ли у тебя желания пойти со мной на озеро Кварнбушён поудить рыбу. Но ты, быть может, занята? Или не хочешь?

— Не хочу?! — заорала я. — *Не хочу?! Я хочу* вместе с тобой обойти всю провинцию Йёталанд, если можно!

И тут же побежала от него, а потом помчалась, вернее, понеслась галопом в Гнездовье Патрончиков, влетела в дверь флигеля и осадилась только перед зеркалом. И при виде своего красного распухшего носа и растрепанных волос, похожих на голые прутья с колючками, торчащих во все стороны, я тотчас отшатнулась от зеркала. Сбросив платье, я умылась и надела чистую белую блузку, а затем впрыгнула в новые брюки со скоростью, которой мог бы позавидовать любой пожарный. Затем, обмахнув лицо пуховкой с пудрой, я прошлась гребнем по волосам, а потом совершила скоростной пробег к Бьёрну, ждавшему меня у калитки. И я уверена, что поставила всешведский рекорд быстрого переодевания.

— Знаю, мне следовало бы вообще-то одеться в рубище и посыпать голову пеплом, — сказала я, беря Бьёрна под руку, — но я вместо этого надела новые брюки!

Всю мою усталость словно ветром сдуло. Наоборот, я почувствовала такой прилив физических сил, что не в силах была прогуливаться как обычно, а совершенно немотивированно прыгала, как коза, по окрестностям — то в одну, то в другую сторону. А когда я

сидела на своем обычном камне у озера Кварнбушён и тарасилась на тот же старый поплавок, а рядом со мной сидел на камне в двух метрах от меня все тот же прежний старый Бьёрн, я чуть не кричала от радости. Но мне велено было не забывать о рыбе. Во всяком случае, я вбила себе в голову: мне во что бы то ни стало необходимо сказать ему, как я расцениваю собственный образ действий.

— Бьёрн, ты, пожалуй, думаешь, что...

Именно в этот самый момент и клюнуло. Я вытащила маленького великолепного купальщика-окуня. Прошло некоторое время, прежде чем Бьёрн умертвил его и насадил нового червяка на крючок. Затем я опять закинула удочку и начала снова:

— Бьёрн, как я недавно сказала, тебе...

Тут клюнуло еще раз. Новый окунь! Перед тем как клюнуло в третий раз, я выронила лесу и в третий же раз начала опять:

— Бьёрн, то, что я хотела сказать тебе, это...

Я долго молчала.

— Ну говори уж наконец, — попросил Бьёрн.

— Так вот, — начала я, — я думала, что клонет снова, поэтому не стала говорить, так как это очень трудно. Понимаешь?

— Забудь тогда об этом! Мне кажется, достаточно и того, что мы опять сидим здесь каждый на своем камне.

— Мне этого тоже достаточно, но, если я как следует потороплюсь, я, возможно, успею сказать: «Прости меня!» — прежде чем явится следующий окунь и вмешается в нашу беседу. Ты заметил, что я произнесла эти слова?

— Да, заметил, — ответил Бьёрн. — Но замечаешь ли ты, что у тебя снова клюет? Тащи, черт побери, и не ной! Я ведь сказал, что все all right!

По дороге домой мы, как обычно, поставили свои удочки в дровяной сарай Кварнбуторпа¹. Свен Свенсон сидел в сумерках на качелях и курил свою вечернюю трубку, а когда Мария услышала, что он болтает с нами, она вышла из дому и всплеснула от неожиданности руками.

— Боже мой, милые мои, да вы ли это? Как пусто было без вас! Я думала, вы никогда больше не пойдете к озеру.

— Не-а, кто бы в это мог поверить! — сказала я.

Мария сорвала большой, душистый розовый пион и подарила мне. И мы пожелали ей и Свену спокойной ночи.

Вернувшись домой, я прокралась в домик Ферма. Малыш Калле лежал в своей кроватке, такой необыкновенно милый, со следами слез на щеке. Когда я поцеловала его, он слегка зашевелился во сне, и я услышала какое-то слабое бормотание. Я отправилась в Гнездовье Патрончиков, захватив с собой его брючки, и украсила их по-настоящему крепкой и красивой заплаткой.

¹ Кварнбуторп — мельничный торп (шв.).

Пятнадцатая глава

В начале августа Черстин и я получили четырнадцать дней отпуска. Две недели озаренного солнцем блаженства, которым мы наслаждались до последней капли. По правде говоря, не каждое утро, но чрезвычайно часто либо Эдит, либо мама подавали нам какао в постель. А потом мы лежали, и дверь между нашими комнатами была открыта, и мы орали друг другу:

— Вставай, старая ты ленивая развалина!

Или:

— Утренний час дарит золотом нас!

Все это продолжалось до тех пор, пока мы наконец медленно не вылезали из кроватей и не бежали в одних купальниках прямо через парк вниз к озеру и не совершали утреннее купание. Собственно говоря, здесь было слишком мелководно, чтобы быть идеальным местом для купания. Чудесные скалы, с которых можно было нырять, со всех сторон окружали озеро — называлось оно, вообще-то, Виксен... И если мы испытывали желание нырять, то лишь

перебегали наискосок наш коровий выгон и попадали прямо к нашей же личной купальной скале, где была бездонная бездна. В полдень мы часто ездили на велосипедах в Моссторп и пару часов играли в теннис с Вивекой и Анн. После полудня они обычно приходили к нам, большей частью в обществе Торкеля, если ему удавалось еще до полудня закончить уроки с Малышом Гангстером. Бьёрн ухитрялся одновременно с нами урвать немного времени от своих занятий и уже рано утром мчался на велосипеде вверх по холмам и сопровождал нас повсюду — на воде и на суше. Черстин досадовала, что Эрик не может получить отпуск, но это было совершенно невозможно, потому что рожь уже созрела и ждала жатвы. Ивара же, работника из Блумкуллы, призывали в армию, к искренней радости Улле. Между тем выяснилось, что Улле ликовал преждевременно. Неожиданно Ивара отослали домой по причине плоскостопия. И в один прекрасный вечер он вынырнул в усадьбе Лильхамра, еще более плоскостопный и еще более неотразимый, чем когда-либо. Он пригласил Эдит на летний праздник Добровольного спортивного общества близ Фагервика. Во всяком случае, благодаря возвращению Ивара Эрику удавалось иногда выкраивать свободное время после полудня, и он присоединялся к нам, когда мы — компания невероятно обленившихся молодых людей — загорали на купальной скале у озера Виксен. Мы болтали и пили кофе и устраивали соревнования в плавании стилем *crawl*¹, и вообще нам было так

¹ Кроль (англ.).

чудесно, как только может быть человеку на этой земле.

Чтобы еще больше приумножить ощущение каникул, Черстин и я развлекались иногда тем, что в самое горячее время, в самый разгар спешной работы шли поздороваться с Юханом и заодно взглянуть на мою собственноручно купленную на аукционе сноповязалку, которая работала теперь на полную катушку и скашивала рожь и пшеницу так, что любо-дорого смотреть. Юхан правил сноповязалкой, а Улле и Ферм складывали снопы в копны.

Когда мы появлялись на пашне, Юхан, придерживая лошадей, бросал на нас презрительные взгляды.

— Ленивые мамзельки! — говорил он. — Безделье — мать порока! Взяли бы хучь грабли да прибрали бы маленько.

— Да, тра-ля-ля! — восклицали мы. — У нас каникулы, ты что, Юхан, не понимаешь, у нас каникулы!

— Никогда не слыхивал энтаких глупостей, — говорил Юхан, понукая лошадей.

Однажды во время каникул по телефону пришло известие, что наш двоюродный брат, вновь испеченный поручик бронетанковых войск Карл Хенрик, двадцати трех лет от роду, нанесет на несколько дней визит в усадьбу Лильхамра.

— О! — воскликнула я. — Мои глаза не выносят и вида мундира. Прогоните Карла Хенрика! Застрелите его!

Но все мои протесты не возымели ни малейшего действия. Когда на следующий день в 3 часа 15 ми-

нут скорый поезд остановился на перроне, из вагона выскочил некий поручик, и ни один из видевших его не мог усомниться в том, насколько он — вновь испеченный. И было совершенно отчетливо видно, что сам он полагал это свое производство в поручики наиболее примечательным событием во всей мировой истории, по крайней мере с тех пор, как Карлу Мартеллу удалось оттеснить мавров¹ при Пуатье в 732 году².

Черстин и я сидели в дрожках позади станционного здания, и Карл Хенрик пружинящим шагом взял курс прямо на нас. Он тотчас нас узнал, хотя мы не виделись с тех пор, как Черстин и я были еще в том младенческом возрасте (от пяти до семи лет), когда обожают сласти на палочках, а он — длиннющим гимназистом, у которого ужасающе ломался голос.

— Ха-ха, мои маленькие кузины! — заорал он. — Как вы выросли, как вы выросли! Через два-три года можно будет даже начать общаться с вами. Сколько вам, собственно говоря, лет?

— Тридцать четвертого числа нам исполнится шестнадцать, — сказала Черстин, щелкая кнутом.

¹ Мавры (*истор.*) — народность Северной Африки, составляющая основное население современного Марокко, усвоившая в VIII веке н. э. арабскую культуру и в эпоху Средневековья подчинившая своему влиянию Пиренейский полуостров.

² 4 октября 732 г. франкская тяжелая конница полководца Карла Мартелла (ок. 688—741), фактического правителя Франкского государства (с 715 г.), разгромила войско мавров при Пуатье (городе во Франции), заставив их отойти к Пиренеям и остановив их продвижение в Западную Европу.

Он влез в дрожки с таким выражением лица, какое бывает у суверена¹ по дороге на коронацию, затем откинулся на спинку дрожек и приказал:

— Поехали!

И Черстин погнала лошадей. Карл Хенрик с видимым удовольствием позволял своему взгляду скользить по красивым пейзажам, а потом милостиво сказал:

— А ведь здесь, право, уютно! Я не раскаиваюсь, что решил приехать сюда. Должно быть, некоторое общение с грубым простонародьем действует освежающе. Да и моим маленьким кузинам ведь тоже может понадобиться общество, которое их чуточку стимулирует.

— Твоя любезность просто ошеломляет нас! — воскликнула я. — Но ты действительно думаешь, что вооруженные силы могут обойтись без тебя? Вообще, не слишком ли безответственно уменьшать военную готовность и мощь страны в такой степени? Ведь нельзя с полной уверенностью сказать, что ты цел и невредим вернешься на свою военную базу. У нас здесь в сельской местности столько бешеных быков, да и грубое простонародье иногда тоже начинает буйствовать!

— Малышка, — снисходительно отозвался Карл Хенрик, — где ты усвоила такой дерзкий тон по отношению к старшим?

Но нельзя отрицать тот факт, что Карл Хенрик штурмом завоевал сердца простонародья. Его веселый смех зазвенел вскоре по всей усадьбе Лильхам-

¹ Суверен — носитель верховной власти (истор.).

ра. Ребятишки Ферма следовали за ним по пятам, словно стайка щенят, с того самого дня, когда он привлек их изумленные взгляды, съев свои золотые часы у них на глазах, а затем с помощью колдовства извлек их из кармашка брючек Малыша Калле. Полное одобрение Юхана Карл Хенрик заслужил тем, что, вмешавшись в критический момент, самостоятельно починил сноповязалку. Об Эдит и говорить нечего! Она являла собой целую симфонию шаловливого смеха и буйных локонов, когда каждое утро в полной боевой готовности перебегала лужайку с кофейным подносом в руках к левому флигелю, где ныне имелись две комнаты для гостей. В лице фру Ферм Карл Хенрик тоже обрел друга на всю жизнь, всякий раз при встречах беседуя с ней об аппендиците. Она как раз вернулась из больницы и требовала безоговорочного признания себя высшим авторитетом в области медицины во всем уезде. Я уверена, что в тайниках души ее огорчало то, что никто в усадьбе не болел и не ложился в постель. Тогда бы она явилась и поставила диагноз. Она щеголяла шведскими и латинскими названиями болезней так, что можно было подумать: она в любой момент готова сдать экзамен на звание лиценциата¹ медицинских наук. И когда Малыш Калле пожаловался однажды, что у него болит животик, его мамаша с гордостью заявила, что у ребенка, вероятно, легкий гастрит. Однако Ферм,

¹ Лиценциат — лицо, сдавшее высший академический экзамен. Прежде считался шагом на пути к докторской степени. Ныне упразднен на многих факультетах (но не на медицинском).

с чувством глубокого превосходства сплюнув табачную жвачку, сказал:

— Да никакой энто не крастит! Энто от недозрелых зеленых яблок.

Карл Хенрик внедрился, естественно, и в компанию лентяев на купальной скале, и они с Бьёрном стали особенно закадычными друзьями, хотя и были совсем разными — как день и ночь. Мама и папа всегда питали слабость к Карлу Хенрику: мама — потому что он был сыном ее родной сестры, а папа предположительно потому, что Карл Хенрик был такой же веселый и шумливый, как он сам. И когда папа долго и со всеми подробностями развивал перед племянником свои сельскохозяйственные планы, Карл Хенрик слушал его с пламенным интересом, что заставляло папу рассматривать юного поручика как одного из высших, авторитетнейших представителей современной молодежи. Черстин и я настолько далеко в своем восхищении Карлом Хенриком не заходили. Однако мы довольно хорошо относились к нему, несмотря на то что нам приходилось проделывать колоссальную работу, дабы справиться с его замашками самодержца. В конце концов мы раздобыли небольшую картонную табличку с надписью: «Не высовывайся!» — и подкладывали ее ему под нос, когда это было нужно. А нужно было частенько. Но в целом юнец этот был по-настоящему необходим. Когда мама сидела в беседке, увязнув по уши в посевном горохе, он быстро брался за нож и садился помогать очищать его. И однажды целый день правил сноповязалкой, когда Юхану пришлось заняться другой работой.

Казалось, он исключительно хорошо уживается с нашим сельским существованием. Но однажды вечером, когда мы все собрались в общей комнате, он воскликнул:

— Неужели это и есть прославленная жизнь господских поместий? Я просто спрашиваю! Где эти блестящие праздники? Где литавры и цимбалы? Где прекрасные женщины, мягкие, как бельчата, которые, согласно всем законам человеческим, должны висеть на шее у своих кавалеров, паря в головокружительном вальсе?¹

Это кошмарное обвинение больно задело нас с Черстин. Мы предавались непрерывным размышлениям, и внезапно Черстин, подняв палец, воскликнула:

— Эврика! Устроим праздничный стол, основное блюдо — раки!

План был с восторгом принят и Карлом Хенриком, и мной. А добившись разрешения мамы, Черстин и я заторопились написать и разослать приглашения — Анн, Вивеке, Торкелю, Эрику и Бьёрну, и они звучали так: «Это приглашение на праздничный стол, где основное блюдо — раки. Праздник состоится в ближайшую субботу в 20 часов. Условие заключается в том, что сами гости помогают ловить

¹ Своеобразная перефразировка романтического монолога автора из великого романа Сельмы Лагерлёф «Сага о Йёсте Берлинге» (1891): «О, женщины минувших лет!.. Нежные и мягкие, как бельчата, обнимали вы шею мужей...» Цит. по: *Лагерлёф С. Сага о Йёсте Берлинге* / Пер. Л. Брауде. // *Лагерлёф С. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 84.*

раков, поскольку нельзя требовать, чтобы раки сделали это самостоятельно и поскольку наши денежные средства не позволяют раков купить. Место лова раков: озеро Кварнбушён. Время: пятница, 20 часов. Форма одежды: шорты и шерстяные свитера, старые изношенные башмаки или резиновые сапоги. Не забыть взять с собой карманные фонарики. Собираться возле Гнездовья Патрончиков. Приглашающая сторона захватит с собой корзины для сбора раков, кофе и бутерброды для поддержания жизни, а также один экземпляр наглого поручика, чтобы напоминать о человеческой смертности. Внимание! Слова эти абсолютно безобидны и безопасны! Приглашаем от всего сердца!»

Шестнадцатая глава

пятницу вечером веселое оживление царило перед Гнездовьем Патрончиков. Шумная, хохочущая босоногая орава неотесанных юнцов — вот кто быстрым шагом отправился в путь по направлению к озеру Кварнбушён, а папа, мама, Эдит и ребяташки Ферма махали им вслед. Озеро — такое в сумерках мирное и мечтательное — раскинулось среди сосен и елей. Купаться в этом озере было не очень хорошо, дно для этого казалось слишком каменистым и илистым, но это было единственное в своем роде озеро, где водилось столько рыбы и раков.

Карл Хенрик был тем, кто первым влез в озеро, и так орал, шумел и бахвалился, как будто думал, что целый бронетанковый корпус следует за ним по пятам.

— А ты не мог бы чуточку приглушить свой громкоговоритель? — тихонько поинтересовался Бьёрн.

— А может, ты считаешь, что нам необходимо перепугать насмерть всех раков? — спросила

Черстин. — Что касается меня, то я придерживаюсь старого способа — кипячения¹.

Уже успело стемнеть, и, когда мы все вместе зажгли карманные фонарики, стало очень красиво. Мы рассыпались вдоль берегов. Дно было вперемежку то каменистым, то илистым. Иногда ты проваливался в яму выше колен. Но вода была теплая. Я все время держалась поблизости от Бьёрна, потому что, должна честно признаться, немного боялась раков. Мы светили фонариками и видели, как там, на дне, ползало великое множество черных чудищ. Бьёрн быстро и умело хватал их и показал мне, как их брать, так что я мало-помалу набралась такого нахальства, что осмелилась опускать в воду свою пятарную и вытаскивать раков, причем один крупнее другого, и клала их в корзину. Вдруг мы услышали громкий плеск. Оказалось, что это Карла Хенрика совершенно неожиданно угораздило рухнуть в омут, да еще в такой глубокий, что вся его мужественная фигура скрылась под водой.

— Правильно! — сказал Эрик, когда Карл Хенрик снова появился на поверхности. — Нырять вслед за ним! Ни одна живая душа не должна уклониться от этого!

Нам было жаль Карла Хенрика, промокшего насквозь, поэтому мы на некоторое время прервали ловлю раков и развели на берегу озера костер. А я сбегала на Кварнбуторп и одолжила для кузена фуфайку. Потом мы сидели вокруг костра, пили кофе

¹ Раки краснеют от кипятка. Черстин хочет сказать, что, если раков перепугать, они не покраснеют.

и исполняли воинственные танцы, чтобы не замерзнуть.

А потом мы потихонечку отправились домой с корзинами, полными шуршащих раков. В кухне мы их пересчитали. Раков было добрых двадцать четыре десятка. Наши надежды на завтрашний праздник оправдывались. Когда наутро Черстин и я возвращались с нашей купальной горки через коровий выгон, Черстин, внезапно вскрикнув, указала на склон холма. Моей первой мыслью было, что она увидела змею, но это была вовсе не змея. Весь склон холма был усеян толстенькими прелестнейшими лисичками.

— О, разве это не чудесно! — воскликнула я. — Теперь мы сможем вечером приготовить омлет с лисичками.

— Именно это я и подумала, — сказала Черстин, уже стоявшая на коленях и с молниеносной быстротой собиравшая грибы.

Нам было некуда складывать их, кроме наших купальных халатов. И домой мы принесли два объемистых узла с лисичками.

— А знаешь, что у нас будет на десерт? — спросила я. — Сбегаем-ка наверх, на большую каменистую осыпь близ изгороди пашни Норрйердет¹, ведь там с ума сойдешь какая великолепная дикая малина!

Так мы и сделали, набрав за короткое время три литровые банки малины.

— Ну и праздник мы устроим, — восхитилась Черстин, так высоко подпрыгнув от радости, что

¹ Норрйердет — северная пашня (шв.).

уронила на землю часть малины, — ну и праздник!.. А в придачу еще и бесплатный пир!

Мы довольно долго радовались, пытаюсь высчитать, сколько стоили бы в городе раки, лисички и малина!

— А кроме того, у нас ведь есть яйца для омлета от наших собственных кур и взбитые сливки для малины от наших собственных родных коров! *Ну и лафа* же быть крестьянами!

В полдень мы отправились на велосипедах вниз в поселок и купили разноцветных фонариков. Такие, к сожалению, в угодьях усадьбы не росли. Мы взяли деньги, вырученные от продажи вишен, ведь мы вбили себе в голову, что папа и мама не должны тратиться на наш праздник.

Мы подумали, что, если погода будет хорошая, мы станем пировать в беседке, и еще мы подумали: так оно и должно быть. Карл Хенрик помог нам натянуть крест-накрест проволоку в беседке, и на ней мы и развесили наши разноцветные фонарики. Стол, обычно стоявший в беседке, был слишком мал и не годился для такой уймы гостей. Нам помогли приволочь в беседку большой стол из кухни, который мы накрыли бумажной скатертью и украсили вазами с желтыми ноготками. Напряженность этого дня совершенно сбила с толку нас с Черстин. Было столько разных планов, которые надо осуществить! Ни в коем случае не должен пойти дождь, лучше пусть светит луна! Омлет, который мы сами будем готовить, должен удался, раки, что Эдит сварила еще утром, должны быть в меру посолены. А еще должно быть весело!

В восемь часов вечера все было готово. Два гигантских блюда раков, увенчанных большими пучками укропа, царили посреди стола. Мы договорились с Карлом Хенриком, что, как только покажется первый гость, он зажжет разноцветные фонарики. Черстин, стоя в кухне, мешала тушеные грибы. Я сбивала жидкое тесто для омлета и резала хлеб, который по данному мне знаку должна была начать поджаривать. И когда велосипеды обитателей Моссторпа показались на горизонте у поворота, Карл Хенрик заорал:

— Порядок — готово — марш!

Омлет тотчас въехал в духовку, а Черстин и я выскочили во двор — встречать гостей. Потом я чрезвычайно рьяно поджаривала хлеб до тех самых пор, пока с другой стороны также не появился велосипед. Тогда я попросила Эдит ненадолго сменить меня, чтобы я смогла выйти и поздороваться с Бьёрном. И даже если мысли мои частично пребывали рядом с омлетом, я, во всяком случае, не могла не заметить, что Бьёрн выглядел необычайно приятно: очень загорелый, с выцветшими на солнце волосами, одетый в прекрасную белую рубашку с открытой шеей. А вот прямо из усадьбы Блумкулла появляется Эрик, широко шагающий по огороженным выгонам, а под конец прибывают и почетные гости — мама и папа. Мама так красива, она надела свое алое полотняное платье, и мы с Черстин обмениваемся взглядами, преисполненными тайного одобрения, потому что ничего более нарядного среди родительского сословия никто предъявить не сможет. У нас есть все причины быть довольными нашим выбором матери и отца.

Потом мы рассаживаемся на скамейках. Омлет, по словам Карла Хенрика, шедевр поварского искусства, хлеб — в меру поджарен, раки — в меру посолены, и нам *очень весело*. А как только у луны нашлось немного времени, она выкатилась на темное августовское небо, словно огромный огненно-красный шар, лишь для того, чтобы придать всему совершенный вид. Вечер был такой теплый, разноцветные фонарики так колдовски мерцали над раковой скорлупой, громоздившейся на наших тарелках, а за пределами беседки царила такая тьма! Карл Хенрик всадил в себя столько раков, что я в конце концов спросила, у *всех ли* поручиков танковых войск животы из стальной брони или же он — исключительное явление. И тогда он заявил, что мое воспитание, пожалуй, по-настоящему еще не закончено, но что он завершит его, как только съест еще два десятка раков.

Когда мы добрались до десерта, Анн предложила нам спеть, что мы и сделали.

Из темноты, окружавшей беседку, до наших ушей вдруг донесся шепот, и, посмотрев туда, мы увидели ребяташек Ферма, сидевших, словно маленькие воробушки, на лужайке и наблюдавших за нашими развлечениями. А на крыльце Гнездовья Патрончиков с мечтательно-философским видом сидел Юхан.

У нас оставалось еще множество раков, и я спросила маму, нельзя ли пригласить к столу и детишек Ферма, и Юхана. И мама ответила, что раки ведь наши собственные! Эдит варила в кухне кофе, и я, побежав туда, сказала, чтобы она позвала Улле, если он еще не спит, и чтобы он захватил с собой гитару. Мимоходом она может ведь постучать и в домик

Ферма, потому что намечается празднество большого масштаба. Улле пришел, но Ферма и фру Ферм не было дома, в чем нам, возможно, и повезло, если учесть запасы раков. Черстин и я поставили чистые тарелки, и все потеснились, чтобы другие гости добрались до угощения. Картина была примерно такая, словно рой саранчи вырвался на волю. Вскоре на одном из блюд осталась лишь маленькая жалкая клешня рака. К сожалению, малины мы предложить не смогли, но Эдит сварила побольше кофе, и мы выпили его все в унисон. Разумеется, все, кроме ребятишек Ферма. Конечно, Малыш Калле подошел ко мне и настоятельно попросил налить и ему немножко кофе, но я сказала:

— Ты, верно, думаешь, что я абсолютно утратила контроль над тобой! Нет, мой мальчик! Но лимонад ты получишь!

И Малышу Калле дали лимонад, целую бутылку ему одному, и он был абсолютно счастлив. Потом Улле играл на гитаре. И после некоторых церемоний они с Эдит спели нам множество красивых и печальных песен, полных крови, любви и зла, а также внезапной смерти. Потом я попросила разрешить мне представить обществу детский хор усадьбы Лильхамра под управлением его выдающегося дирижера. И заставила ребятишек Ферма спеть «Лесную фиалку хочу я сорвать», песню, которую я репетировала с ними в эпоху рисовой каши. По внешнему виду ребятишек никак нельзя было сказать, что они жаждут сорвать лесную фиалку. Но мои строгие взоры сотворили чудо, и они запели, неохотно, но подлинно красиво.

В свое время дети и старцы отправились спать. Улле пригласил Эдит на прогулку вниз по направлению к лугу Ваккерэнген, предположительно для того, чтобы обменяться мнениями об Иваре — Черте Плоскостопом. Мы — остальные — последовали их примеру и отправились вниз к озеру на прогулку под луной. Было так прохладно и чудесно, лунный свет, словно серебряный луч, плыл по воде, и если мы на одну-единственную секунду замолкали, то слышали стрекот сверчков. Но было не так уж много секунд зараз, когда бы мы все замолкали.

В самой середине озера Виксен лежит маленький остров Кальвхольмен¹, и оттуда-то мы и решили отправиться в плавание. Нам едва-едва хватило места на восьмерых в гребной шлюпке. Перила почти соприкасались с поверхностью воды, и нам приходилось сидеть абсолютно спокойно. Но все обошлось, и мы счастливо, без приключений высадились на берег. Мы уселись на горке с видом на озеро и были чрезвычайно всем довольны и болтали массу чепухи и все необычайно нравились друг другу.

— На самом деле, я рада, что вы переехали сюда, в усадьбу Лильхамра, — сказала Вивека.

— А как по-твоему, кто-нибудь не рад этому? — спросила Черстин.

¹ Кальвхольмен — телячий остров (шв.).

Семнадцатая глава

аш отпуск кончился, Карл Хенрик уехал, и жизнь снова пошла по-старому, своим чередом. Вся наша компания провожала поручика к поезду. Анн и Вивека сплели венки из васильков и по гавайскому обычаю повесили ему на шею. Он не протестовал, он был слишком опечален тем, что, как он сказал, приходится расставаться со всеми нами, и девочкам удалось сделать его посмешищем. Ему предстояло ехать всю ночь, и Черстин и я наготовили ему на дорогу множество бутербродов. С бесконечно печальным видом он мгновенно перебрал их и вытащил один с сыром. И когда поезд, запыхтев, тронулся в путь, он, стоя на площадке, освещенный вечерним солнцем, с венками из васильков на шее, горестно жевал бутерброд. Тяжелые клубы дыма от паровоза скрывали его временами от нашего взгляда, и, когда поезд прогремел по железнодорожному мосту, чтобы вскоре исчезнуть за кожевенным заводом, Карл Хенрик поднял бутерброд в знак последнего трогательного приветствия и исчез.

И — как уже сказано — жизнь снова пошла по-старому, своим чередом. Маму охватила великая горячка консервирования, так что Черстин и я не знали, куда бежать раньше, так как мама хотела, чтобы мы собирали овощи на огороде, и чистили их, и клали в банки. А папа считал, что нам лучше поработать граблями, убирая то, что осталось после сноповязалки. Мы как могли делали и то и другое. Мы чистили овощи, пока нам не начали сниться по ночам посевной горох, и цветная капуста, и фасоль, и мы в высшей степени разделяли мамино чувство удовлетворения, когда полки в погребе буквально прогибались под тяжестью бесчисленных банок с консервированными овощами. Мы консервировали и лисички, и Черстин и я ползали на коленях по всему коровьему выгону, чтобы не пропустить ни одну самую маленькую толстенькую коротышку.

Но когда поспела рожь и ее надо было отвозить на гумно и молотить, мы оставили маму, заваленную фасолью, и провели несколько чудесных дней на возах с урожаем. Возы нельзя было нагружать тяжелой рожью так высоко, как легким сеном. Поэтому править возом с рожью было не так рискованно, и папа с Юханом пришли к согласию, решив, что Черстин и я можем взяться за это дело. Кроме того, править возом нам было просто необходимо, потому что все работники, какие только имелись в усадьбе Лильхамра, были заняты, частично на току — возле молотилки и веялки, а частично на погрузке в поле. Папа сам стоял у фидера¹ и прини-

¹ Фидер — приспособление для передачи куда-нибудь питательной энергии или подлежащего обработке сырого материала (англ.).

мал рожь, разрезал веревки, которыми были связаны снопы, и подавал ток для молотилки. И молотилка гремела так, что приходилось кричать, если хотелось быть услышанным. А снизу текло в мешки мелкое ржаное зерно — бутерброды будущего года.

— Это не просто молотилка, это чудотилка, — сказала Черстин.

Солому уносило из веялки далеко-далеко, в самый конец гумна, где стоял Ферм, и он принимал ее и расстилал как положено.

Как только я въезжала на гумно со своим возом, я распрягала лошадей и запрягала их в пустой воз, а потом лошади снова неслись в поле, где Улле уже стоял наготове, собираясь грузить рожь на новый воз. Между тем Юхан разгружал оставленный на гумне воз как раз до тех пор, пока Черстин со страшным шумом не врывалась туда с новым грузом. Затем она проделывала тот же маневр, запрягала своих лошадей в пустой воз и пускалась в обратный путь, чтобы привезти новую партию ржи. Когда мы, Черстин и я, встречались на узкой дороге, ведущей к ржаному полю, и с трудом могли, разминувшись, проехать друг мимо друга, мы иногда придерживали на секунду лошадей, чтобы обменяться той или иной мыслью. Но большей частью мы лишь мимоходом кивали друг другу, чувствуя себя кораблями, встретившимися в ночи.

Молотьба и все связанное с этим было в какой-то степени веселой работой. Молотилка гроыхала, а мотор стучал так часто, что когда ты с сумрачного гумна снова отправлялся с пустым возом в путь и выбирался на солнечный свет, то, хочешь или не

хочешь, ты чувствовал себя приободрившимся. Солнце сияло так ясно, небо было высоким и голубым, а вдоль обочины светился желтый подмаренник.

После ржи настал черед пшеницы и овса. Август подошел к концу, и наступил сентябрь; весь урожай был обмолочен и размещен под крышу не раньше последних дней сентября. И тогда папа, потирая руки, заявил, что совершенно определено — быть крестьянином не так трудно, как он думал.

В сентябре разразилась великая заготовка яблочного пюре в усадьбе Лильхамра. Год выдался плодородный на фрукты, даже слишком плодородный, по моему глубокому убеждению. Как только настал день без всякой молотбы, Черстин и я полезли на яблони и стали собирать яблоки. Это было по-настоящему весело, но великую заготовку яблочного пюре я не одобряла.

— Неужели угроза осады уже так нависла над нами, что мы *вынуждены* заготавливать все это пюре? — спросила я маму однажды, когда мы стояли в погребе, глядя на наши припасы. Кроме астрономического количества овощных и грибных консервов, нескольких сотен бутылок с малиновым, клубничным, вишневым и черносмородиновым соком, а также бесчисленных банок черничного и вишневого варенья, и варенья из крыжовника, и другого, не знаю какого еще, там уже громоздились башни из банок яблочного пюре, одна больше и мощнее другой.

— Сельское домашнее хозяйство должно строиться на самообеспечении, — решительно сказала мама, — это совершенно необходимо.

— Да, но, вероятно, не так уж необходимо снабжать наших потомков во многих будущих поколениях яблочным пюре урожаем именно этого года, — возразила я.

— Зима длинна, моя милая девочка, — парировала мама, — и неизвестно, как будет с фруктами в будущем году.

Так что ничего больше не оставалось, как превращать яблоки в пюре. Мы чистили яблоки и клали их в банки для консервирования, мы разрезали яблоки на кусочки, чтобы сушить их для фруктовых супов, мы перетирали их через сито и делали пюре, пюре, *пюре!*

— Слушаюсь и повинуюсь! Попроси меня толочь сухари, чесать шерсть, танцевать хамбо¹ или лизать почтовые марки, делать все, что тебе угодно, только бы это не имело ничего общего с яблочным пюре!

— Неужели! — невозмутимо воскликнула мама. — Может, вместо пюре ты захочешь очистить эти груши? Все-таки некоторое разнообразие!

Сентябрьские дни чаще всего были ясными и погожими, и мы обычно сидели в беседке — мама, Черстин и я, а перед нами на столе лежали гигантские горы яблок. Мы впитывали солнечные лучи, свежий, чуть прохладный воздух и чудесный аромат яблок. Папа охотно приходил в беседку и подсаживался, как он галантно выражался, к своим «трем красивым девочкам». Однажды, испытующе глядя на нас с Черстин, он сказал:

¹ Хамбо — шведский народный танец на три четверти такта, более медленный, чем вальс.

— Личики у Патрончиков коричневые, словно перцовые пряники.

Мы и вправду были загорелые, да и сам он тоже, но ведь можно было почти сосчитать часы, которые мы провели в доме с тех пор, как приехали в усадьбу Лильхамра. Как удавалось не загореть маме, я не знаю. Кожа ее, несмотря на множество солнечных лучей, которые она поглощала, оставалась все такой же аристократически лилейно-белой. Папа с явным восхищением посмотрел на нее и сказал:

— Если бы ваша мама была цветком, то, должно быть, она была бы ландышем!

Что касается папы, то он восхищался бы мамой, даже если бы ей пришла в голову идея разрисовать свое лицо в зеленую клеточку или в синюю крапинку.

— А если бы ты был цветком, — сказала Черстин, — ты был бы из масличных растений. Вообще-то ты толстяк и есть!

Но тут мама строго выговорила Черстин:

— Подумай о том, как ты говоришь со своим отцом!

И Черстин ответила, что сказала именно то, что думала.

И тогда мама заметила папе, что если бы он с того самого дня, когда мы только родились, не питал такую преступную слабость к своим дочерям, то они не посмели бы разговаривать с ним в подобном тоне.

— Знаю, знаю! — воскликнул папа, безутешно качая головой. — Я принадлежу к тем несчастным родителям, которые бьют своих детей только в целях самозащиты. Но это положение должно измениться! Патрончиков необходимо воспитывать! Сурово и бес-

пощадно! Я думаю заняться ими на днях, думаю начать... посмотрим... с четверга.

— Чудесно! — заметила Черстин. — Можно воспитывать нас между одиннадцатью и двенадцатью, потому что позднее у меня нет времени.

Мама была права, папа всегда *питал* к нам слабость.

И нашими маленькими детскими умишками мы разгадали это и использовали эту его слабость уже на самой ранней стадии развития. Когда мы еще детьми восторженно месили глиняное тесто на заднем дворе нашего городского дома и прислуга, высунув голову из окна, говорила: «Черстин и Барбру, сейчас же идите домой», мы осторожно спрашивали: «Кто велел?» — потому что знали: если велела мама, то безопаснее немедленно потихоньку отправиться в путь. Но если велел папа, то можно было, абсолютно ни о чем не беспокоясь, испечь и еще один, и даже два пряника из глины и с нами ровно ничего не случится. Но, как я и сказала маме, если он питал к нам чрезмерную слабость, то ведь и мы, с другой стороны, питали чрезмерную слабость к нему, так что это словно бы уравнивало нас. Пожалуй, мы обходились с ним немного сурово. Так, например, у нас были разные представления о том, насколько часто и насколько долго нам разрешается гулять по вечерам. Лето клонилось к концу, а Черстин и я делали все, что в наших силах, желая использовать каждый миг. Мне, по крайней мере, казалось, что я не могу достаточно надышаться чудесным воздухом, насладиться солнечным и лунным светом, и странствиями в прохладные вечера, и шумом ветра, колышущего листву, и ощущением прохладной

воды, когда я плыву к островку Кальвхольмен и обратно. Когда работа на этот день заканчивалась, уже абсолютно невозможно было сидеть у спокойного домашнего очага. Я приняла твердое решение выжать из уходящего лета каждую унцию¹ сладости. Большой частью мы делали это вместе: Черстин и я, Анн, Вивека и Торкель, Бьёрн и Эрик. Мы рыскали в окрестных лесах и полях, мы ездили на велосипедах по всем хоженным и нехоженным дорогам и тропам в лунные сентябрьские вечера; и до самой смерти я буду помнить снопы, сложенные в копны на пашнях и озаренные лунным светом, и поросшие кувшинками темные озера, и маленькие спящие домишки, где разумные люди уже легли. Я буду помнить и светлячков у обочины, и как холодный вечерний воздух бил прямо в лицо, и как внезапно и неожиданно ты въезжал на велосипеде в зону совершенно теплого воздуха, и как мы шутили и смеялись, и как отчетливо звучали наши голоса в царившей вокруг тишине.

Но папа был не очень доволен нами, и в один прекрасный день он сказал нам, что мы слишком далеки от так называемых «домашних дочек»². Мы слишком часто отсутствуем. Он утверждал, что назвал бы нас «отсутствующие или бродячие дочери».

¹ Унция — до введения метрической системы распространенное во многих странах (а в Великобритании и в XX в.) название для разных единиц веса, идущее от Древнего Рима. В России мера прежнего аптекарского веса, равнялась 29,86 грамма.

² Незамужняя девушка, живущая и проводящая время в родительском доме. Обычно имеются в виду женщины и девушки более старшего возраста.

При этих словах нас охватило безумное раскаяние, и мы сказали, что скоро-прескоро мы станем самыми примерными дочерьми на свете.

— Подождите только, пока ужасная осенняя слякоть не прогонит нас домой, к домашнему очагу, — сказали мы. — Как два мурлыкающих котенка, будем мы сидеть здесь долгими темными зимними вечерами и тихим мяуканьем услаждать жизнь старого отца.

Восемнадцатая глава

вот настала осень.

Неделя катилась за неделей, и воздух с каждым днем становился чуточку прохладней. Наше первое лето в усадьбе Лильхамра кончилось.

Однажды в октябре произошло кое-что, потрясшее меня до глубины души. Совершенно неожиданно среди бела дня приехал на велосипеде Бьёрн и рассказал мне, что должен поехать в Стокгольм. Меня глубоко взволновали его слова, но все-таки мне стало еще хуже, когда он пояснил, что ему придется остаться в столице на два месяца. Именно такой срок он наметил себе, чтобы сдать дополнительный студенческий экзамен по физике.

— Два месяца! О! — воскликнула я.

Поспешно было принято решение, и решение бесповоротное. Всю следующую неделю мы с Бьёрном будем ненадолго встречаться по вечерам до тех пор, пока не настанет страшный день разлуки.

Его поезд отходил в семь часов утра, а накануне он явился в усадьбу Лильхамра, как раз к после-

полуденному кофе, и торжественно со всеми попрощался.

Я проводила его немного по аллее. Он вел велосипед, и мы задумчиво шагали по ковру опавших тополиных листьев, шуршавших у нас под ногами. Я, вздохнув, сказала:

— Во Франции говорят: расставаться — значит чуточку умереть. Это неверно!

— Неужели? — спросил Бьёрн.

— Да, — сказала я. — Расставаться — значит все равно что умереть совсем.

— Да, но два месяца — не такой уж большой срок, — утешал меня Бьёрн.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — возразила я. — Два месяца — это все равно что пять миллионов сто восемьдесят четыре тысячи секунд. Я высчитала точно, уж поверь мне! Но тебе это будет не так тяжело. Ты, вероятно, окунешься прямо в шумную, беззаботную, полную удовольствий жизнь и встретишь множество противных стокгольмских девчонок, которые попытаются тебя охмурить.

— Вероятно, — с дразнящей улыбкой согласился Бьёрн.

— А старую прекрасную Барбру ты, пожалуй, скоро забудешь, — в легком тоне сказала я.

— А старую прекрасную Барбру я не забуду, — пообещал Бьёрн. — Ее я буду помнить все эти пять миллионов секунд. Помнить ее с коричневой крапинкой на щеке и все-все про нее.

Я ничего не ответила, но, думаю, вид у меня был весьма самодовольный. Я проводила его до осины, которую в детстве ободрал папа.

— Береги свое здоровье! — посоветовала я. — Помни, что у тебя был бронхит! Ты, вероятно, возьмешь с собой на случай сырой погоды шарф на шею?

— Разумеется! И галоши, и зонтик на случай дождя, — насмешливо сказал он.

— Смейся, издевайся, мне это все равно! Во всяком случае, я не собираюсь отпустить тебя в дорогу, бросив на произвол судьбы без всяких напутствий.

У осины и начался его первый спуск, словно у горнолыжника. Я стояла возле дерева и смотрела, как он стремглав кинулся в путь вниз по склону и на самом опасном месте, там, где дорога делает поворот, обернулся и помахал шапкой.

— Сумасшедший! — закричала я. — Смотри, куда едешь!

Потом я отправилась домой, и влажные листья тополя падали мне на голову, и я была чуточку грустна. У калитки я встретила папу и Черстин, собиравшихся до наступления сумерек сделать обход наших владений. И я, присоединившись к ним, пошла рядом с папой, только с другой стороны. Мы осмотрели скотный двор, и конюшню, и овчарню, и свинарник. Повсюду царили мир и тишина. На пашне Норрйердет ходил за плугом и пахал Юхан. С уборкой урожая в этом году было покончено, картофель и корнеплоды вырыты, осталась только пахота. Папе нужно было кое о чем посоветоваться с Юханом, и мы прошлись до пашни Норрйердет. Юхан моментально закричал лошадям: «Тпру!» — и обратил к нам взгляд своих голубых глаз, который всегда был только дружелюбный и никакой другой. У них с папой началась одна из обычных дискуссий, где Юхан выступал со свои-

ми мелкими осторожными репликами и, как всегда, в каждом вопросе добивался своего. Потом мы расстались с ним, и он снова принялся пахать.

Когда мы вышли на дорогу, я обернулась и увидела, как он ходит по пашне, маленький и надежный, добрый и преданный... И вдруг у меня защемило в груди от нежности к нему, и я совершила бессмысленный пробег обратно наискосок через все борозды, и когда я подбежала к нему, то совершенно запыхалась.

— Ну, чаво там еще? — спросил Юхан.

— Юхан, — тяжело дыша, выпалила я, — Юхан, я тебя люблю. Ужасно люблю!

И, произнося эти слова, я подумала, что теперь он, должно быть, решит, что у меня не все дома.

— Энтото еще только не хватало! — со своим обычным олимпийским спокойствием сказал Юхан. — И энто все? Ничаво больше?

— Нет, ничего больше!

— Вон што, тогда покедова! — сказал Юхан, собираясь распрягать лошадей, потому что начинались сумерки.

А я побежала догонять папу и Черстин. Мы молча шагали по дороге, размышляя каждый о своем. Я думала о Бьёрне и о том, что мне следовало бы быть жутко, страшно печальной, и, может быть, в глубине души так оно и было. Но не целиком и полностью. Было столько всего, чему я должна была бы и радоваться. Между деревьями замелькал наш маленький белый дом. Так дружелюбно светилось там окно кухни, и я знала, что в кухне ходит, ожидая нас, мама и что от обеда остался яблочный пирог с ванильным соусом. И я надумала взять себе большую порцию и

сесть с ней у огня в общей комнате, тщательно выбрав себе на книжной полке интересную книгу. А позже вечером Черстин и я сыграем партию в шахматы с папой, и он обязательно выиграет, чему будет по-настоящему рад.

Не знаю, о чем думали папа и Черстин. Возможно, примерно то же самое, что и я. Ведь в сумерках Лильхамра была так прекрасна! Весь ландшафт был словно окутан легким туманом. Что-то таилось в самом освещении, настраивавшем тебя на размышления и удерживавшем от обычной болтовни. Папа тоже был молчалив. Но вдруг без предварительного предупреждения он начал читать лирические стихотворения, как делает всегда, когда желает выразить какие-то чувства, а собственных слов не хватает. Он прочитал стихотворение, которое я особенно люблю. Вот оно:

Сердцу должно расцветать от мечтаний,
Иначе сердце мертво.
Жизнь, подари нам струящийся ливень желаний,
Жизнь, подари нам солнца тепло!

Ближе к осени поднимется колос,
И с благодарностью за все тогда
Мы уберем урожай и запоем во весь голос,
А позже встретим печали и зимние холода¹.

Снизу с озера поднимался легкий пушистый туман. Без всякого сомнения, настала осень. Наше блиста-

¹ Стихотворение «Сердце» принадлежит перу известного шведского романиста, новеллиста, лирика и театрального критика, члена Шведской академии (с 1925 г.) Бергмана Бу (1869–1967), автора поэтических сборников «Марионетки» (1903), «Стокгольмские стихи» (1947) и т. д.

тельное лето прошло. Но это не важно! Осенний дождь прополощет глинистые земли усадьбы Лильхамра, выпадет снег и скроет весь наш двор в своих белых объятиях. Но снег весной снова растает, и тысячи фиалок выбьются из земли в нашем парке, в моей роще снова зацветут весенние первоцветы, земляника начнет созревать на папиных земляничных полянках, а я буду там все снова, и снова, и снова переживать свои прежние чувства.

Мы подошли ближе к дружелюбному свету из окошка. Взойдя на крыльцо, папа обернулся и посмотрел на свои владения, что медленно исчезали в тумане и сумерках.

— Вот увидите, сегодня ночью прольются тысячи дождей, — сказал он.

И мы вошли в дом.

Примечания

Вступительная статья Л. Брауде «Бритт Мари, Черстин и я» печатается в расширенном и дополненном виде в настоящем издании. Отдельные сведения о книгах «Бритт Мари изливает душу» и «Черстин и я» опубликованы в статье Л. Брауде «Астрид Линдгрэн детям и юношеству» (М.: Детская литература, 1969. С. 103—134).

«Бритт Мари изливает душу» («Britt-Mari lättar sitt hjärta»). Повесть. Впервые на шведском языке: Stockholm, Rabén—Sjögren, 1944. Впервые на русском языке (перевод Л. Брауде): *Линдгрэн А.* Черстин и я. СПб.: Азбука, 2000. Перевод осуществлен по шведскому изданию 1959 г.

«Черстин и я» («Kerstin och jag».) Повесть. Впервые на шведском языке: Stockholm, Rabén—Sjögren, 1945. Впервые на русском языке (перевод Л. Брауде): *Линдгрэн А.* Черстин и я. СПб.: Азбука, 2000. Перевод выполнен по шведскому изданию 1960 г.

Составила Людмила Брауде

Содержание

БРИТТ МАРИ, ЧЕРСТИН И БАРБРУ. <i>Л. Брауде</i>	5
Бритт Мари изливает душу	15
Черстин и я	165
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>Л. Брауде</i>	348

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН
Собрание сочинений в 10 томах
Черстин и я

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидасв
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Светлана Федорова
Верстка Алексея Положенцева
Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 10.06.2002. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 22. Изд. № 137. Заказ № 849.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Уважаемые читатели!

Если вы являетесь пользователями
сети Интернет, то у вас есть
возможность познакомиться с новинками
нашего издательства и сделать заказ,
не отходя от компьютера.
Предусмотрены выбор книг
по аннотированному каталогу
с цветными обложками и возможность
удобной для вас формы оплаты.
Книги высылаются почтой.

Ждем вас круглосуточно по адресам:

<http://www.ozon.ru/>
<http://www.esterum.com/>
<http://www.bolero.ru/>
<http://www.top-kniga.ru/>

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»
ОБРАЩАТЬСЯ**

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс 327-01-60
ООО «Русич-Сан»
тел. (812) 589-29-75*

Москва: *ООО «Азбука-М»
тел. (095) 911-99-74
ООО «ИКТФ Книжный клуб
36,6»
тел. (095) 265-81-93*

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28*

Саратов: *ООО «Читающий Саратов
плюс»
тел. (8452) 50-88-44*

Хабаровск: *ООО «МИРС»
тел. (4212) 22-74-58, 22-73-30*

Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*

INTERNET-МАГАЗИН

*Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
<http://www.ozon.ru/>*

КНИГА — ПОЧТОЙ

*ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300
тел.: (812) 268-90-93; e-mail: postbook@areal.com.ru*

ISBN 5-352-00137-7

9 785352 001370